

ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2020 3 (832)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

1930

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2020

3

выпуск 832

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

1930

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

HUMANITIES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2020

3

Issue 832

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)

Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Васильюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАН, д-р техн.
наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Мальгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.

Порохницкая Л. В., д-р филол. наук
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик Э. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Косиченко Е. Ф.

Сакральная значимость имени собственного
в философских традициях и в художественном тексте 9

Пищальникова В. А.

Базовые ценности: методологические проблемы
психолингвистического исследования 20

ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Громорушкина А. А.

Экологический дискурс как комплексное явление 36

Исаева С. Н.

Контрвопрос как тактика уклонения:
прагматические, когнитивные и лингвистические аспекты 47

Ладоша О. М.

Языковые средства выражения эмфазы
в немецкоязычном научно-публицистическом тексте 57

Садковой Д. С.

Техники интердискурсивных переключений
и трансформация микрособытий в дискурсе военной прозы 68

Цветаев Е. Ю.

Дискурсивная специфика теледебатов в США и во Франции:
сопоставительный аспект 80

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

Викулина М. А.

Принципы толкования правовых норм
в континентальной и англо-саксонской правовых системах 91

<i>Киосе М. И., Харламова Т. Г.</i> Конвенционализация не прямых номинативных групп, или Как преодолевается стилистическая гетерогенность текста	104
<i>Люсьева Е. М.</i> Фразеология в британском детективном сериале: характеризация ситуации	122
<i>Мягкова В. А.</i> Роль культурного знака в репрезентации смысловой доминанты поэтического текста	134

НАУКА О ЯЗЫКЕ В КНР

<i>Пэй Сянлинь</i> Лингвопрагматика в Китае: коммуникативное поведение русских и китайцев глазами китайских лингвистов	147
<i>Фэн Юэ</i> Специфика корпусных исследований в современном китайском языкознании	159

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Пищальникова В. А., Чэнь Ваньжоу</i> Русская деревенская проза как смысловое пространство существования этнических ценностей	173
<i>Раренко М. Б.</i> Моделирование американского общения на страницах романа У. Д. Хоуэллса «Возвышение Сайласа Лэфема»	182

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Дубкова О. В.</i> К проблеме определения базовых ценностей в картине мира китайцев	193
<i>Перова Е. Ю.</i> Религиозный контекст образа пути в творчестве И. А. Бунина	204
<i>Радченко О. А.</i> Александр фон Гумбольдт: в поисках истоков «сравнительного языковедения»	212

CONTENTS

LINGUISTICS

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES FOR LINGUISTIC RESEARCH

Kosichenko E. F.

Sacred Nature of Personal Names in Philosophy and Fiction 9

Pishchalnikova V. A.

Basic Values: Methodological Problems of Psycholinguistic Research 20

TEXT AND DISCOURSE RESEARCH

Gromorushkina A. A.

Ecological Discourse as a Complex Phenomenon 36

Isaeva S. N.

Counter-question as Evasive Tactics:
Pragmatic, Cognitive and Linguistic Aspects 47

Ladosha O. M.

Linguistic Means of Expressing Emphasis in German Scientific
Journalistic Texts 57

Sadkovoy D. S.

Techniques of Discourse Intersection and Event Construal in Military Prose 68

Cvetaev E. Yu.

Discursive Distinctions of American and French Televised Debates:
a Comparative Study 80

ISSUES OF TEXT INTERPRETATION

Vikulina M. A.

Principles of Interpreting Legal Rules in the Continental
and Anglo-Saxon Law Systems 91

<i>Kiose M. I., Kharlamova T. G.</i> Entrenchment of Figurative Nominal Groups, or How Texts Become Less Stylistically Heterogeneous	104
<i>Lyulcheva E. M.</i> Phraseology in British Detective TV Shows: Description of a Situation	122
<i>Miagkova V. A.</i> The Role of Cultural Signs in Representing Dominant Meanings in Poetic Texts	134

LINGUISTICS IN CHINA

<i>Pei Xianglin</i> Linguistic Pragmatics in China: Chinese and Russian Communicative Behaviour as Viewed by Chinese Linguists	147
<i>Feng Yue</i> Specificity of Corpus Studies in Contemporary Chinese Linguistics	159

LITERARY STUDIES

<i>Pishchalnikova V. A., Chen Wanrou</i> Russian Rustic Prose as a Semantic Space of Ethnic Values	173
<i>Rarenko M. B.</i> Modelling Communication in American Style (an analysis of the novel «The Rise of Silas Lapham» by W. D. Howells)	182

CULTUROLOGY

<i>Dubkova O. V.</i> Revisiting the Problem of Determining Basic Values in the Worldview of the Chinese	193
<i>Perova E. Yu.</i> The Religious Context of the Life Path Concept in Ivan Bunin's Work	204
<i>Radchenko O. A.</i> Alexander von Humboldt: in Search of the Origins of «Comparative Linguistics»	212

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81:101

Е. Ф. Косиченко

доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета; e-mail: ekosichenko@gmail.com

САКРАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ФИЛОСОФСКИХ ТРАДИЦИЯХ И В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье сравниваются подходы к пониманию природы личного имени, характерные для русской и западной философии конца XIX – начала XX вв. Отмечается, что западная ономастическая традиция, уходящая корнями в логическую теорию Дж. С. Милля, резко противостоит русской традиции, у истоков которой стояли богословы П. Флоренский, С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев. Вместе с тем обращение к примерам из романов английского писателя XX в. Г. Грина показало, что вне зависимости от культурной принадлежности человека мышлению свойственно отождествлять имя и именуемый объект.

Ключевые слова: ономастика; именование; личное имя; художественный текст; правильность имен.

E. F. Kosichenko

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor, Head of the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University; e-mail: ekosichenko@gmail.com

SACRED NATURE OF PERSONAL NAMES IN PHILOSOPHY AND FICTION

The article provides a brief coverage of the major theories of proper names developed by the most outstanding philosophers of the 20th century and differentiates between the western onomastic tradition that roots itself in J. S. Mill's logical approach

to naming, and the Russian approach originated in spiritual concepts by P. Florensky, S. N. Bulgakov, A. F. Losev. It is specified that regardless of the culture human mind tends to identify the name with its bearer.

Key words: onomastics; naming; personal name; fiction; conventional and natural naming.

Введение

На современном этапе развития науки имя собственное входит в область интересов преимущественно лингвистических дисциплин: языкознания, лингвокультурологии, психолингвистики, социолингвистики, межкультурной коммуникации и переводоведения. Данные области гуманитарного знания уделяют внимание разным аспектам функционирования имен собственных в языках и культурах, а именно – рассматривают различные вопросы, касающиеся роли имен собственных в сохранении и трансляции культуры, обращаются к проблеме вторичного именования и оценочности, затрагивают некоторые аспекты перевода имен собственных и т. д.

Однако исторически имена собственные привлекали внимание в первую очередь философов и логиков, которые сосредотачивались на роли имени в познании. Вопросы о природе именования и о том, познаваема ли вещь через свое имя, были впервые поставлены Платоном в диалоге «Кратил». Участников данного диалога – Кратила и Гермогена – интересовала проблема о «правильности имен», т. е. о том, присущи ли имена каждой вещи от природы или они являются результатом общественного договора. Кратил полагал, что «у каждой вещи есть сущность», а правильность имени в том, что «оно покажет, какова вещь», в то время как Гермоген придерживался мнения о том, что «никакое имя никому не врождено от природы, но принадлежит на основании закона и обычая тех, которые этот обычай установили и так называют» [Платон 1936, с. 37, 48]. Именно данная дискуссия между Кратилом и Гермогеном послужила источником многих философских, лингвофилософских и лингвистических концепций, начиная с периода Средневековья и до наших дней.

1. Философский взгляд на природу именования

Идеи Платона получили развитие в XI–XII вв. в спорах так называемых реалистов и номиналистов, по-разному отвечавших на вопросы

о природе божественной сущности и о возможности существования от общего до материального. Номинализм развивал идею о том, что вещи существуют до понятий, в то время как реализм декларировал возможность существования общих понятий (универсалий) отдельно от вещей, приводя в качестве примера реально существующие мысли о божественном разуме. В XII в. П. Абеляром была предпринята попытка объединить позиции номиналистов и реалистов в философии концептуализма, согласно которой общее существует в самих вещах и выделяется умом в процессе изучения вещей, т. е. общее существует концептуально. Свое дальнейшее развитие концептуализм получил в начале XX в. в философии имени собственного Х. Джозефа, полагавшего, что индивиды – носители одинаковых имен – не могут иметь одинаковую природу, однако могут обладать похожими свойствами (concepts) [Joseph 1916, с. 31–32].

В конце XIX – начале XX вв. вопрос о природе именованья решался в рамках логического направления. Важным этапом становления данного направления стала книга Дж. С. Милля «Система логики» (1843), где автор декларировал, что имена собственные выполняют исключительно «назывательную» (denotative) функцию, в отличие от имен нарицательных, которые выполняют также «подразумевающую» (connotative) функцию. С этой точки зрения, назывательная функция обеспечивает способность имен собственных вызывать у человека мысли об объекте, однако не меняет их сущности как бессодержательных единиц языка [Mill 1974]. Взгляды английского ученого легли в основу ономастической традиции в западной философии, представители которой понимали имена собственные исключительно как средства именованья живых объектов и референции к ним. В рамках данной традиции наибольшую известность получила концепция немецкого логика Г. Фреге, полагавшего, что имя не дает оснований судить о сущности своего носителя, оно позволяет установить референт, но не сообщает ничего о его природе [Фреге 1997]. Данный взгляд представлен в частном случае семантического треугольника, который Г. Фреге считал применимым к именам собственным. В отличие от основного треугольника, вершины которого соединены сплошными линиями, семантический треугольник, относящийся к именам, содержит только одну сплошную и две пунктирные линии, что означает отсутствие прямой связи между языковым

знаком (именем) и понятием, а также между языковым знаком (именем) и объектом именованя.

2. Имя собственное в лингвофилософии

В лингвистику идеи Дж. С. Милля (1806–1873) пришли, в частности, благодаря А. Гардинеру, который в своих рассуждениях опирался на структуралистское разграничение языка и речи и предложил концепцию «воплощенных» (embodied) и «развоплощенных» (disembodied) имен. Воплощенные имена понимались философом как функциональные единицы, относящиеся к конкретным индивидам, в то время как развоплощенные имена мыслились как явления языка и сущности, не имевшие естественной связи с объектом именованя [Gardiner 1940]. Идеи Дж. С. Милля получили преломление также в аналитической концепции языка Р. Карнапа, в казуальной теории референции С. Крипке, в концепции «раннего» Л. Витгенштейна. В целом, в рамках западного ономастического направления имена собственные рассматриваются как знаки, передающие информацию о своих носителях, но не открывающие путь к познанию их природы.

Западному подходу к вопросам именованя можно противопоставить взгляды представителей русской религиозной философии того же периода (конец XIX – начало XX вв.), А. Ф. Лосева, П. Флоренского, С. Н. Булгакова, заложивших принципиально иную ономастическую традицию и опиравшихся на идею Платона о том, что имя может присваиваться людям и вещам на основании их существенных характеристик.

В частности, русский религиозный философ П. Флоренский (1882–1937) писал о том, что «Имя – тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность». Проанализировав ряд православных имен с точки зрения судеб их носителей – выдающихся исторических личностей, богослов пришел к выводу о том, что в имени «выражается тип личности, онтологическая форма ее, которая определяет далее ее духовное и душевное строение» [Флоренский 2000, с. 40].

Философия имени С. Н. Булгакова (1871–1944) базируется на концепции имяславия, в которой раскрывается авторская философию слова. В целом полагая, что всякое слово есть имя, С. Н. Булгаков, тем не менее, ставит вопрос об отличии собственных и нарицательных

имен, особо отмечая единичность имени собственного, его «фатальный, определяющий, характер» [Булгаков 1999, с. 130]. Противоречие между идеей о единичности имени и множественности личностей, обозначаемых одним и тем же именем, решается С. Н. Булгаковым через наделение имени способностью определять состояние своего носителя, но не его сущность. Согласно его концепции, человек облекается в имя, подобно тому, как он облекается в плоть, и данное человеку имя становится воплощением определенного духа, который развивается в некотором заданном направлении» [Булгаков 1999].

В религиозной философии А. Ф. Лосева (1893–1988) имя трактуется как «смысловое выражение, или энергия предмета» и «предполагает живую интеллигентную индивидуальность» [Лосев 1997, с. 188]; при этом философия языка сводится к философии имени. Таким образом, можно говорить о двух ономастических направлениях, которые сформировались в западной и русской философии на рубеже XIX и XX вв. и заложили основы для будущих лингвистических исследований. Западная философия и западная лингвистика объединили различные теории и концепции, связанные общей идеей о том, что имя собственное – это особый тип языкового знака, который необходим для того, чтобы указывать на объект, который способен пробуждать ассоциации с этим объектом, но который связан с объектом условной связью, поэтому не содержит информации о его сущности. Для русской и советской философии имени свойственно усматривать в ономастических единицах языка глубокое содержание, которое проявляется в определенных условиях и определяет сознание и поведение человека. Данный подход не только в значительной степени определил специфику современной отечественной ономастической традиции, но и представлен в ряде работ современных западных лингвистов, обративших внимание на то, что именно восприятие имени как особого знака нашло выражение в многочисленных культурных и религиозных обрядах [Wilson 1998; Bright 2003].

3. Textoобразующий потенциал имени собственного как сакрального знака

В данной части статьи анализируются отрывки из нескольких произведений английского писателя XX в. Г. Грина, демонстрирующие, что и в современном мире имя собственное часто воспринимается как

сакральный знак, т. е. своего рода священный символ, обладающий свойствами оберега и способный менять судьбу человека. Обращение к творчеству Г. Грина обусловлено его неоднозначным отношением к духовной жизни, в том числе к религии, что отмечает, в частности, американский писатель Пол Сэрокс (Paul Theroux), подчеркивающий, что принятие Г. Грином католичества стало вызовом, проявлением несогласия со своей семьей (и страной), и делало его грешником в своих собственных глазах:

I think his conversion to Roman Catholicism was an act of rebellion – against a family (and a country) that saw Catholics as exotic and suspect and sinister. It also gave him a sense of sin, so his villains are not simply wrong – they are wicked and evil (*URL: movies2.nytimes.com/books/00/02/20/specials/greene-theroux.html*).

В контексте поиска Г. Грином ответа на вопрос о роли религии в жизни человека его отношение к личному имени как сакральной сущности привлекает особое внимание. Наиболее показательными в данном отношении являются романы «Сила и слава», «Человек внутри», «Конец одного романа», «Человеческий фактор», чье идейное содержание отчасти сводится к тому, что личное имя является талисманом человека, его вторым «Я».

Так, в романе «Человеческий фактор» Г. Грин неоднократно вербализует идею о том, что личное имя может быть известно только «своим», и пока оно не выходит за пределы «своего» круга, носитель имени остается в безопасности:

‘Good night, Maurice.’ The use of the name was a sign of love. Endearments – dear and darling – were everyday currency to be employed in company, but *a name was strictly private, never to be betrayed to a stranger outside the tribe* [Greene 2005a, с. 63].

Поскольку роман «Человеческий фактор» рассказывает о жизни двойного агента, в тексте особо подчеркивается, что для представителей этой профессии не существует «своих» и экспликация имени даже среди друзей равносильная провалу:

Nobody called Daintry by his first name because nobody knew it. <...> Daintry was glad Percival was there, for nobody seemed to know Percival’s name either [Greene 2005a, с. 20–21].

В романе «Сила и слава», повествующем о превратностях судьбы католического священника в Мексике 1930-х гг. личное имя главного героя вовсе не упоминается, что сохраняет ему жизнь на протяжении всего повествования.

Помимо того, что личное имя является оберегом человека, обращение по имени свидетельствует о наличии близких отношений. В приводимом ниже примере девушка по имени Синтия неожиданно для окружающих называет коллегу Артура Девиса по имени и тем самым дает окружающим основания полагать, что его ухаживания увенчались успехом.

‘Arthur is not well. Colonel Daintry wants to see you.’ For a moment Castle wondered who the hell Arthur was; he was unused to thinking of Davis as anyone but Davis. Was Cynthia, he wondered, beginning to yield at last to the long siege? *Was that why she now used his Christian name?* [Greene 2005a, с. 118].

В одной из своих работ В. Н. Топоров говорит о существовании в каждой культуре имен, которые «доросли» до эстетически отмеченного и семантически выделенного образа [Топоров 2010]. В англоязычной традиции по целому ряду известных причин особое место занимает имя Елизабет. Данное имя происходит от др.-евр. *Elisheba* – рус. «мой бог поклялся» или «клятва бога моего» [Рыбакин 2000], носителем этого имени были многие великие женщины Англии.

В романе «Человеческий фактор» средством создания романтического образа героини выступает производное слово *Elizabethian*:

It was a pity that her spelling was so bad, but perhaps there was *something Elizabethan* about her spelling as well as about her name [Greene 2005a, с. 40].

В произведении «Человек внутри» имя *Элизабет* принадлежит главной героине, и не только выступает средством создания художественного образа (выражено словами *у девушки не могло быть другого имени*), но также определяет специфику композиционного построения романа: персонаж по имени Эндрюс дает Елизабет обещания, которые впоследствии вынужден выполнять (*звучание имени придало ему сил*):

...It seemed so strange that *you should have any other name than Elizabeth* [Greene 2005b, с. 167].

‘No, he whispered, his lips moving, ‘*for Elizabeth.*’ *The sound of her name gave him courage* [Greene 20056, с. 119].

Более того, идейное содержание данного романа, по сути, сводится к мысли о том, что личное имя определяет судьбу человека, чему способствует резкое противопоставление личного имени и фамилии главного героя *Фрэнсиса Эндрюса*. На протяжении всего произведения для референции к этому персонажу, находящемуся в поиске своего собственного «Я», используется фамилия *Эндрюс*, и только в самом конце привлекается имя *Фрэнсис* как свидетельство личностного становления героя:

Carlyon’s voice steadied him and brought him back to his feet. ‘*Francis, I didn’t do this*’ [Greene 20056, с. 190].

Приемом, позволяющим ему раскрыть внутреннее состояние персонажа через личное имя, Г. Грин пользуется также в книге «Конец одного романа». На самых первых страницах данного произведения содержится саркастический комментарий героя относительно того, что никто никогда не обращался к нему по имени *Морис*, которым его нарекли начитанные родители:

For some reason I am a man known by his surname – I might never have been christened for all the use my friends make of the rather affected *Maurice* my literary parents gave me [Greene 2004, с. 3].

Заметим, что *Морис (Maurice)* – довольно распространенное в англоязычных культурах мужское имя, имеющее значения «темный», «мавр» [Рыбакин 2000]. Несмотря на то, что данное имя лишь несколько раз упоминается в тексте романа, этимология имени выступает средством экспликации внутреннего состояния главного героя, который испытывает постоянное чувство одиночества, ревности и ненависти:

... this is a record of *hate far more than love*; if one is *lonely* one prefers *discomfort*; hall was full of *strangers*; almost a *stranger*; nothing would have delighted me more than to have heard that she was *sick, unhappy, dying* [Greene 2004, с. 1–2].

The *demon* had done its work, I felt drain of *venom*. <...> The *poison* was beginning to work in me again [Greene 2004, с. 51–52].

I am a *jealous* man – it seems stupid to write these words in what is, I suppose, a long record of *jealousy* of Henry, *jealousy* of Sarah and *jealousy* of that other whom Mr Parkis was so maladroitly pursuing... That evening I was still full of my *hatred* and *distrust*... I knew the only way to *hurt* her was to *hurt* myself [Greene 2004, с. 42, 45].

Выводы

Проведенный анализ показывает, что несмотря на существующие, прежде всего в западной философии, весьма удачные попытки рассмотреть имя собственное как особый тип знака, указывающий на своего носителя, способный накапливать и сообщать информацию о нем, но не отражающий его индивидуальных черт, человеку свойственно воспринимать свое имя как часть себя. Наивное мировосприятие, уходящее корнями в мифологическое познание, полностью коррелирует с пониманием имени в русской философии, обратившейся к энергетической природе личных имен, где «имя есть всегда имя личности» [Лосев 1997, с. 188]. В этой связи не удивительно, что авторы произведений художественной литературы часто используют личные имена как средства создания художественного образа. Следует особо подчеркнуть актуальность данной тенденции также для англоязычной литературы; помимо творчества Г. Грина, особое внимание сакральной природе личных имен уделяют в своих произведениях также А. Азимов, Р. Бредбери, В. Голдинг, М. Ондатже и другие авторы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булгаков С. Н. Сочинения : в 2 т. М. : Искусство ; СПб. : Инапресс, 1999. Т. 2. Философия имени. Икона и иконопочитание. 448 с.
- Лосев А. Ф. Имя. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб. : АЛЕТЕЙЯ, 1997. 614 с.
- Платон. Кратил, или О правильности имени // Античные теории языка и стиля. М. ; Л. : ОГИЗ, Соцэкгиз, 1936. С. 36–59.
- Рыбакин А. И. Словарь личных имен: 4000 имен. М. : Русский язык, 2000. 224 с.
- Топоров В. Н. О мифологическом образе Семена и Семеновны в русской традиции // Семантика имени. М. : Языки славянских культур, 2010. С. 44–69.
- Флоренский П. Имена. Харьков : Фолио : М. : Издательство АСТ, 2000. 448 с.

- Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика : сб. науч. ст. М. : Русские словари, 1997. Вып. 35. С. 351–379.
- Bright W.* What is a Name? Reflections on Onomastics // Language and Linguistics, 2003. P. 669–681. URL : www.ling.sinica.edu.tw/files/publication/j2003_4_01_3698.pdf.
- Gardiner A. H.* The Theory of Proper Names. A Controversial Essay. London : Oxford University Press 1940. 67 p.
- Greene G.* The End of the Affair. London : Penguin Books, 2004. 160 p.
- Greene G.* The Human Factor. London : Vintage Books, 2005a. 259 p.
- Greene G.* The Man Within. London : Penguin Books, 2005b. 195 p.
- Joseph H. W. B.* An Introduction to Logic. Oxford : At the Clarendon Press, 1916. 608 p.
- Mill J. S.* A system of Logic Ratiocinative and Inductive. University of Toronto Press, 1974. URL : oll.libertyfund.org/titles/246.
- Theroux P.* An Edwardian on the Concorde: Graham Greene as I Knew Him // The New York Times on the Web. April, 21, 1991. URL : movies2.nytimes.com/books/00/02/20/specials/greene-theroux.html.
- Wilson S.* The Means of Naming: A Social and Cultural History of Personal Naming in Western Europe. UCL Press, 1998. 402 p.

REFERENCES

- Bulgakov S. N.* Sochinenija : v 2 t. M. : Iskusstvo ; Spb. : Inapress, 1999. T. 2. Filosofija imeni. Ikona i ikonopochitanie. 448 s.
- Losev A. F.* Imja. Izbrannye raboty, perevody, besedy, issledovanija, arhivnye materialy. SPb. : ALETEJJA, 1997. 614 s.
- Platon.* Kratil, ili O pravil'nosti imeni // Antichnye teorii jazyka i stilja. M. ; L. : OGIZ, Socjeggiz, 1936. S. 36–59.
- Rybakin A. I.* Slovar' lichnyh imen: 4000 imen. M. : Russkij jazyk, 2000. 224 s.
- Toporov V. N.* O mifologicheskom obraze Semena i Semenovny v russkoj tradicii // Semantika imeni. M. : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010. S. 44–69.
- Florenskij P.* Imena. Har'kov : Folio : M. : Izdatel'stvo AST, 2000. 448 s.
- Frege G.* Smysl i denotat // Semiotika i informatika : sb. nauch. st. M. : Russkie slovari, 1997. Vyp. 35. S. 351–379.
- Bright W.* What is a Name? Reflections on Onomastics // Language and Linguistics. 2003. P. 669–681. URL : www.ling.sinica.edu.tw/files/publication/j2003_4_01_3698.pdf.
- Gardiner A. H.* The Theory of Proper Names. A Controversial Essay. London : Oxford University Press 1940. 67 p.
- Greene G.* The End of the Affair. London : Penguin Books, 2004. 160 p.
- Greene G.* The Human Factor. London : Vintage Books, 2005a. 259 p.

Greene G. The Man Within. London : Penguin Books, 2005b. 195 p.

Joseph H. W. B. An Introduction to Logic. Oxford : At the Clarendon Press, 1916. 608 p.

Mill J. S. A system of Logic Ratiocinative and Inductive. University of Toronto Press, 1974. URL : oll.libertyfund.org/titles/246.

Theroux P. An Edwardian on the Concorde: Graham Greene as I Knew Him // The New York Times on the Web. April, 21, 1991. URL : movies2.nytimes.com/books/00/02/20/specials/greene-theroux.html.

Wilson S. The Means of Naming: A Social and Cultural History of Personal Naming in Western Europe. UCL Press, 1998. 402 p.

УДК 81.23

В. А. Пищальникова

доктор филологических наук, профессор;
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: pishchalnikova@mail.ru

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Автор исследует методологические проблемы изучения базовых ценностей с позиций теории речевой деятельности. Этническая культура как процесс активного освоения мира существует в идеальной, предметной и деятельностной формах и отражается в специфике речевого действия. Сравнивая характер речевых действий носителей разных языков, автор устанавливает общее и особенное в содержании базовых ценностей. Исследуя характер предикации в отношении «стимул – реакция», психолингвист определяет, как данное речевое действие превращает образ восприятия в амодальный смысл.

Ключевые слова: методология; базовые ценности; речевое действие; речевая операция; аксиологическое понятие; личностный смысл.

V. A. Pishchalnikova

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Professor at the Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: pishchalnikova@mail.ru

BASIC VALUES: METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH

The author explores the methodological aspect of the basic values theory in terms of Speech Act theory. Being an active process of world exploration, each ethnic culture takes ideal, subjective and active forms and manifests itself in the specific character of speech acts. The researcher establishes similarities and differences in the content of basic values by comparing speech acts in different languages. Analysis of predication in the “stimulus – reaction” model reveals the mechanism that serves to transform the perception image into an amodal meaning within each speech act.

Key words: methodology; basic values; speech act; speech operation; axiological concept; personal meaning.

Введение

В современном мире происходят радикальные изменения в этнических культурах, определяющие их исторические судьбы, а в настоящем значительно меняющие характер межкультурной коммуникации.

Одновременно усиливающие тенденции к трайбализации ставят проблему способов сохранения этничности в специфических социополитических ситуациях. Поэтому изучение универсальных и этноспецифических базовых ценностей представляется актуальным, однако в разных научных областях – социологии, психологии, лингвистике – пока нет согласованной программы их исследования, хотя междисциплинарность проблемы осознается представителями многих гуманитарных наук.

Необходимы государственные программы сохранения и, возможно, коррекции системы базовых ценностей, поскольку они составляют ядро национальной культуры, ядро этничности. Такие программы должны иметь серьезное теоретико-методологическое обоснование и содержать образцы конкретного анализа материала, на основе которого, с одной стороны, формулируется объект исследования и определяются методы его изучения, с другой – задаются параметры коррекционных моделей.

Современная отечественная психолингвистика способна обеспечить фундаментальную теоретическую и экспериментальную базу исследования содержания базовых ценностей: сформулировать систему основных теоретических представлений, выявляющих специфику объекта и предмета исследования, обосновать выбор методов и приемов их изучения, достоверно и непротиворечиво интерпретировать полученные языковые данные, установить тенденции в изменении содержания ценностей.

Теория речевой деятельности как база исследования культурно значимых аксиологических понятий

1. Аргументация выбора интерпретирующей теории

Первый шаг на этом пути – выбор интерпретирующей теории. Таковой нам представляется классическая теория речевой деятельности А. А. Леонтьева [Леонтьев 1969]. Положениями, важными для исследования базовых ценностей, являются следующие.

По А. А. Леонтьеву, этническая культура как процесс мотивированного, активного освоения мира индивидом существует в идеальной, предметной и деятельностной формах. Идеальная форма этнической культуры включает знания о реалиях действительности и знания об операциях с ними, а также об операциях, с помощью которых

производятся артефакты. Все они могут быть исследованы на основании анализа *речевой деятельности, принципиально изоморфной любой другой деятельности, которую сопровождает*: «...речь – не замкнутый акт деятельности, а совокупность отдельных речевых действий, имеющих собственную промежуточную цель, подчиненную цели акта деятельности, в который они входят, и побуждаемый общим для этого акта деятельности мотивом» [Леонтьев 1997, с. 63].

С приведенным положением вполне согласуется понимание *этнической культуры как совокупности способов деятельности, осуществляющих первичную систематизацию мира и тем самым детерминирующих сохранение и воспроизводство этноса* (см., например: [Лурье 1997]). Поэтому этническая культура рассматривается как защитный механизм, позволяющий индивиду и этносу в целом осуществлять жизнедеятельность. Выполняя защитную функцию, этническая культура одновременно выступает определяющим фактором консолидации этноса и формирования этничности, поскольку, естественно изменяясь в силу необходимости адаптации к условиям существования, она сохраняет стабильным свое ядро, получившее название этнических констант. Это «бессознательные комплексы, складывающиеся в процессе адаптации человеческого коллектива (этноса) к окружающей природной и социальной среде и выполняющие в этнической культуре роль основных механизмов, ответственных за психологическую адаптацию этноса к окружающей среде <...>. Этнические константы ... снимают психологическую угрозу со стороны окружающего мира и обеспечивают члену этноса возможность действовать. <...> Бессознательные образы, возникшие в результате этой адаптации, определяют характер действия человека в мире» [Лурье 1997, с. 228].

Базовые ценности входят в число этнических констант, которые *получают реальное психическое существование только через присвоение их содержания индивидами в процессе конкретной деятельности*, в частности, речевой. В процессе интериоризации этнических констант, в том числе и базовых ценностей, возникают личностные смыслы, в виде которых ценности и существуют для человека. Но в коммуникативно направленную ментальную деятельность они могут включаться лишь в виде актуализации их ассоциативной связи с вербальными единицами языка. Поэтому исследование ассоциативно-вербальной сети индивида с помощью психолингвистических

методов может, во-первых, дать представление о способе существования той или иной этнической константы в сознании индивида и, во-вторых, стать основанием для моделирования инварианта ее содержания в этнической картине мира.

Вербальная ассоциативная связь является объектом психолингвистического анализа как реализация «элементарного речевого действия и речевой операции» [Леонтьев 1997, с. 65], которая содержит в себе все признаки деятельности: предметность, целенаправленность, эвристичность, мотивированность и др. Поэтому *анализ речевых действий, представляющих ассоциативные связи с той или иной (базовой) ценностью, позволит моделировать их содержание.*

Постулируется, что *в речевом действии отражается национально-культурная специфика смыслообразования*, и это дает возможность, сравнивая характер речевых действий носителей одного или разных языков, устанавливать общее и особенное в содержании базовых ценностей, что детально продемонстрировано в ряде последних работ (см., например: [Яо 2019; Пэй 2019; Пищальникова, Яо 2019] и др.).

Для выявления сущности речевого действия имеется значительный массив экспериментальных данных, полученных в разное время от различных групп респондентов и представленных как в научной литературе, так и в ассоциативных словарях разного типа (см., например: [Русский ассоциативный словарь 2002; Голикова 2004; Гуц 2004; Гольдин, Сдобнова, Мартыанов 2011] и др.).

Вместе с тем возникает совокупность теоретико-методологических и методических задач, решение которых необходимо для эффективного анализа имеющегося фактического материала. Это, во-первых, уточнение специфики и составляющих речевого действия как компонента речевой деятельности и на этой основе – совершенствование процедуры его анализа. Во-вторых, есть ряд вопросов, связанных с приемами категоризации и интерпретации реакций, полученных с помощью экспериментов. Так, необходимо более детально рассматривать возможность корреляций между типами ассоциатов и компонентами лексического значения; исследовать характер предикации между стимулом и ассоциатом на базе всего массива реакций, входящих в то или иное ассоциативное поле; особое внимание уделить анализу единичных реакций как репрезентации личностных смыслов.

2. Интерпретативные возможности понятия «языковое сознание»

В ряде работ для установления содержания базовых ценностей используется концепция языкового сознания, которая представляется нам недостаточно эффективной для психолингвистического решения проблемы. С целью обоснования такого мнения исследуем содержание двух основополагающих терминов из совокупности принятых в названной концепции: *языковое сознание, образ сознания*.

Е. Ф. Тарасов, обосновавший концепцию языкового сознания, неоднократно подчеркивал специфику предметной области и объекта отечественной психолингвистики: «Психолингвистика – стыковая (пограничная) дисциплина, возникшая для решения проблем производства и восприятия речи, онтогенеза языка и речевого общения, *по определению содержит психологический и лингвистический понятийные аппараты*» [Тарасов 2006, с. 4] (курсив авт. – В. П.). Такое определение мало согласуется с *междисциплинарным* объектом, разработанным А. А. Леонтьевым, – речевой деятельностью. Психология, лингвистика, логика, физиология моделируют один и тот же феномен – речевую деятельность, но каждая наука – для своих целей, и поэтому речевая деятельность, как специфический междисциплинарный объект, должна интерпретироваться системой категорий, приемлемых для любой из исследующих его наук. Термин, заимствованный из другой понятийной системы, принципиально не может эффективно интерпретировать научный объект *иной* области. Мы полагаем, что свойства аксиологического понятия – ценности – способен адекватно толковать термин «речевое действие», разработанный в рамках принципиально междисциплинарной научной области – психолингвистики. Речевое действие является интерпретирующим термином, входящим, с одной стороны, в систему базовых понятий теории речевой деятельности, с другой – логично вовлекающий в эту систему понятие аксиологического значения (ценности) через актуализацию в своей структуре личностного смысла.

Анализ речевого действия, совмещающего в себе актуальные психологические и языковые признаки речевой деятельности, может установить существенные признаки аксиологического значения. Поэтому мы не можем согласиться с мнением, согласно которому «языковое сознание ... пришло на смену менее адекватному представлению

о значении слова как способа описания знаний, вовлекаемых в процесс речевого общения» [Тарасов 2006, с. 4]: значение слова как способ представления знания в условиях конкретной речевой деятельности раскрывается именно через речевое действие, через акт психологической предикации.

Рассмотрим еще одно определение: «Языковое сознание в отечественной психолингвистике трактуется как совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2006, с. 26]. Определение языкового сознания опирается здесь на понятие «образ сознания», свойства и параметры которого не установлены, и какой-то не только общепринятой, но и более или менее аргументированной модели образа сознания не существует, хотя в общеметодологическом аспекте о *структуре образа* (но не образа сознания!), развивая концепцию А. Н. Леонтьева, плодотворно писал, например, Ф. Е. Василюк [Василюк 1993]. Следовательно, значимое и аргументированное соотношение образа сознания с «овнешнителями разного порядка» не может быть установлено. Кроме того, в соответствии с данным выше определением образ сознания принципиально может быть «овнешнен» любым элементом языка. Но тогда он не может быть базовым *интерпретирующим* термином.

В свое время мы отмечали, что если проанализировать большинство определений языкового сознания, то становится очевидным их (1) постепенный отход от попыток зафиксировать сущностные свойства объекта и (2) замена их перечислением методов, методик и подходов исследования языкового сознания [Пищальникова 2011]. При этом – именно в силу методологической неопределенности исходного понятия – исследователям приходится в процессе анализа искать какой-то «овнешнитель», методы и приемы анализа которого уже известны и так или иначе апробированы (*лексическое значение, концепт, домен*). Но, будучи заимствованными из других парадигм, эти термины не могут эффективно интерпретировать психолингвистический объект, поскольку они не отражают его синкретичных свойств. А ведь задача теории речевой деятельности, по А. А. Леонтьеву, – выявить ее специфическую структуру, «начисто отказавшись от представления этой структуры как своего рода зеркального отражения (хотя бы

и в кривом зеркале) системы языка» [Леонтьев 1969, с. 20]. Поэтому формулирование цели психолингвистического исследования в рамках языкового сознания как анализа процессов использования знаний при производстве и восприятии речи указывает, по сути, на разрыв с классической теорией речевой деятельности А. А. Леонтьева.

Появившиеся в последнее время попытки заново осознать понятие «языковое сознание» принципиально ничего не меняют в представленной парадигме. Так, А. А. Яковлев подчеркивает, что «языковое сознание – это психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом внутренние и внешние условия функционирования языка как достояния человека связаны с его движением, с изменением значений и личностных смыслов слов» [Яковлев 2019, с. 162]. Совершенно не ясно, зачем дублировать термин с устоявшимися системными связями и обладающий большой объяснительной силой – *деятельность*, понимаемую и как объяснительный принцип, и как объект психолингвистического (и не только) исследования? Он давно введен в психолингвистику в качестве одного из ведущих методологических понятий и с успехом объясняет всё, что перечисляет исследователь. Кроме того, само понятие как раз никак не «показывает», не проявляет механизм динамики языка. Исследователи сетуют на то, что частое употребление понятия «языковое сознание» сделало его терминологически нестрогим, «неопределенным и весьма расплывчатым» [Баринова, Нестерова, Овчинникова 2010], однако представляется, что это понятие с самого начала введения в научный оборот было таковым. Поэтому в рамках одной статьи авторы могут утверждать, что «языковое сознание – это *предмет исследования*, а не *объект*» и что «языковое сознание представляет собой такой *аспект* изучения языкового материала, при котором язык и речевую деятельность рассматривают в качестве отражения ментальных представлений языкового коллектива, как правило, не осознаваемых носителями языка» [там же 2010, с. 18] (курсив наш. – В. П.). Следует отметить, что различные попытки оправдать необходимость введения понятия «языковое сознание» в теорию речевой деятельности требуют особого анализа.

Подчеркнем еще одно принципиальное положение, связанное с методологической категорией «образ мира» А. Н. Леонтьева. Образ мира – это «отображение в психике человека предметного мира,

опосредствованного предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающегося сознательной рефлексии» [Леонтьев 1997, с. 268], т. е. не конкретная «единица сознания», а интегративные способы репрезентации мира в сознании. Использовать это понятие как инструмент интерпретации речевой деятельности едва ли эффективно: в любом случае необходимо этот методологический принцип использовать для создания моделей, способных представить такие способы в виде существенных параметров научного объекта, коррелирующих с реальными свойствами феномена. Образ мира не может быть сведен к совокупности «образов сознания» – это методологические абстракции разного уровня, соотносимые с разными сущностями. Почему? Модальность стимула так или иначе определяет уникальность психического процесса, но *формы фиксации* психических продуктов *универсальны* – это *смыслы* как компоненты амодального образа мира – системы универсальных психических форм представления знаний, полученных на основе любых модальностей.

3. Мотивационная значимость явлений как основа смыслообразования

Следовательно, с позиций психолингвистики нельзя анализировать соотношение «стимул – реакция» как соотношение слова и обозначенного словом предмета или определенного комплекса знаний, соотношенного с этим словом. Точнее, можно, но в рамках собственно лингвистической парадигмы. Психолингвист же призван разработать систему анализа *смысловых* структур, репрезентированных ассоциативной связью стимул – реакция, установить характер действия со словом («вмешательств языка в действительность», по В. фон Гумбольдту), определить, как данное речевое действие превращает образ восприятия в амодальный смысл.

Перечисленные задачи требуют разграничения мотивов и смыслов. Так, А. Н. Леонтьев [Леонтьев 1972] называет мотивами только такие результаты и предметы деятельности, которые имеют независимое мотивационное содержание. Временное значение предмета, которое возникает в условиях конкретной деятельности в связи с достижением ее цели, называется смыслом. А поскольку любой предмет потенциально может быть включен в деятельность и стать объектом

смыслообразования, А. Н. Леонтьев, по сути, говорит о всеобщей мотивационной значимости явлений. Таким образом, это еще одно методологически важное положение, в соответствии с которым *присвоение ценностей обязательно обусловлено мотивацией, формируемой только в деятельности конкретного человека.*

Всё сказанное выше указывает на нейропсихологическую общность всех составляющих процесса смыслообразования как «сдвига мотива на цель» (А. Н. Леонтьев), но одновременно – на индивидуальность фиксации его результатов в ассоциативно-вербальной сети человека. При этом подчеркнем одну очень важную мысль, высказанную И. И. Валуйцевой и Г. Т. Хухуни: ядро «языкового сознания», которое формируется, как правило, на основе частотных ассоциатов, не тождественно этническому стереотипу, хотя, добавим, такая позиция, упрощающая отношения между этими понятиями, широко распространена. Культурная общность индивидов сама по себе не является основанием для вывода о их едином этнокультурном сознании [Валуйцева, Хухуни 2012]. Вместе с тем в пределах одной этнической культуры схожие или соотносимые деятельности носителей языка приводят к появлению подобных или соотносимых личностных смыслов. Их можно установить только на основании исследования речевого действия, в котором языковой знак является для говорящего средством включения личностного смысла в речевую деятельность, а характер его включения (характер предикации) – способом репрезентации личностного смысла. Для реципиента языковой знак – средство обнаружения этого способа. И если мы хотим понять специфику образа мира других, необходимо выявлять не столько конкретное возможное содержание знания, стоящее, например, за ассоциатом, сколько языковой способ его репрезентации и характер психологической предикации между стимулом и реакцией: с одной стороны, «языковые знания неразрывно *связаны* с образом мира у пользующегося языком человека, т. е. с другими видами знаний, а с другой – исследование языкового знания требует выхода за пределы лингвистики в психологию, социологию, культурологию и т. д.» [Залевская 2007, с. 4].

4. Состав интерпретирующих концептов

Второй шаг – установление содержания научных конструктов, интерпретирующих базовую ценность как аксиологическое понятие,

репрезентируемое в речевой деятельности. Таковым нам представляется, прежде всего, понятие общечеловеческой и этнокультурной (этнической) ценности, которое, употребляясь в философии, социологии и психологии, должно быть методологически обработано для толкования психолингвистического объекта – речевой деятельности. Здесь, на наш взгляд, необходимо акцентировать специфику *оценочного речевого действия как компонента речевой деятельности индивида*. Такая специфика позволит определить особенности психолингвистического аспекта понятия «ценность» и его связь с соотносимыми терминами в других науках. Пока же при характеристике ассоциативного поля к оценочным реакциям относят все лексемы, выражающие отношение к стимулу в рамках градуальной шкалы «хорошо – плохо». Чтобы верифицировать данные свободного ассоциативного эксперимента, в идеальном случае необходимо проверять лексемы, обозначающие ценности, шкалированием и ранжированием в той же группе респондентов.

Проблема определения каждой изучаемой ценности важна не только сама по себе, но и для формирования стимульного списка свободного ассоциативного эксперимента. Эта проблема усложняется при составлении двуязычных словарей ценностей, особенно если они фиксируют лексику типологически разных языков. При этом надо понимать, что сравнение дефиниций, представленных в философских, социологических, психологических, толковых и иных словарях (и часто привлекаемых энциклопедиях) требует (1) специфической модели их анализа и что (2), словарное значение может не совпадать / совпадать частично с психологически актуальным содержанием, ассоциируемым индивидами с данной лексемой. Кроме того, привлекая к работе толковые и иные словари, следует учитывать, что каждый из них отражает определенный момент в развитии языка / культуры, поэтому на предварительном этапе исследования необходимо сравнение лексикографических данных с целью установления возможного изменения значения лексем, обозначающих ценности.

Мы уже подчеркивали, что психологически актуальное содержание ценности как базового понятия этнической культуры возникает только в индивидуальной деятельности человека. При этом влияние социума на формирование этого содержания, безусловно, есть, но степень этого влияния определяется бытием каждого человека и проявляется в соотношении его внутреннего и внешнего поведения.

Актуализация содержания аксиологических понятий осуществляется в процессах индивидуальной речевой деятельности. Сопоставляя личностные смыслы, в том числе аксиологические их компоненты, соотносимые с тем или иным словом, индивид формирует представление / понятие, номинируемое этим словом. Вот почему целесообразно разводить *ценности* как систему неосознаваемых предпочтений в значимости тех или иных понятий и представлений о действительности, разделяемых членами этноса, и *ценностные ориентиры* как психологическую адаптацию базовой ценности к условиям бытия конкретного человека. По сути ценностный ориентир совпадает с понятием *мотива* деятельности. Любое (этическое) понятие, включенное в мыслительную деятельность, может быть для индивида ценным / неценным в зависимости от мотива деятельности. Поэтому едва ли эффективно рассматривать «политекстовую форму овнешнения содержания ОЦ (общечеловеческих ценностей. – В. П.) в конкретном этносе» как их «специфическую экзистенциальную характеристику» [Тарасов 2010, с. 12] (курсив наш. – В. П.).

Будучи означенным, ***аксиологический компонент личностного смысла так или иначе зависит от способа своей вербальной репрезентации***: знаковые системы в известной степени ограничивают содержание ментальных образований. Поэтому содержание аксиологического компонента значения должно моделироваться с учетом разных методов сбора и анализа языкового материала. В частности, возможно сопоставление экспериментальных данных, полученных при звуковом и графическом предъявлении стимула. В этом случае экспериментальные методики приобретают особое значение, тем более что при установлении содержания базовых ценностей психолингвист ставит задачу выявить их личностный смысл в обыденной, наивной картине мира.

Следовательно, опять актуализируется необходимость исследования речевого действия, в котором синестетически отражаются все факторы, воздействующие на речевую деятельность, и мотивы такой деятельности. ***Речевое действие одновременно является и вербально-авербальным способом представления личностного смысла, и операцией со знаками.***

Необходимо также акцентировать то, что аксиологическое значение слова и ценность как культурно обусловленное аксиологическое понятие не являются тождественными. Первое фиксирует в системе

языка градуальное оценочное отношение к объекту номинации. Такое отношение в речевой деятельности субъекта может быть выражено словом (или другими единицами языка), не обладающим в системе языка оценочным значением. Этническая ценность, универсальная или национально специфичная, – это понятие / представление, содержание которого определяется не системой языка, а культурой и выработанной в условиях ее существования иерархией значимостей того или иного морально-этического или иного понятия для индивида и этноса в целом. При этом следует учитывать, что разные периоды в развитии человечества характеризуются не только разными системами ценностей, но и неодинаковыми темпами их развития. Далеко не всем ценностям системам присуща «постепенность эволюционного развития» [Тарасов 2010, с. 9], напротив, по мнению философов и культурологов, современная ситуация характеризуется более сложными процессами, например, сильнейшим воздействием технокультуры на нейрофизиологию человека, что нарушает последовательность эволюции и приводит к революционным изменениям в социальном бытии человека и, естественно, к изменению систем ценностей. «Постепенность эволюции» противоречит утверждению о том, что в социуме одновременно существует сложная система надбиологических социальных программ развития – «отмирающих (реликтовых), устойчиво воспроизводящихся и обеспечивающих сохранность общества во времени и ... проекты будущих...» [Тарасов 2010, с. 9].

Подчеркнем, что содержание любого присваиваемого содержания объекта деятельности определяется условиями существования индивида и ассоциативно-апперцепционным содержанием его сознания. Абсолютизация социального фактора, детерминирующего присвоение «мировоззренческих универсалий», искажает реальную картину психического бытия ценностей. Другое дело, что «культурные универсалии» так или иначе «обуславливают категориально-понятийную матрицу для постижения природы и общества» [Тарасов 2010, с. 9], однако, акцентируем внимание читателей еще раз, такая детерминация не является абсолютной.

Выводы

Психолингвист, если хочет быть социально полезным при изучении проблемы базовых ценностей, должен дать обществу, прежде

всего, научно аргументированную методику выявления их содержания и иерархии. Без уточнения теоретических основ, коррекции содержания базовых интерпретирующих терминов и репрезентативных экспериментальных данных это невозможно. Иерархическая модель ценностей позволит разработать адекватные состоянию социума инструменты воздействия на нее и необходимой ее коррекции, иначе интерес к проблеме ограничивается только прагматическими задачами эффективной межкультурной коммуникации. Построение такой модели невозможно без установления тенденций развития содержания ценностей (или их содержательной деградации), поэтому психолингвист должен владеть и методиками обнаружения этого развития, например, на основе анализа изменения семантических признаков лексем, обозначающих базовые ценности, и, возможно, предоставив прогноз путей развития значения слов (см., например: [Яо 2019]). Еще более серьезные результаты могут быть достигнуты при *сопоставительном* анализе ценностей и антиценностей в разных культурах (см., например: [Пэй 2019]). (Сейчас остро ощущается необходимость подведения промежуточных итогов в этой области исследований). Это требует анализа оценочного речевого действия, определения роли речевого действия в установлении аксиологического аспекта значения слова как компонента речевой деятельности.

Представляется также, что исследование динамики содержания ценностей не может быть ограничено исследованием только тех культур, «где произошло изменение социального строя» и «где культура меняется под влиянием глобализационных процессов», поскольку изменение базовых этических (и других) понятий осуществляется с разной скоростью во всех культурах [Поиск ... 2007].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барина И. А., Нестерова Н. М., Овчинникова И. Г. «Языковое сознание»: к вопросу об определении и интерпретации термина // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Серия «Проблемы языкознания и педагогики». 2010. № 4. С. 10–21.
- Валуйцева И. И., Хухуни Г. Т. Этноязыковое сознание: единство и противоречие // Вопросы психолингвистики. 2012. № 2(16). С. 112–120.
- Василюк Ф. Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5–19.
- Голикова Т. А. Русско-алтайский ассоциативный словарь (Алтай-орус ассоциативный сөзлик). М. : Изд-во ОЛСИБ, 2004. 380 с.

- Гольдин В. Е., Сдобнова А. П., Мартьянов А. П. Русский ассоциативный словарь ассоциативных реакций школьников I–XI классов : в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. Т. 2. От реакции к стимулу. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2011. 480 с.
- Гуц Е. Н. Ассоциативный словарь подростка. Омск : Вариант-Сибирь, 2004. 156 с.
- Залевская А. А. Динамика общенаучных подходов к проблеме знания и некоторые задачи психолингвистических исследований // Вопросы психолингвистики. № 5. 2007. С. 4–12.
- Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М. : Наука, 1969. 214 с.
- Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М. : Смысл, 1997. 286 с.
- Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. 4-е изд. М. : Изд-во МГУ, 1981. 584 с.
- Леонтьев А. Н. Образ мира // Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. М. : Педагогика, 1983. Т. 2. С. 251–261.
- Лурье С. В. Историческая этнология. М. : Аспект Пресс, 1997. 445 с.
- Пищальникова В. А. Содержание базовых терминов в современной отечественной психолингвистике // Русский язык в школе. 2011. № 7. С. 60–67.
- Пищальникова В. А., Яо Ч. Служить бы рад – прислуживаться тошно, или Динамика значения слова 殷勤的 / услужливый в китайской лингвокультуре // Известия ЮЗГУ. Серия Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 56–65.
- Поиск новых ценностей и стратегия развития // Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / отв. ред. В. С. Степин. М. : Наука, 2007. 638 с.
- Пэй Ц. Антиценность «коррупция» / «腐败» как фрагмент языковой картины мира русских и китайцев : дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 236 с.
- Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М. : Издательство Астрель : Издательство АСТ, 2002. 784 с. ; Т. 2. От реакции к стимулу / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М. : Издательство Астрель : Издательство АСТ, 2002. 992 с.
- Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. М. : ИЯ РАН, 2000. 318 с.
- Тарасов Е. Ф. Предисловие // Вопросы психолингвистики. № 4. 2006. С. 4
- Яковлев А. А. Языковое сознание – часть индивидуального сознания или часть теории? // Вопросы психолингвистики. № 2. 2019. С. 157–171.
- Яо Ч. Содержательная специфика этического понятия «вежливость» / «貌» в русском и китайском языках : дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 246 с.

REFERENCES

- Barinova I. A., Nesterova N. M., Ovchinnikova I. G.* «Jazykovoe soznanie»: k voprosu ob opredelenii i interpretacii termina // Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta. Serija «Problemy jazykoznanija i pedagogiki». 2010. № 4. S. 10–21.
- Vahujceva I. I., Huhuni G. T.* Jetnojazykovoe soznanie: edinstvo i protivorechie // Voprosy psiholingvistiki. 2012. № 2(16). S. 112–120.
- Vasiljuk F. E.* Struktura obraza // Voprosy psihologii. 1993. № 5. S. 5–19.
- Golikova T. A.* Russko-altajskij asociativnyj slovar' (Altaj-orus asociativnyj slozlik). M. : Izd-vo OLSIB, 2004. 380 s.
- Gol'din V. E., Sdobnova A. P., Mart'janov A. P.* Russkij asociativnyj slovar' asociativnyh reakcij shkol'nikov I–XI klassov : v 2 t. T. 1. Ot stimula k reakcii. T. 2. Ot reakcii k stimulu. Saratov : Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2011. 480 s.
- Guc E. N.* Asociativnyj slovar' podrostka. Omsk : Variant-Sibir', 2004. 156 s.
- Zalevskaja A. A.* Dinamika obshhenauchnyh podhodov k probleme znaniya i nekotorye zadachi psiholingvisticheskikh issledovanij // Voprosy psiholingvistiki. № 5. 2007. S. 4–12.
- Leont'ev A. A.* Jazyk, rech', rechevaja dejatel'nost'. M. : Nauka, 1969. 214 s.
- Leont'ev A. A.* Osnovy psiholingvistiki. M. : Smysl, 1997. 286 s.
- Leont'ev A. N.* Problemy razvitija psihiki / A. N. Leont'ev. 4-e izd. M. : Izd-vo MGU, 1981. 584 s.
- Leont'ev A. N.* Obraz mira // Leont'ev A. N. Izbrannye psihologicheskie proizvedenija. M. : Pedagogika, 1983. T. II. S. 251–261.
- Lur'e S. V.* Istoricheskaja jetnologija. M. : Aspekt Press, 1997. 445 s.
- Pishhal'nikova V. A.* Soderzhanie bazovyh terminov v sovremennoj otechestvennoj psiholingvistike // Russkij jazyk v shkole. 2011. № 7. S. 60–67.
- Pishhal'nikova V. A., Jao Ch.* Sluzhit' by rad – prisluzhivat'sja toshno, ili Dinamika znachenija slova 殷勤的 / uslužlivyj v kitajskoj lingvokul'ture // Izvestija JuzGU. Serija Lingvistika i pedagogika. 2019. T. 9. № 1(30). S. 56–65.
- Poisk novyh cennostej i strategija razvitija // Rossija v globalizirujushhemsja mire: mirovozzrencheskie i sociokul'turnye aspekty / otv. red. V. S. Stepin. M. : Nauka, 2007. 638 s.
- Pfej C.* Anticennost' «korrupcija» / «腐败» kak fragment jazykovej kartiny mira russkikh i kitajcev : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2019. 236 s.
- Russkij asociativnyj slovar' : v 2 t. T. 1. Ot stimula k reakcii / Ju. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimceva, Ju. A. Sorokin, E. F. Tarasov. M. : Izdatel'stvo Astrel' : Izdatel'stvo AST, 2002. 784 s. ; T. 2. Ot reakcii k stimulu / Ju. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimceva, Ju. A. Sorokin, E. F. Tarasov. M. : Izdatel'stvo Astrel' : Izdatel'stvo AST, 2002. 992 s.

- Tarasov E. F.* Aktual'nye problemy analiza jazykovogo soznaniya // Jazykovoe soznanie i obraz mira. M. : IJa RAN, 2000. 318 s.
- Tarasov E. F.* Predislovie // Voprosy psiholingvistiki. № 4. 2006. S. 4
- Jakovlev A. A.* Jazykovoe soznanie – chast' individual'nogo soznaniya ili chast' teorii? // Voprosy psiholingvistiki. № 2. 2019. S. 157–171.
- Jao Ch.* Soderzhatel'naja specifika jeticheskogo ponjatija «vezhlivost'» / «貌» v russkom i kitajskom jazykah : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2019. 246 s.

ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

УДК 81-119

А. А. Громорушкина

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: a.gromorushkina@gmail.com

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК КОМПЛЕКСНОЕ ЯВЛЕНИЕ

В статье рассматриваются параметры и характерные особенности экологического дискурса, особенно публицистических изданий, размещающих свои материалы в Интернете. Обосновывается идея о том, что необходимо понимать экологический дискурс широко, не ограничиваясь только статьями, посвященными проблемам окружающей среды. Работа написана в рамках эколлингвистического направления, в котором еще нет универсального понимания целого ряда понятий, что требует их дальнейшей разработки и анализа.

Ключевые слова: экологический дискурс; дискурс СМИ; публицистический дискурс; эколлингвистика.

A. A. Gromorushkina

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: a.gromorushkina@gmail.com

ECOLOGICAL DISCOURSE AS A COMPLEX PHENOMENON

The paper considers parameters and features of the ecological discourse with special regard to contemporary ecological media discourse. The author argues that the ecological discourse is in no way limited by environmental issues and is to be understood in a broader sense. Developing an ecolinguistic approach to discourse analysis the author points out that there is no clear demarcation between terms and concepts and further research is required.

Key words: ecological discourse; media discourse; ecolinguistics.

Введение

Терминологический аппарат эколлингвистики как относительно молодого комплексного направления требует уточнений для унифицированного понимания основных понятий. Так, лингвисты, работающие в данном направлении, занимаются изучением экологического

дискурса, выделяя его основные характеристики наряду с другими видами дискурса. Однако разногласия в понимании термина приводят к противоречивым выводам. Цель данной работы – кратко и критически проанализировать существующие подходы к определению экологического дискурса, а также, исходя из этого, выявить характерные особенности экологического дискурса, наибольшее внимание уделив экологическому дискурсу СМИ.

К определению экологического дискурса

Как существуют разные подходы к определению дискурса в целом, так и различные подходы к определению экологического дискурса. Е. В. Иванова дает следующую дефиницию: «Экологический дискурс представляет собой совокупность устных и письменных текстов различных функциональных стилей и жанров, обусловленных ситуацией общения на экологические темы. Ключевым концептом и темой экологического дискурса является природа и состояние окружающей среды» [Иванова 2007, с. 4]. Тем самым она утверждает, что к экологическому дискурсу относятся тексты исключительно экологической тематики, что, в ее понимании, ограничивается природой и окружающей средой.

Е. В. Иванова также выделяет четыре разновидности экологического дискурса с точки зрения функционально-стилевой дифференциации [Иванова 2007, с. 6–7]:

- 1) научный дискурс, к которому относятся тексты, созданные специалистами (экологами);
- 2) медийный дискурс, т. е. преимущественно тексты, созданные журналистами и распространяемые через СМИ;
- 3) религиозно-проповеднический дискурс;
- 4) художественный дискурс, представляющий собой совокупность произведений художественной литературы, описывающей явления природы.

Е. В. Иванова подчеркивает, что ядром экологического дискурса является научный дискурс, а ближнюю периферию образуют жанры медийного дискурса.

А. В. Зайцева предлагает свое определение экологического дискурса: «Экологический дискурс – это сложное коммуникативно-речевое явление, представляющее собой, с одной стороны, вид социальной

коммуникации, в основе которой лежит речемыслительная деятельность людей в определенном историко-культурологическом контексте на базе общего предмета – экологии и охраны окружающей среды, выступающих в качестве ключевых концептов. С другой стороны, экологический дискурс – это совокупность экологических текстов различных коммуникативно-речевых сфер (науки и публицистики, художественной литературы, официально-делового и бытового общения), объединенных общей темой и формирующих экологическое сознание реципиентов» [Зайцева 2014, с. 23].

Данное определение представляет экологический дискурс в более широком плане: ядерные компоненты дискурса уже не природа и окружающая среда, а экология и защита окружающей среды, что, несомненно, выходит за рамки определения, данного Е. В. Ивановой. А. В. Зайцева также говорит о разножанровом характере экологического дискурса и его основной функции: формировании экологического сознания реципиентов.

Опираясь на вышеприведенное определение, хотелось бы подчеркнуть, что экологическое сознание реципиентов формируется не только и, вероятно, не столько текстами экологической тематики.

Экологическое сознание понимается нами как «форма общественного сознания, находящаяся в стадии формирования, включающая в себя совокупность идей, теорий, взглядов, мотиваций, отражающих экологическую сторону общественного бытия, а именно – реальную практику отношений между человеком и средой его жизни, между обществом и природой, включая регулятивные принципы и нормы поведения, направленные на достижение оптимального состояния системы «общество – природа»» (цит. по: [Сухоруков 2017, с. 1]). Важно подчеркнуть, что экологическое сознание не ограничивается представлениями человека об окружающей среде. Оно также включает в себя принципы взаимодействия с ней. Тем не менее мы убеждены, что оптимальное состояние системы «общество – природа» вовсе не обязательно отражает концепцию устойчивого развития. Это состояние является оптимальным не для экологической ситуации как таковой, а для государственной политики, ведь экологическое сознание большинства людей формируется не научным, а медийным дискурсом, который, в свою очередь, преследует определенные цели и является частью государственной информационной политики.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что экологический дискурс не является совокупностью экологических текстов различных коммуникативно-речевых сфер, как утверждает А. В. Зайцева. В соответствии с теорией поля внутри публицистического экологического дискурса СМИ можно выделить ядро и периферию не с точки зрения функциональных стилей, а именно в соответствии с основной тематикой статей. Тогда ядром экологического дискурса будут являться тексты непосредственно экологической тематики (например, погода, глобальное потепление и изменение климата, природные катаклизмы), а периферией – статьи политической и экономической тематики, которые оказывают косвенное влияние на формирование экологического сознания реципиента. Так, экономический и политический дискурс может быть экологически деструктивным ввиду лежащей в его основе идеологии. При этом следует помнить о том, что дискурс формирует знание о мире с институциональной позиции и является «источником знания (meaning-resources), доступным обществу для осмысления мира, социума и природы» [Kress 2010, с. 110].

Драйзек [Dryzek 2005] указывает на то, что экологический дискурс формируется не только экологами, но также и теми, кто не относит себя к защитникам окружающей среды (environmentalists), а либо по личной инициативе, либо в силу обстоятельств занимается экологическими вопросами, будь то «политики, бюрократы, руководители корпораций, юристы, журналисты или обычные граждане» [Dryzek 2005, с. 9]. Экологический дискурс, по его мнению, с которым мы полностью согласны, охватывает даже тех, кто считает себя противником экологического движения. Действительно, к экологическому дискурсу, несомненно, относятся тексты, прямо или косвенно отражающие экологическую политику государства, а с этими текстами соприкасается любой гражданин, ведь он живет в обществе и окружен потоком информации.

Виды экологического дискурса

Понимая экологический дискурс широко, Дж. Драйзек подразделяет его на четыре основные группы. Предложенная им таблица демонстрирует классификацию экологического дискурса по двум осям: радикализм – реформизм и прозаичность – имагинативность (см. табл. 1).

Classifying environmental discourses¹

	Reformist	Radical
Prosaic	Problem Solving	Survivalism
Imaginative	Sustainability	Green Radicalism

Прозаический дискурс базируется на установке, что политико-экономическая ситуация принимается как данность, при этом экологические проблемы рассматриваются как «затруднения, с которыми столкнулась сформировавшаяся индустриальная политическая экономика» [Dryzek 2005, с. 14]. Имажинативный дискурс, в свою очередь, исходит из того, что экологическая ситуация не должна находиться в оппозиции к экономической, что можно добиться баланса.

Охарактеризуем кратко четыре выделенных типа экологического дискурса. *Решение экологических проблем (environmental problem solving)* характеризуется «принятием политико-экономического статуса-кво как данности, но нуждающегося в некоторых изменениях для борьбы с проблемами окружающей среды, особенно посредством государственной политики» [Dryzek 2005, с. 14]. *Сурвивализм (survivalism)* базируется на установке, что дальнейшее экономическое развитие и прирост популяции, в конечном счете, приведут к тому, что природные запасы Земли будут исчерпаны, экосистемы разрушены, а человек не сможет продолжать свою сельскохозяйственную и индустриальную деятельность. Это, как утверждает Дж. Драйзек [Dryzek 2005], радикальный дискурс, потому что он требует полного перераспределения власти внутри индустриальной политической экономики и полный отказ от непрерывного экономического роста. Дж. Драйзек относит этот тип дискурса к прозаическому, так как решение видится не в отходе от индустриализма, а в более жесткой государственной политике.

В имажинативном дискурсе выделяются два направления – *устойчивое развитие (sustainability)* и «*зеленый*» *радикализм (green radicalism)*, названия которых, на наш взгляд, говорят сами за себя. Первый подход подразумевает модернизацию экономики, чтобы

¹ См.: [Dryzek 2005, с. 14].

минимизировать вред, наносимый окружающей среде. Второй подход предлагает полностью отказаться от существующего экономико-политического строя и переосмыслить место человека в мире.

Экологический дискурс понимается широко и Дж. Лакоффом, который утверждает, что «экологический фрейминг наблюдается повсеместно в новостях» [Lakoff 2010, с. 70], т. е. не только новостях, посвященных проблемам окружающей среды. В статье «Why it Matters How We Frame the Environment» [Lakoff 2010] он говорит о том, что мы мыслим при помощи типичных подсознательных структур, называемых фреймами, или схемами, где фрейм понимается как «структура данных для представления стереотипных ситуаций, особенно при организации больших объёмов памяти» [Демьянков 1997, с. 187] или как «ментальная структура, которая организует знание» [Lakoff 2014].

Итак, *экологический дискурс* понимается нами широко и, уточняя определение, данное Е. В. Ивановой [Иванова 2007], мы считаем его *совокупностью устных и письменных текстов различных функциональных стилей и жанров, прямо или косвенно формирующих экологическое сознание реципиента.*

Особенности экологического дискурса СМИ

Говоря о характерных особенностях экологического дискурса СМИ, мы прежде всего будем опираться на тексты, посвященные непосредственно проблемам окружающей среды, поскольку анализ периферии дискурса также подразумевал бы проведение интердискурсивного исследования ввиду того, что к периферии экологического дискурса мы относим также тексты политической и экономической направленности, а также любые иные, формирующие экологическое сознание человека. Основное влияние на реципиента, несомненно, оказывает экологический дискурс в широком понимании. Данное мнение разделяет большинство современных отечественных лингвистов, работающих в данной области [Басинская 2014; Зайцева 2014; Иванова 2007; Калёнова, Дубровская 2015; Филиппова 2018].

Основываясь на исследованиях российских и зарубежных коллег, М. В. Басинская выделяет основные лексико-семантические характеристики экологического дискурса на материале английского языка [Басинская 2014]:

1. **Широкое употребление слов с неопределенной семантикой.** Это слова, не имеющие однозначной семантической структуры и однозначного перевода (например, *disposable, sustainable*).
2. **Употребление эвфемизмов**, что позволяет представить существующую экологическую ситуацию более мягко, а также достичь эффекта эмоционального дистанцирования, т. е. устранить или заметно снизить эмоциональную связь между читателем и описываемыми явлениями (например, *house, dose* и *process* вместо *cage, poison, manipulate* в текстах, посвященных экспериментам над животными).
3. **Использование приема номинализации**, который также позволяет достичь эффекта дистанцирования и снять ответственность с говорящего, так как действующее лицо не упоминается (например, *habitat loss, extinction of species, ozone destruction, depletion of the rainforest*).
4. **Использование слов из семантических полей «экономика» («economy») и «промышленное производство» («industrial production»).** Это отражает тот факт, что окружающая среда и другие живые организмы рассматриваются человеком с потребительской точки зрения¹.
5. **Широкое использование неологизмов**, например, *ecocide (ecology + genocide), trashion (trash + fashion), ecomagination (ecology + imagination)*.

Проведенное нами исследование на материале немецкого и русского языков показало, что выявленные М. В. Басинской особенности экологического дискурса могут быть также обнаружены в русско- и немецкоязычных СМИ, однако не являются характерными для экологического медийного дискурса России и Германии. Так, немецкие СМИ, наоборот, стремятся воздействовать на читателя на эмоциональном уровне:

- 1) широко используются **лексические единицы с эмоционально-экспрессивной коннотацией:**

Die Plastikabfälle im Meer haben weiter drastisch zugenommen; die an Land erzeugt und achtlos entsorgt wurden; düstere Fakten, noch düsterere Prognosen; Klima-Kollaps;

---

¹ Подробно эту проблему описал в своей монографии А. Стибб [Stibbe 2015]. – Прим. авт.

- 2) **номинативные конструкции** употребляются не для эмоционального дистанцирования, а с иной целью – приблизить публицистический дискурс к научно-популярному, тем самым вызвав у читателей большее доверие к приведенной информации:
der Anstieg des Meeresspiegels; Meeresspiegelanstieg; Steigende Wassertemperaturen; die Umpolung des Erdmagnetfelds;
- 3) для достижения этого эффекта также используются **пассивные конструкции**:
jetzt muss gehandelt werden; die Wirkung muss garantiert sein; tatsächlich ist es von der Politik noch gar nicht bemerkt worden;
- 4) **императивные конструкции и риторические вопросы**, которые привлекают внимание читателя и обладают дополнительной персуазивной силой:
Prüfen Sie ihre Skepsis zum Jahresbeginn.
Ist das wirklich alles neu?
Ist dieser Sommer schon der Ausweis eines Klimawandels?

Русскоязычные СМИ больше прибегают к аргументативным стратегиям, однако, как и в немецком языке:

- а) с целью привлечения внимания читателя используют:
  - **лексические единицы с эмоционально-экспрессивной коннотацией**:
Учащение экстремальных погодных явлений; столкнутся со смертельно опасной жарой; скоро уровень Мирового океана катастрофически повысится;
  - **риторические вопросы**:
Грозит ли россиянам возвращение в «допластмассовую» эру к детским пеленкам, картонным тарелкам и спичкам с ваткой, чтобы почистить уши?
Но стоит ли надрываться ради одной лишь почетной грамоты?
Разве не любопытно?
- б) для реализации тактики интимидации предложения нередко перенасыщены **лексическими единицами с отрицательным оценочным компонентом**:
Смерчи и наводнения: на Россию надвигается апокалипсис.

В жилых районах Сочи появились американские тараканы, способные вызывать аллергию у людей, портить продукты, переносить инфекции и разрушать здания.

Половина населения планеты погибнет от несовместимых с жизнью погодных аномалий, половина – ввяжется в вооруженные конфликты за оставшиеся ресурсы, и разгорится мировая война.

М. В. Басинская в своей работе утверждает, что придерживается мнения Е. В. Ивановой о том, что является экологическим дискурсом [Иванова 2007; Басинская 2014]. Тем не менее, как видно из вышележащих исследователем характеристик, рассматривается преимущественно не то, что Е. В. Иванова называет ядром экологического дискурса, т. е. институциональный дискурс, а периферия, вероятнее всего, ближняя периферия, так как описанные М. В. Басинской особенности экологического дискурса, за исключением номинализации, будут встречаться не в научных текстах, а, скорее, в дискурсе СМИ: публицистическом стиле или научно-популярном подстиле. Особенно это касается двух последних характеристик – метафоризации и использования неологизмов.

Было бы ошибочно, тем не менее, утверждать, что экологический дискурс СМИ имеет универсальные лексико-семантические, как, впрочем, и синтаксические характеристики. Как было показано выше на материале немецкого языка, экономико-политический контекст во многом предопределяет и особенности экологического дискурса какого-либо государства.

Заключение

Таким образом, экологический дискурс – комплексное разножанровое явление. Существует узкое и широкое понимание экологического дискурса, где под последним понимаются все тексты, оказывающие прямое или косвенное влияние на экологическое сознание реципиента. Наше исследование посвящено анализу экологического дискурса СМИ на материале новостных интернет-сайтов России и Германии. Нами рассматриваются статьи, а также в меньшей степени очерки и репортажи, относящиеся к экологическому дискурсу и представленные на сайтах крупных информационно-новостных агентств. Как показывает проведенное нами исследование, не представляется

возможным выявить универсальные черты экологического дискурса СМИ как отдельного вида дискурса ввиду его разножанровости и зависимости от экономико-политического контекста того или иного государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Басинская М. В.* Исследование лексико-семантических особенностей экологического дискурса в рамках языковой экологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 20 (706). С. 32–41.
- Демьянков В. З.* Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. С. 187–189.
- Зайцева А. В.* Типология текстов экологического дискурса ФРГ : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2014. 253 с.
- Иванова Е. В.* Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе: на материале медийных текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 24 с.
- Калёнова О. Г., Дубровская Т. В.* К проблеме определения экологического дискурса и его жанров // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2015. № 2 (16). С. 6–12.
- Сухоруков Е. А.* Современная немецкая сказка как инструмент формирования экологического сознания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 28 с.
- Филиппова Т. А.* Понятие и основные характеристики экологического дискурса (на материале англоязычных СМИ) // Известия ВГПУ. 2018. № 2 (125). С. 97–101.
- Dryzek J. S.* The politics of the earth: environmental discourses. Oxford : Oxford University Press, 2005. 261 p.
- Kress G.* Multimodality: a social semiotic approach to contemporary communication. London : Routledge, 2010. 212 p.
- Lakoff G.* Mapping the brain's metaphor circuitry: metaphorical thought in everyday reason // Frontiers in Human Neuroscience. 2014. Vol. 8. Article 958. URL : www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4267278/.
- Lakoff G.* Why it Matters How We Frame the Environment // Environmental Communication. 2010. Vol. 4, No. 1. P. 70–81.
- Stibbe A.* Ecolinguistics: Language, Ecology and the Stories We Live By. London, New York : Routledge, 2015. 210 p.

REFERENCES

- Basinskaja M. V.* Issledovanie leksiko-semanticheskikh osobennostej jekologicheskogo diskursa v ramkah jazykovoj jekologii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2014. Vyp. 20 (706). S. 32–41.
- Dem'jankov V. Z.* Frejm // Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / E. S. Kubrjakova, V. Z. Dem'jankov, Ju. G. Pankrac, L. G. Luzina ; pod obshh. red. E. S. Kubrjakovoj. M. : Filologicheskij fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. S. 187–189.
- Zajceva A. V.* Tipologija tekstov jekologicheskogo diskursa FRG : dis. ... kand. filol. nauk. Smolensk, 2014. 253 s.
- Ivanova E. V.* Metaforicheskaja konceptualizacija prirodnyh katastrof v jekologicheskom diskurse: na materiale medijnyh tekstov : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Cheljabinsk, 2007. 24 s.
- Kaljonova O. G., Dubrovskaja T. V.* K probleme opredelenija jekologicheskogo diskursa i ego zhanrov // Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2015. № 2 (16). S. 6–12.
- Suhorukov E. A.* Sovremennaja nemeckaja skazka kak instrument formirovanija jekologicheskogo soznaniya : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2017. 28 s.
- Filippova T. A.* Ponjatie i osnovnye harakteristiki jekologicheskogo diskursa (na materiale anglojazychnyh SMI) // Izvestija VGPU. 2018. № 2 (125). S. 97–101.
- Dryzek J. S.* The politics of the earth: environmental discourses. Oxford : Oxford University Press, 2005. 261 p.
- Kress G.* Multimodality: a social semiotic approach to contemporary communication. London : Routledge, 2010. 212 p.
- Lakoff G.* Mapping the brain's metaphor circuitry: metaphorical thought in everyday reason // Frontiers in Human Neuroscience. 2014. Vol. 8. Article 958. URL : www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4267278/.
- Lakoff G.* Why it Matters How We Frame the Environment // Environmental Communication. 2010. Vol. 4, No. 1. P. 70–81.
- Stibbe A.* Ecolinguistics: Language, Ecology and the Stories We Live By. London, New York : Routledge, 2015. 210 p.

УДК 81-112.2

С. Н. Исаева

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: isaevasn27@gmail.com

КОНТРВОПРОС КАК ТАКТИКА УКЛОНЕНИЯ: ПРАГМАТИЧЕСКИЕ, КОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье представлены результаты когнитивно-прагматического исследования контрвопроса, рассматриваемого как одна из тактик уклонения. Анализ текстов интервью позволяет автору выявить когнитивные механизмы, лежащие в основе контрвопроса, и систематизировать языковые средства их реализации. Показано, что к данным механизмам относятся сужения фокуса, смена референтной ситуации, расширения и смещения фокуса. Установлено, что к наиболее типичным языковым средствам реализации фокусирования относятся вопросительные наречия, эллиптические конструкции, рассогласования вопросительных наречий и сочинительных союзов.

Ключевые слова: контрвопрос; стратегия уклонения; механизмы (де)фокусирования.

S. N. Isaeva

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: isaevasn27@gmail.com

COUNTER-QUESTION AS EVASIVE TACTICS: PRAGMATIC, COGNITIVE AND LINGUISTIC ASPECTS

The article highlights the results of a cognitive-pragmatic analysis of counter-questions viewed as evasive tactics. Study of interviews in Russian reveals a number of cognitive mechanisms of (de)focusing behind the counter-questions, such as narrowing of focus, change of the reference situation (or object), focal shift and generalization. It is also shown that the most typical linguistic means of (de)focusing are interrogative adverbs, elliptical constructions, mismatch of interrogative adverbs and mismatch of coordinating conjunctions.

Key words: counter-question; evasion strategy; (de)focusing.

Введение

В ходе интеракции говорящий выстраивает определенную линию поведения и реализует различные речевые стратегии и тактики для достижения той или иной коммуникативной цели. При этом следует

подчеркнуть, что, осуществляя продуцирование определенного речевого акта в коммуникации, участники данного процесса могут преследовать различные цели и в соответствии с этим строить свое высказывание. Так, в случае с коммуникативной стратегией уклонения основной целью говорящего является попытка перенаправить фокус внимания реципиента с нежелательной для него темы на менее опасную и тем самым избежать ответ на поставленный вопрос. Исследованию стратегии уклонения посвящено определенное количество исследований [Bull, Mayer 1933; Harris 1991; Galasinski 1996, 2000; Clayman 2001; Partington 2003; Гнездилова 2017; Толстова 2016; Космодемьянская 2018]. С когнитивных позиций уклонение подвергается анализу лишь в ряде работ [Van Dijk 1983; Ирисханова 2014]. Так, Т. А. ван Дейк, исследуя когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений, выделяет в своей работе стратегию уклонения [Van Dijk 1983]. По мнению автора, при использовании уклонения говорящий не предоставляет вовсе или предоставляет частично релевантную информацию; осуществляет передачу нерелевантной информации; используя в ответе уклонение, пытается затемнить прошлый негативный опыт путем установки, конвенционально запрещающей отрицательно высказываться о людях.

Некоторые исследователи отмечают, что цель стратегии уклонения заключается в том, чтобы «не нарушая хода коммуникации, отвлечь собеседника от реализации его намерений, избежать нежелательных действий со своей стороны и в итоге выйти с «наименьшими потерями» из некоторой неприятной, неудобной или непривычной ситуации» [Ирисханова 2014, с. 267]. В то время как общие особенности уклонения получили описание в отдельных работах, недостаточное внимание уделялось когнитивным механизмам и языковым средствам реализации конкретных тактик уклонения. В связи с этим актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью изучения одной из его тактик уклонения – контрвопроса, с когнитивно-прагматических позиций. При этом задача исследования – выявление особенностей контрвопроса, с учетом когнитивной и интенциональной составляющих уклончивого речевого акта – с одной, и наиболее типичных языковых средств его реализации, с другой стороны. Мы предположили, что ведущим механизмом, лежащим в основе контрвопроса, является механизм смещения фокуса – с одного аспекта референтной ситуации на другой.

Контрвопрос в стратегии уклонения

Коммуникативная стратегия уклонения реализуется в речи путем использования различных тактик, одной из которых является тактика контрвопроса [Паршина 2004]. Контрвопрос в вопросно-ответном комплексе представляет собой «особую форму вопроса, при которой обыкновенное вопросно-ответное единство трансформируется в схему «вопрос – вопрос» [Титаренко 2004, 3]. Как отмечают некоторые исследователи, данный вид вопросительной реакции применяется тем или иным участником коммуникативной ситуации в том случае, если у говорящего отсутствует либо исчерпывающая информация на весомые аргументы собеседника, либо намерение предоставлять прямой ответ на заданный вопрос [Гудина 2011]. При этом отметим, что под вопросно-ответным комплексом («question-answer exchange», «question-answer sequence») мы понимаем единицу текста, в состав которой входят вопросительное предложение и ответная монологическая реплика [Tracey 1989; Galasinski 2000; Park 2008; Стельмашук 1993].

Рассмотрим реализацию тактики контрвопроса на следующем примере:

- И. Шихман:* Как вы считаете, искусственно приводить зрителей на российские фильмы, как это было с картиной «Движение вверх», – это правильно или нет?
- К. Шахназаров:* Искусственно приводить?
- И. Шихман:* Да. Ну, типа «Смотреть нечего, поэтому пойдем на это кино». Чтобы был прокат.
- М. Вискунова:* Ну, когда отменили американского «Мишку Паддингтона», вы наверняка слышали эту новость.
- К. Шахназаров:* Ну да, слышал, а что в этом такого? Правильно (*А поговорить, эфир от 25.02.2018*).

В данном вопросно-ответном комплексе реализуется тактика контрвопроса: на вопрос интервьюера, правильным ли будет «искусственно приводить зрителей» на российские фильмы, К. Шахназаров смещает основной фокус внимания собеседника (*это правильно или нет*) на второстепенный фокус (*искусственно приводить на фильм*). Контрвопрос здесь реализуется при помощи стилистического приема переспроса, целью которого является задержка фокуса внимания собеседника и обеспечение дополнительного времени для обдумывания

ответа. Существенным является то, что переспрос выступает в качестве одного из главных способов реализации тактики контрвопроса [Bolinger 1957; Шведова 1960; Москальская 1981; Аведова 2012]. При этом некоторые исследователи пишут о том, что контрвопрос также может быть представлен «в качестве маркера рематической прогрессии – отправной точки в цепочке рассуждений» [Паршина 2004, с. 293].

Механизмы (де)фокусирования, лежащие в основе тактики контрвопроса

Для выявления случаев контрвопроса были проанализированы интервью телевизионных ток-шоу общей продолжительностью 2106 минут («А поговорить», «Большое интервью Соловьева», «Вечерний Ургант», «На ночь глядя», «Наедине со всеми», «ОМ Олега Меньшикова», «Познер», «Судьба человека» и «Тает лёд»). В результате отбора устных вопросно-ответных речевых комплексов с уклончивой монологической репликой, содержащей контрвопрос, было выявлено 48 интересующих нас случаев. Анализ контекстов осуществлялся в два этапа: на первом этапе сопоставлялись вопрос и контрвопрос с точки зрения распределения первичных и вторичных фокусов внимания, при этом применялась шкала салиентности Чейфа-Ворвик (см. подробнее в: [Ирисханова 2014]), в соответствии с которой выявлялись единицы большей и меньшей степени когнитивной выделенности. На следующем этапе, если контрвопрос сопровождался более развернутым фрагментом, анализу подвергалась вся ответная реплика. На каждом этапе проводилось сопоставление первичных и вторичных фокусов (лексико-семантических и синтаксических) вопроса-триггера и ответной реплики; на основе данного сопоставления выявлялись механизмы дефокусирования и обобщались языковые средства, их реализующие.

В результате проведенного анализа было выявлено, что наиболее частотным когнитивным механизмом, реализующимся непосредственно в реплике контрвопроса, является *сужение фокуса* [там же] (всего выявлено 25 случаев, что равняется 50 % от общего числа случаев употребления контрвопросов). Данный механизм предполагает, что в ответе характеристики референта, выделенные в вопросе-триггере, замещаются определенным, как правило, более узким,

аспектом. При этом нередко контрвопрос строится при использовании эллипсиса:

- И. Шихман:* Вам что-то это дает, столь тесное общение с государством, с президентом?
- К. Шахназаров:* Вы имеете в виду в материальном плане?
(*А поговорить, эфир от 25.02.2018*).

В данном фрагменте наблюдается эллипсис предикативной основы вопроса (*Вам что-то дает тесное общение с государством..?*), в результате чего происходит затемнение (фактически выведение из фокуса в фон) основных участников референтной ситуации и их действия, в то время как на первый план выводится указание на отдельное следствие подобного общения – материальную выгоду. Выделенность данного аспекта ситуации обеспечивается позицией соответствующего выражения в конце контрвопроса, что является акцентной позицией. Таким образом, путем затемнения фокусных элементов вопроса-триггера, адресат игнорирует его содержательную сторону и перенаправляет внимание адресанта на иную тему.

Помимо эллиптических конструкций сужение фокуса в контрвопросе может достигаться путем выведения в салиентную позицию вопросительных наречий:

- И. Шихман:* Нравится ли Вам то, что сегодня очень сильно так или иначе политика вмешивается в творчество?
- К. Шахназаров:* А где она вмешивается?
(*А поговорить, эфир от 25.02.2018*).

В данном диалоге в вопросе интервьюера на первый план выдвигается отношение собеседника к ситуации (*Нравится ли Вам*), при этом зависимая клауза переходит во вторичный фокус, как бы смещаясь в пресуппозицию. Заметим, что вторичный фокус при этом сохраняет существенную степень выделенности – не только благодаря финальной позиции, но и наличию оценочного наречия степени: *очень сильно*. Контрвопрос вводится вопросительным наречием *где*, который выводит из вторичного фокуса событие «вмешиваться» и сужает его до конкретных случаев, превращая ответную реплику не только в уклончивую реакцию, но и в контраргумент.

Анализ материала показал, что, наряду с сужением фокуса, в контрвопросах реализуется механизм *полной смены референтной*

ситуации / события / объекта [Ирисханова 2014] (всего выявлено 19 случаев, что составляет 39% от общего числа случаев употребления конрвопросов). Данный процесс предполагает следующее: говорящий, продуцируя ответное высказывание, выстраивает его таким образом, что фокусный элемент вопроса полностью дефокусируется, при этом на первый план выходит иные события / объекты, не связанные непосредственно с референтом вопроса-триггера:

И. Ургант: Где твой этот, как его мы называем? [Потап] Пожалуйста.

А. Каменских: А почему такая грусть в твоём голосе, Ваня?
(*Вечерний Ургант, эфир от 22.11.2017*).

В данном вопросно-ответном комплексе главные элементы вопроса – местоположение (*где*), участник (*этот, как его мы называем* [Потап]), игнорируются собеседником. Конрвопрос не имеет прямой связи с фокусными элементами вопроса-триггера. Фактически происходит полная смена фокуса, так как внимание коммуникантов сдвигается с референтной ситуации (местоположение человека) на саму ситуацию общения (мы называем подобные случаи метадискурсивным сдвигом). На языковом уровне данный механизм реализуется при помощи рассогласования вопросительных наречий (*где и почему?*) и поочередному обращению к собеседнику через персональный дейксис (*где твой vs. в твоём голосе, Ваня*).

Наименее частотным в наших примерах оказались когнитивные механизмы *расширения фокуса* (три случая) и *смещения фокуса* (два случая). Расширение фокуса предполагает переход говорящего с частного аспекта проблематики на более широкий аспект:

А. Ягудин: А почему ты не захотела выучиться и писать правильно, правду?

Е. Гамова: А в нашей стране это возможно?
(*Тает лёд, эфир от 27.08.2019*)

В данном вопросно-ответном комплексе фокусные компоненты вопроса-триггера (*не захотела выучиться и писать, правильно, правду*) затемняются в ответной реплике: происходит выведение на первый план ситуацию в стране в целом, которая обезличивается. Союз *а* во втором случае несет функцию противопоставления

и подчеркивает рассогласование двух реплик, предвывая последующее расширение фокуса (ср. также форму прошедшего времени *не захотела*, указывающую на определенный период в прошлом, и отсутствие глагола, который заменяется ахроническим модальным словом *возможно*). Таким образом, расширение фокуса сопровождается рассогласованием языковых выражений по времени и модальности.

Механизм смещения фокуса реализуется путем переключения внимания реципиента с одного аспекта ситуации на другой:

И. Ургант: Скажи мне, я знаю, что твой сын <...> нет-нет да и стал играть в баскетбол.

Т. Мозгов: Нет-нет да и играет <...>

И. Ургант: Играет. Зачем ты заставляешь ребенка?

Т. Мозгов: Ну, почему заставляю? (*Вечерний Ургант, эфир от 09.09.2015*).

На вопрос интервьюера интервьюируемый отвечает встречным вопросом, используя в начале предложения местоименное наречие *почему*: происходит смещение фокуса с ситуации «заставлять» и ее причины на ментальное состояние собеседника, на его мнение относительно упомянутого положения дел (ср. *зачем* и «протестное» *почему*). Интересно, что языковые средства, при помощи которых происходит реализация механизма смещения фокуса, во многом сходны с языковыми средствами сужения фокуса: «эхоический» повтор лексем (*вмешивается – вмешивается; заставляешь – заставляю*) сопровождается рассогласованием вопросительных наречий, временных глагольных форм и сочинительных союзов, а также эллипсисом (последнее может быть связано и с диалогичностью речи).

При расширении анализа до реплики, превосходящей непосредственную реакцию в виде контрвопроса (второй этап анализа), было обнаружено, что в пределах одного уклончивого монологического высказывания могут применяться несколько когнитивных механизмов. Рассмотрим следующий фрагмент интервью:

И. Шихман: Российский шоу-бизнес, что ты о нем скажешь? (1) Туда вообще возможно пробиться? (2) Среди вот этих огоньков, «алл пугачевых»? (3)

Манижа: Да ну, бросьте. Смотрите, в смысле? Все сейчас к этому готовы. Помимо меня огромное количество классных

артистов, которые сейчас собирают огромные залы. Огромные залы, и всё в порядке вообще (*А поговорить, эфир от 11.05.18*).

В данном фрагменте телеведущий последовательно задает вопросы (1-3) относительно того, что собой представляет российский шоу-бизнес (1) и имеются ли у тех или иных исполнителей шансы стать частью данной индустрии (2 и 3). В ответной реплике говорящий посредством использования глагола в повелительном наклонении *бросьте*, смещает фокус внимания собеседника с ситуаций «российский шоу-бизнес» и «наличие возможностей стать частью шоу-бизнеса» на свое отношение к данному процессу. При этом, употребляя контрвопрос в последующем предложении (*Смотрите, в смысле?*), адресат еще больше усиливает новый фокус, затемняя первичные фокусы в вопросах-триггерах: российский шоу-бизнес, пробиться, «алл пугачевых» (1-3). Далее говорящий реализует следующий этап уклонения, в котором (де)фокусирование достигается за счет механизма расширения фокуса вопроса. При этом, используя определительное местоимение *все*, множественное число для обозначения обобщенных классов объектов (*классные артисты, огромные залы*) адресат продуцирует высказывание, выдвигая на первый план положение дел в стране в целом. Так, используя когнитивные механизмы смещения и расширения фокуса, говорящий затемняет фокусные элементы вопросов-триггеров, выводя в первичный фокус ответной реплики целые классы референтов, усиливая их салиентность за счет оценочности (*классные, огромные*).

Заключение

Таким образом, в ходе вопросно-ответной интеракции говорящий, преследуя ту или иную цель, задействует определенные тактики для достижения эффекта уклонения. В целом, анализ телевизионных интервью на русском языке частично подтвердил нашу гипотезу о значимости смещения фокуса внимания. В то же время было установлено, что для реализации тактики контрвопроса используются не только когнитивные механизмы смещения фокуса, но и сужения фокуса, полной смены референтной ситуации / события / объекта и расширения фокуса. Данные механизмы реализуются различными

лексическими и грамматическими единицами, при этом наряду с повтором отдельных лексем и синтаксических конструкций в вопросе-триггере и контрвопросе, наблюдаются эллипсис и рассогласование вопросительных наречий, союзов и глагольных форм по времени и модальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гнездилова Л. Б.* Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа. Новосибирск : ЦРНС, 2012. 110 с.
- Гудина О. А.* Манипуляция и ее виды в педагогическом дискурсе // Язык и культура. 2011. № 2 (14). С. 13–21.
- Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М. : Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
- Паршина О. Н.* Тактики и приемы манипулирования в речевом поведении российских политиков // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2004. № 3 (22). С. 291–296.
- Стельмашук А.* Диалогизация и способы ее реализации в различных речевых сферах современного русского языка (художественная и научная проза) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. 34 с.
- Титаренко Т. С.* Коммуникативно-прагматические аспекты встречного вопроса в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 18 с.
- Толстова Н. Н.* Лингвометодические и прагмалингвистические аспекты описания уклончивых ответов в русском речевом общении : дис. ... канд. пед. наук. М., 2016. 279 с.
- Bull P. & Mayer K.* How not to answer questions in political interviews // Political Psychology. 1993. № 14 (4). P. 651–666.
- Bolinger D. L.* Interrogative Structures of American English: The Direct Question // Publication of the American Dialect Society. 1957. № 28. 184 p.
- Clayman S.* Answers and evasions // Language in Society. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. P. 403–442.
- Harris S.* Evasive action: How politicians respond to questions in political interviews // In P. Scannell (ed) Broadcast Talk. London: Sage, 1991. P. 76–99.
- Galasinski D.* The Language of Deception: A discourse analytical study. California: SAGE Publications, 2000. 155 p.
- Partington A.* The Linguistics of Political Argument. London and New York : Routledge, 2003. 289 p.
- Teun A. Van Dijk.* Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice // Text. 1983. Vol. 3–4. P. 375–404.

REFERENCES

- Gnezdilova L. B.* Kommunikativnye sredstva vyrazhenija strategii ukлонenija ot prjamogo otveta. Novosibirsk : CRNS, 2012. 110 s.
- Gudina O. A.* Manipuljacija i ee vidy v pedagogicheskom diskurse // Jazyk i kul'tura. 2011. № 2 (14). S. 13–21.
- Irishanova O. K.* Igry fokusa v jazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovanija. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. 320 s.
- Parshina O. N.* Taktiki i priemy manipulirovanija v rechevom povedenii rossijskih politikov // Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. 2004. № 3 (22). S. 291–296.
- Stel'mashuk A.* Dialogizacija i sposoby ee realizacii v razlichnyh rečevykh sferah sovremennogo russkogo jazyka (hudozhestvennaja i nauchnaja proza) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. SPb., 1993. 34 s.
- Titarenko T. S.* Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty vstrechnogo voprosa v nemeckom jazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 2004. 18 s.
- Tolstova N. N.* Lingvometodicheskie i pragmalingvisticheskie aspekty opisaniya ukлонchivykh otvetov v russkom rečevom obshhenii : dis. ... kand. ped. nauk. M., 2016. 279 s.
- Bull P. & Mayer K.* How not to answer questions in political interviews // Political Psychology. 1993. № 14 (4). P. 651–666.
- Bolinger D. L.* Interrogative Structures of American English: The Direct Question // Publication of the American Dialect Society. 1957. № 28. 184 p.
- Clayman S.* Answers and evasions // Language in Society. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. P. 403–442.
- Harris S.* Evasive action: How politicians respond to questions in political interviews // In P. Scannell (ed) Broadcast Talk. London: Sage, 1991. P. 76–99.
- Galasinski D.* The Language of Deception: A discourse analytical study. California: SAGE Publications, 2000. 155 p.
- Partington A.* The Linguistics of Political Argument. London and New York : Routledge, 2003. 289 p.
- Teun A. Van Dijk.* Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice // Text. 1983. Vol. 3–4. P. 375–404.

УДК 811.112.2

О. М. Ладоша

кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета, доцент кафедры иностранных языков НИУ «Московский энергетический университет»; e-mail: o.m.ladosha@yandex.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМФАЗЫ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена проблеме функционирования средств различных языковых уровней с целью повышения экспрессивности высказывания в современном немецкоязычном научно-публицистическом дискурсе. Выявляются синтаксические (порядок слов, тип предложений по цели высказывания, сложные синтаксические конструкции, наклонение), лексико-стилистические (интенсификаторы, средства смягчения оценки, амплификация, экспрессивно-оценочная лексика) и прагматические (парентетические внесения, контекстуальная ирония) языковые средства.

Ключевые слова: экспрессивность; эмфаза; научный дискурс; научно-публицистический текст.

O. M. Ladosha

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University; Department of Foreign Languages, National Research University "Moscow Power Engineering Institute"; e-mail: o.m.ladosha@yandex.ru

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING EMPHASIS IN GERMAN SCIENTIFIC JOURNALISTIC TEXTS

The paper discusses the functional aspect of units belonging to different language levels and describes the expressive potential they reveal in contemporary German scientific journalistic discourse. The study considers syntactic (word order, different types of sentences, complex syntactic constructions, the category of mood), lexical and stylistic (use of intensifiers, mitigation, amplification, expressive-evaluative vocabulary) and pragmatic (parenteral introductions, contextual irony) expressive means of language.

Key words: expressivity; emphase; scientific discourse; scientific journalistic text.

Введение

Стиль научной прозы не раз являлся объектом пристального внимания лингвистов. Как писала В. С. Страхова в статье «Метафора в

научном тексте», актуальность проблемы анализа языка науки в XXI в. не только сохраняется, но «всё более возрастает по мере осознания обществом роли науки в развитии человечества» [Страхова 2002, с. 166].

Основная интенция порождения научного текста заключается в «доказательстве определенных положений, гипотез, аргументации; точном и систематическом изложении научных вопросов в целях описания, определения и объяснения явлений природы и общественной жизни, в целях передачи суммы знаний, сообщения новых результатов исследования» [Разинкина 1965, с. 41]. Реализация названных функций была бы невозможна без точного и уместного применения средств усиления экспрессивности высказывания.

Цель исследования – выявление и описание вербальных средств выражения экспрессивности в немецкоязычном научно-популярном дискурсе на материале публикаций в разделе «Вопросы и ответы» журнала *Der Sprachdienst* Общества немецкого языка (*нем. Gesellschaft für deutsche Sprache, GfdS*).

Для достижения поставленной цели требуется решение ряда задач: 1) уточнить категориальный аппарат, раскрыть соотношение понятий «эмфаза», «эмфатичность», «экспрессивность»; 2) дать характеристику научно-публицистического текста на выбранном материале; 3) выявить наиболее частотные средства создания эмфазы в соответствии с их принадлежностью к разным языковым уровням.

Проблема экспрессивности научно-популярного текста, находящегося на стыке научного и обиходно-разговорного функциональных стилей, не является новой в лингвистической науке [Воробьева 1985; Милованова 1982; Стегер 1990]. В то же время актуальность проблемы возрастает с развитием новых средств коммуникации и ориентацией на диалогическое коммуникативное взаимодействие. В современных условиях переориентация научного продукта с закрытого круга специалистов на широкую аудиторию является необходимым условием развития жанра.

1. Обоснование терминологии

Под экспрессивностью понимается семантическая категория, которая повышает выразительность речи и ее воздействующее значение посредством усиления изобразительной силы высказывания, его образности и эмоциональной окрашенности [Акимова 1990, с. 82].

Другими словами, экспрессивность представляет собой «совокупность семантико-стилистических признаков языковой единицы, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию и адресату» [Аванесова 2010, с. 6].

Под *эмфазой* понимается «выделение важной в смысловом отношении части высказывания (группы слов, слова или части слова), обеспечивающее экспрессивность речи» [ЛЭС 1990, с. 592]. Традиционно в качестве основного средства выражения данной категории рассматривается *эмфатическая интонация*, реализуемая интонационно или вербально.

Таким образом, хотя данные термины не являются идентичными, их функционирование в современной лингвистике позволяет выявить их некоторую синонимичность. В рамках данного исследования под *эмфазой* понимается *выражение отношения говорящего в тексте, совокупность грамматических, лексических, стилистических и прагматических вербальных средств повышения экспрессивного потенциала высказывания.*

2. Материал исследования

Общество немецкого языка является одним из наиболее важных немецких языковых обществ, цель которого заключается в исследовании и поддержке немецкого языка. В выпускаемом им научном журнале под названием *Der Sprachdienst* публикуются научные доклады по вопросам функционирования современного немецкого языка. В журнале также имеется рубрика «Вопросы и ответы», в которой редакция дает разъяснения по широкому кругу заинтересовавших читателей проблем.

Специфика рубрики предполагает вопросно-ответную форму изложения материала, где сначала приводится цитата из текста письма читателя, а затем дается подробный комментарий специалиста. Интерактивная форма взаимодействия позволяет в полной мере раскрыться таким свойствам порождаемого текста, как обращенность, личностный характер, а также установка на достижение не только собственно прагматического эффекта (убеждение адресата в истинности информации), но и реализации потребности говорящего в получении эстетического удовольствия от результата собственной

текстопорождающей деятельности [Наер 1985, с. 14]. При этом взаимодействие коммуникантов не выходит за рамки научного дискурса.

Реализация названных интенций достигается автором публикации с помощью использования широкого спектра лексических, грамматических и прагматических средств повышения экспрессивности.

3. Репертуар языковых средств выражения эмфазы

На синтаксическом уровне в проанализированных текстах обращает на себя внимание обращение к выразительному потенциалу порядка слов. Инверсия смещает фразовое ударение, усиливая общую экспрессивность высказывания:

Ganz so entlegen und „singulär“ ist die Verwendung von *trotzdessen* nicht, und ich konnte einige Beispiele ... ermitteln [GfdS. Ist trotzdessen grammatikalisch korrekt? URL].

В данном примере эмфатическое фразовое ударение смещается в начало предложения, поскольку коммуникативный центр высказывания (рема) находится в препозиции к его тематическому составу. Таким образом усиливается оценочный характер всего предложения. Эфатичность также обусловлена употреблением интенсификатора «ganz», а также продолжением высказывания от 1-го лица, что вообще считается не характерным для немецкоязычной научной коммуникации и меняет коммуникативный регистр текста, а также расчлененностью грамматической формы (предикатив и отрицание, выраженное частицей *nicht*, оказываются разнесены в противоположные части предложения).

Аналогичным образом меняется актуальное членение предложения в следующих примерах:

Erwähnt wird auch das *Tabakcollegium*...

Und durchaus aktuell wirkt diese Bemerkung... [GfdS. Seit wann sprechen wir vom Nichtraucher? URL].

Поскольку подобное нарушение рамочной конструкции является естественным для устной речи, в письменном тексте оно способствует смене регистра высказывания на контактный. Прагматические вставки (парентетические внесения) позволяют создать в тексте дополнительный событийный план. Пунктуационное выделение вставок привлекает к ним внимание читателей и тем самым повышает

их прагматический потенциал. Они также могут служить как иллюкутивные индикаторы для наиболее точной передачи авторской мысли в том случае, если он хочет исключить малейшую возможность двоякого толкования, а также сочетаться в другими эмфатическими языковыми средствами:

In der Sprachdokumentation der GfdS (in unserem Hausjargon “Ewigkeitskartei” genannt) gibt es einige Belege... [Ibd.].

В данном примере парентеза содержит в себе языковую игру с научной терминологией (*Hausjargon*), а также в ироничное обозначение корпуса текстов Общества как «картотеки вечности» (*Ewigkeitskartei*).

Следующие прагматическая вставка представляет собой восклицательное предложение, а также содержит вводное слово (*übrigens*), что, с одной стороны, повышает экспрессивность высказывания, а с другой – служит средством снижения категоричности высказывания:

Bei Spieler findet sich übrigens neben **Raucher** die feminine Variante **Raucherin**, mit Umlaut als **Reucherinn**, welche im Grimm dann fehlt! [Ibd.].

Die ausführliche Version **Tabak rauchen** – nicht einfach **rauchen** – ist auch in dieser Zeit offenbar die näherliegende [Ibd.].

Und so wird etwa, wie man digitalen Textsammlungen heute schnell entnehmen kann, bei... [GfdS. Aussprache von Tort URL].

Для усиления выразительности высказывания авторы также активно используют различные типы предложения по цели высказывания. Так, восклицательные и вопросительные предложения служат, с одной стороны, средством установления контакта с читателем, с другой – являются экспрессивно-оценочным средством.

Интеррогативные конструкции придают порождаемому тексту черты концептуальной диалогичности. Однако речь уже идет не только и не столько о взаимодействии автора иницирующего письма и ответственного члена редколлегии, сколько о включении в коммуникацию любого реципиента данного сообщения. Восклицательные предложения, эмфатичные по своей сути, также являются стимулом ответной эмоциональной реакции у коммуникантов:

Doch ab wann finden sich die Nachweise? [GfdS. Seit wann sprechen wir vom Nichtraucher? URL]

Welche Belege finden sich nun für *Nichtraucher*? [Ibid.]

So kommt es hier nun zur *Herbst-Flora*, verdeutscht zur *Herbst-Blumine*! [GfdS. Bedeutung von Blumine URL]

Im Hinblick auf Geschichte und Kultur Griechenlands – wer wird dieses seltene Fachwort anders gebrauchen? – wäre, hier stimme ich Ihnen zu, nach Wortherkunft und Sprachsilben die Trennung *Met-öke* vorzuziehen [GfdS. Silbentrennung bei Fremdwörtern URL].

В последнем примере синтаксический идиоматизм создается за счет нанизывания сложных синтаксических конструкций, что ведет к потере синтаксической прозрачности высказывания, и, как следствие, к коммуникативной ретардации, снижению скорости протекания взаимодействия.

Конструкции с модальностью побуждения также содержат обращение к реципиенту, способствуют установлению контакта с речевым партнером и повышают тем самым коммуникативную силу высказывания. Особенно экспрессивно в данном случае воздействуют формы императива 1-го лица, множественного числа, поскольку автор таким образом непосредственно включает читателя в совместную деятельность:

Gehen wir zeitlich zurück... [GfdS. Seit wann sprechen wir vom Nicht-raucher? URL].

Для смягчения категоричности императивных высказываний побуждение может быть выражено формами сослагательного наклонения, которые также служат выражению значения предположения, возможности действия, а также иронии:

Man denke auch an die häufig gebrauchten Verknüpfungen... [GfdS. Ist trotzdem grammatikalisch korrekt? URL]

Auch mögen regionale Eigentümlichkeiten im Spiel sein – trotzdem sollte man nicht als Muster für den gegenwärtigen Sprachgebrauch, der eine feste Üblichkeit geschaffen hat, ansehen [Ibid.].

Амплификация, заключающаяся в увеличении объема высказывания за счет «нанизывания» модальных глаголов, парного их употребления, усиливают эмоциональное воздействие сообщения на собеседника. Поскольку данные глаголы являются семантически близкими, создается языковая избыточность, повышающая эмфатичность высказывания:

Man soll und darf sich eben danach richten <...>. Und will bzw. muss man penibel differenzieren... [GfdS. Plural von Datum URL].

Средства смягчения оценки (глаголы мнения, заполнители, модальные глаголы) служат для снижения категоричности высказывания и придают ему дополнительную оценочную семантику:

Dennoch, meine ich, sollte man heutzutage... [GfdS. Aussprache von Tort URL]

Gleiches gilt übrigens für die Zahlwörter *hundert* und *tausend* [GfdS. Groß- oder Kleinschreibung von der eine – der andere URL]

Man sieht, dies nebenbei, dass die Version *Färöerinseln*, die man oft vernehmen kann, redundant und ein «weißer Schimmel» ist [GfdS. Silbentrennung bei Fremdwörtern URL].

Употребление экспрессивно-оценочной лексики позволяет не только передать эмотивный компонент речи, но и сделать ее более выразительной:

...Und hier ist der Charakter des großzuschreibenden Substantivs deutlich: *der Eine (Gott) sieht alles* [GfdS. Groß- oder Kleinschreibung von der eine – der andere URL].

Ende des 19. Jahrhunderts übrigens war sozusagen die sprachpflegerische Einschätzung nicht so einhellig, wie es von heute aus scheinen mag [GfdS. Aussprache von Tort URL].

Man kann dieses Bemühen plastisch im Internet auf Foren u. a. beobachten [GfdS. Plural von Datum URL].

Интенсификаторы для усиления экспрессивного значения единиц разного уровня и выражения субъективно-модального отношения к ситуации повышают степень эмфатичности высказывания за счет интенсификации его оценочной аффективной компоненты:

So ist denn z. B. die Schreibung des Filmtitels *Das Leben der Anderen* ganz regelkonform [GfdS. Groß- oder Kleinschreibung von der eine – der andere URL].

Zu den *Färöern*: Sie haben ganz recht... [GfdS. Silbentrennung bei Fremdwörtern URL].

Данной цели служит также и употребление фразеологических конструкций:

Ende des 19. Jahrhunderts lag das Wort *Nichtraucher* sozusagen in der Luft... [GfdS. Seit wann sprechen wir vom Nichtraucher? URL].

На прагмастилистическом уровне выделяется использование иронии, которая усиливается другими языковыми средствами, в частности функцию акцентирования иронической семантики выполняет оценочная лексика, включение в текст прагматических вставок, вопросительных конструкций, модальных слов, пунктуационные знаки (например, при эксплицитном цитировании с целью дистанцирования от источника), употребление форм конъюнктива с модальностью сомнения и т. д.:

Die entsprechende beruhigende Passage unter dem Stichwort *Tabak* in *Brockhaus' Konversations-Lexikon* (14. Auflage, 1895) hat anscheinend ein Raucher (oder eine Raucherin?) verfasst... [Ibid.]

Er verweist darauf, dass man ja Name, nicht mehr *Namo*, *Wille* und *Himmel*, nicht mehr *Willo* und gotisch *Himina* sage, und verteidigt gegen die „Hrn. Rezensenten“ den Titel *Herbst-Blumine*. Obwohl Almanache und Taschenbücher gewöhnlich im Herbst herauskämen, erschiene ihm die Version *Herbstblumen* „nur mäßig“ [GfdS. Bedeutung von Blumine URL].

Типографские средства на письме также служат способом интонационного выделения частей высказывания:

Aber schon in der Erzählung *Das Bild des Kaisers* von Wilhelm Hauff findet sich dieses Wort, 1827 [GfdS. Seit wann sprechen wir vom Nichtraucher? URL].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что интенция автора текста заключается в создании персонально-окрашенной письменной речи путем смешения контактного и опосредованного коммуникативных регистров с сохранением общей направленности коммуникации на профессиональное общение. Адресант сознательно отказывается от характерной для научного стиля объективности и беспристрастности, усиливая эмфатическую компоненту высказываний. Экспрессивность в данном случае служит целям расширения читательской аудитории журнала, а также популяризации науки в самых различных слоях населения.

К перспективам исследования относится возможность проведения сопоставительного анализа текстов научно-популярного и научного функциональных стилей для выявления сходства и различия в части их экспрессивности. Представляется, что ориентация авторов научных исследований на публикацию работ в открытом доступе и привлечение широкого круга читателей приводит к трансформации жанровой системы дискурса и выходу категории экспрессивности научного текста из фоновых функций на передний план.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесова Н. В.* Эмоциональность и экспрессивность – категории коммуникативной лингвистики. Вестник Югорского государственного университета. 2010. Вып. 2 (17). С. 5–9.
- Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1990. 168 с.
- Воробьева М. Б.* Особенности реализации оценочных значений в научном тексте // Научная литература: язык, стиль, жанры. М. : Наука, 1985. С. 47–56.
- Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой ; Ин-т языкознания АН СССР. М. : Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
- Милованова Н. Я.* Экспрессивность в стиле научной прозы : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1982. 192 с.
- Наер В. Л.* Уровни языковой вариативности и место функциональных стилей // Научная литература. Язык, стиль, жанры. М. : Наука, 1985. С. 3–15.
- Парамонов Д. А.* Феномен грамматического выражения модальных значений в современном русском языке в свете экспрессивности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 50 с.
- Разинкина Н. М.* О преломлении эмоциональных явлений в стиле научной прозы. // Особенности языка научной литературы. М. : Наука, 1965. С. 43–47.
- Страхова В. С.* Метафора в научном тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2002. Вып. 465. С. 165–173.
- Стегер Л. В.* Средства выражения экспрессивности в научно-популярном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 16 с.
- Gesellschaft für deutsche Sprache. Aussprache von Tort. URL : <https://gfds.de/tort/> (дата обращения: 25.12.2019).
- Gesellschaft für deutsche Sprache. Bedeutung von Blumine. URL : gfds.de/blumine/ (дата обращения: 25.12.2019).
- Gesellschaft für deutsche Sprache. Groß- oder Kleinschreibung von der eine – der andere. URL : gfds.de/der-eine-der-andere-gross-kleinschreibung-von/ (дата обращения: 25.12.2019).

- Gesellschaft für deutsche Sprache. Ist trotzdem grammatikalisch korrekt? URL : gfds.de/trotzdessen/ (дата обращения: 25.12.2019).
- Gesellschaft für deutsche Sprache. Plural von Datum. URL : gfds.de/datum-plural-von/ (дата обращения: 25.12.2019).
- Gesellschaft für deutsche Sprache. Seit wann sprechen wir vom Nichtraucher? URL : gfds.de/nichtraucher/ (дата обращения: 25.12.2019).
- Gesellschaft für deutsche Sprache. Silbentrennung bei Fremdwörtern. URL : gfds.de/fremdwoerter-silbentrennung-von/ (дата обращения: 25.12.2019).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь

Gfds – Gesellschaft für deutsche Sprache

REFERENCES

- Avanesova N. V.* Jemocional'nost' i jekspressivnost' – kategorii kommunikativnoj lingvistiki. Vestnik Jugorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. Вып. 2 (17). S. 5–9.
- Akimova G. N.* Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo jazyka : ucheb. posobie. M. : Vysshaja shkola, 1990. 168 s.
- Vorob'eva M. B.* Osobennosti realizacii ocenocnyh znachenij v nauchnom tekste // Nauchnaja literatura: jazyk, stil', zhanry. M. : Nauka, 1985. S. 47–56.
- Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / pod red. V. N. Jarcevoj ; In-t jazykoznanija AN SSSR. M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1990. 682 s.
- Milovanova N. Ja.* Jekspressivnost' v stile nauchnoj prozy : dis. ... kand. filol. nauk. Perm', 1982. 192 s.
- Naer V. L.* Urovni jazykovoj variativnosti i mesto funkcional'nyh stilej // Nauchnaja literatura. Jazyk, stil', zhanry. M. : Nauka, 1985. S. 3–15.
- Paramonov D. A.* Fenomen grammaticheskogo vyrazhenija modal'nyh znachenij v sovremennom russkom jazyke v svete jekspressivnosti : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2010. 50 s.
- Razinkina N. M.* O prelomlenii jemocional'nyh javlenij v stile nauchnoj prozy. // Osobennosti jazyka nauchnoj literatury. M. : Nauka, 1965. S. 43–47.
- Strahova B. C.* Metafora v nauchnom tekste // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2002. Вып. 465. S. 165–173.
- Steger L. V.* Sredstva vyrazhenija jekspressivnosti v nauchno-populjarnom tekste : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1990. 16 s.
- Gesellschaft für deutsche Sprache. Aussprache von Tort. URL : <https://gfds.de/tort/> (дата обращения: 25.12.2019).
- Gesellschaft für deutsche Sprache. Bedeutung von Blumine. URL : gfds.de/blumine/ (дата обращения: 25.12.2019).

- Gesellschaft für deutsche Sprache. Groß- oder Kleinschreibung von der eine – der andere. URL: gfds.de/der-eine-der-andere-gross-kleinschreibung-von/ (data obrashhenija: 25.12.2019).
- Gesellschaft für deutsche Sprache. Ist trotzdem grammatikalisch korrekt? URL: gfds.de/trotzdessen/ (data obrashhenija: 25.12.2019).
- Gesellschaft für deutsche Sprache. Plural von Datum. URL: gfds.de/datum-plural-von/ (data obrashhenija: 25.12.2019).
- Gesellschaft für deutsche Sprache. Seit wann sprechen wir vom Nichtraucher? URL: gfds.de/nichtraucher/ (data obrashhenija: 25.12.2019).
- Gesellschaft für deutsche Sprache. Silbentrennung bei Fremdwörtern. URL: gfds.de/fremdwoerter-silbentrennung-von/ (data obrashhenija: 25.12.2019).

УДК 81-114.2

Д. С. Садковой

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: caliberptz@gmail.com

ТЕХНИКИ ИНТЕРДИСКУРСИВНЫХ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЙ И ТРАНСФОРМАЦИЯ МИКРОСОБЫТИЙ В ДИСКУРСЕ ВОЕННОЙ ПРОЗЫ

В статье анализируются техники интердискурсивного переключения, выделенные при исследовании особенностей конструирования текстового события (в зависимости от типа микрособытия, состава его участников, их отношений, идеологии отношений, знаний участников). На материале современной англоязычной военной прозы устанавливаются параметры интердискурсивных переключений и их значения, которые позволяют сделать выводы об изменениях структуры текстовых событий при включении в дискурс художественной прозы фрагментов институционального дискурса (уставного, политического, документального).

Ключевые слова: интердискурсивные переключения; социокультурное событие; дискурс военной прозы; техники и параметры переключений; анализ дискурса.

D. S. Sadkovoy

Ph.D. Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: caliberptz@gmail.com

TECHNIQUES OF DISCOURSE INTERSECTION AND EVENT CONSTRUAL IN MILITARY PROSE

The study explores techniques of discourse intersection in discourse event construal (represented by the type of an event, its participants, their knowledge, the kind of relationship between them and the relationship ideology). We define the discourse intersection parameters and their values in contemporary English military prose. They help explore the transformations in the discourse events construal when institutional discourse fragments, for instance political or documentary ones, are introduced into the discourse of prose.

Key words: discourse intersections; socio-cultural event; military prose; intersection parameters and techniques; discourse analysis.

Введение и постановка проблемы

В реалиях современного медиамира читателю всё чаще приходится сталкиваться с гетерогенными текстами, или текстами, которые являются полисемиотическими по своей структуре и содержанию,

включая фрагменты разных типов дискурса, разных модальностей, разных языков. Так, в примере (1) гетерогенность определяется введением в художественный дискурс (в данном случае реализованный через описание акцента персонажа) уставной команды, более характерной для иного типа дискурса, например военно-уставного.

- (1) He had an accent but his English was understandable. *“Identify.”*
(*T. Clancy, p. 189*).

Он говорил с акцентом, но его английский можно было понять.
«Назовите себя».

Проблема гетерогенности дискурсов получила достаточное освещение при ее анализе с позиции создателя (автора) текста или с позиции исследователя, изучающего процесс гибридизации дискурсов и его результат в виде текстов с включенными интердискурсивными фрагментами (см., например, [Лунькова 2017]). Гораздо меньше внимания уделяется анализу позиции читателя, которому приходится сталкиваться с распознаванием и интерпретацией таких текстов.

Проблема получает частичное решение в экспериментальных исследованиях когнитивной психологии, где устанавливаются психологические факторы, обуславливающие изменения когнитивной нагрузки, которую испытывает читатель гетерогенных текстов (см., например, [Hegarty, Just 1989; Myers-Scotton 1993; Chun, Plass 1997; Mayer, Moreno 2003]). Однако в них в меньшей степени подвергаются анализу лингвокогнитивные особенности конструирования текстов, сопровождающие интердискурсивные переключения, или переключения с одного типа дискурса на другой, которые способны значительно изменять показатели нагрузки.

В данном исследовании разрабатывается методика когнитивно-дискурсивного анализа таких переключений с целью установления параметров их оформления и техник переключений, которая на данном этапе актуализирована на одном из уровней модели дискурс-анализа Т. А. ван Дейка, а именно – на уровне функционально-дискурсивной репрезентации текстового события [van Dijk 1977].

В рамках исследования мы рассматриваем такие гетерогенные тексты, в которые интегрированы переключения с одного типа дискурса на другой, например с художественного на институциональный. Материалом исследования стали произведения военной прозы

(художественный дискурс), которые могут также содержать элементы военно-уставных, военно-документальных, военно-политических текстов (институциональный дискурс) общим объемом 568 страниц. В работе предпринимается попытка определить техники трансформации социокультурных текстовых событий (микрособытий), которые характерны для моментов переключения с одного типа дискурса на другой (с художественного на институциональный) в рамках общего макродискурса (военного).

Проблема гибридизации и исследование интердискурсивных переключений

В основе большинства подходов к анализу гетерогенных (гибридных) текстов лежит общесемиотическая идея о структуре акта коммуникации, учитывающая состав и функции его компонентов. Так, в одной из наиболее известных моделей акта коммуникации Р. О. Якобсона представлены следующие компоненты: адресант (обладатель и отправитель информации), сообщение (информация), контекст (связан с содержанием сообщения, с информацией, которую оно передает), контакт (как психологическая связь между адресантом и адресатом, обуславливающая возможность установить и поддержать коммуникацию), код (ряд фиксированных правил, с помощью которых выражается сообщение) и адресат (получатель информации) [Якобсон 1985]. С опорой на данную модель можно рассматривать переключения как переходы с одного канала на другой, с одного контекста или кода на другой [Лотман 2010]. Интердискурсивные переключения, т. е. такие, которые представляют собой переходы с одного типа дискурса на другой в рамках общего макродискурса, – это переключения кодов (если рассматривать уровни дискурса как представляющие собой совокупность единиц или компонентов), переключения контекстов (если рассматривать социокультурные события, репрезентированные языковыми единицами) и переключения каналов (если рассматривать переключения в мультиканальном дискурсе, например, в кинодискурсе).

В рамках данной работы мы рассматриваем интердискурсивные переключения как переключения контекстов, так как исследуем не собственно языковые техники переключений (в этом случае будет целесообразно говорить о кодовом переключении), а техники переключений при конструировании текстовых событий.

Анализ данных техник целесообразно выстраивать с опорой на концепции моделирования дискурса, так как в них исследуется структура, компоненты и модели конструирования социокультурных событий и ситуаций. В лингвистике дискурса разработаны различные модели репрезентации дискурса. Так, в модели В. И. Карасика в фокус исследования выводятся компоненты и функции дискурса; в модели А. А. Кибрика – компоненты глобальной и локальной структуры дискурса и нарративных схем; в модели Р. Водак – макростратегии дискурса [Карасик 2002; Кибрик 2003; Wodak, Meyer 2001].

Для настоящего исследования наиболее применима модель дискурса, предложенная Т. А. ван Дейком, так как в ней на первый план выходит такая характеристика дискурса, как его многоуровневость [Van Dijk 2015]. Данная модель предполагает выделение пяти уровней: уровень функциональной семантики, уровень функциональной прагматики, уровень функциональной риторики, когнитивный уровень, уровень социальных и культурных функций. В рамках данного исследования для анализа переключений в качестве исходного мы рассмотрим уровень социальных и культурных функций (социокультурные микрособытия).

Объектом исследования становится военный дискурс как дискурс, репрезентирующий военные события, в двух его основных формах (типах): художественной (дискурс военной художественной прозы) и институциональной. Анализ переключений проведен на материале трех современных англоязычных произведений военно-художественной прозы авторов Г. Хэсфорда (G. Hasford «The Short-Timers»), Д. Хеллера (J. Heller «Catch-22») и Т. Клэнси (T. Clancy «The Hunt for Red October») общим объёмом 568 страниц. Как показал предварительный анализ языкового материала, наиболее частотными формами репрезентации военного институционального дискурса в художественном будут военно-уставной, военно-документальный и военно-политический (о разграничении и выделении отдельных типов военного дискурса см., например, в [Кучинская 2011; Хомутова, Наумова 2017; Amer 2017; Солопова, Наумова 2018]).

В качестве маркеров интердискурсивных переключений для нас будут выступать:

- 1) введение синтаксически оформленного предложения (для отсечения случаев простого включения военных терминов);

- 2) переключение с нарративных (описание, повествование, рассуждение) на институциональные режимы (режим команд, приказов, документирования и др.).

Например, в примере (2) граница переключения будет проходить между описательным фрагментом и фрагментом, репрезентирующим военно-документальный дискурс плаката, листовки. Переключения отметим знаком (/):

- (2) We lie on our racks and swap scuttlebutt. On the ceiling, the combat correspondent's motto in six-inch block letters:// FIRST TO GO, LAST TO KNOW, WE WILL DEFEND TO THE DEATH YOUR RIGHT TO BE MISINFORMED (*G. Hasford, p. 24*).

Мы лежим на навесных кроватях и обмениваемся солдатскими новостями. На потолке – девиз военкора, напечатанный шестидюймовыми буквами:// НА МЕСТЕ СОБЫТИЙ ПЕРВЫМ, В КУРСЕ СОБЫТИЙ ПОСЛЕДНИМ: НАСМЕРТЬ ОТСТОИМ ВАШЕ ПРАВО БЫТЬ ДЕЗИНФОРМИРОВАННЫМИ

Далее представим методику анализа техник переключений, в основе которой будет параметризация компонентов социокультурного микрособытия в текстовых фрагментах до и после момента переключения.

Параметризация микрособытий в интердискурсивных переключениях

При анализе состава компонентов социокультурных микрособытий мы будем руководствоваться методикой параметризации данных компонентов и дальнейшей процедурой их статистической обработки, предложенной в [Киосе 2018]. Проведенный анализ позволит установить значимость отдельных компонентов при конструировании микрособытий в художественном и институциональном дискурсе. Мы предполагаем, что при смене типа дискурса состав компонентов также будет меняться, причем знание техник переключения и позволяет читателю переключиться с одного типа дискурса на другой. Таким образом, под техниками переключения мы понимаем схемы изменения состава компонентов уровней репрезентации дискурса, которые устанавливаются путем параметрического анализа. Значимость параметров и техник переключения мы будем в дальнейшем верифицировать экспериментальными (окулографическими) методами.

Как мы указали выше, параметрическому аннотированию отдельно подвергались текстовые фрагменты, предшествующие переключению (соответствующие микрособытию А), и фрагменты, следующие за ним (соответствующие микрособытию В), т. е. фрагменты А (до переключения) и В (после переключения), см. в примере (3):

- (3) А. Mancuso pocketed the tape. // В. “Dismissed, Jonesy” (*T. Clancy, p. 67*).

Манкусо положил пленку в карман. // «Свободен, Джонеси».

Компоненты социокультурного микрособытия, на которые мы опирались, были предложены Т. А. ван Дейком и Р. Водак и включают в себя следующие группы:

- 1) тип микрособытия;
- 2) участники микрособытия;
- 3) отношения участников микрособытия;
- 4) идеология отношений (основные ценности);
- 5) знания участников, в том числе социокультурные знания о дискурсивной ситуации.

В ходе предварительного анализа материала внутри каждой из этих групп были выделены отдельные параметры, каждому присвоен определенный код для их последующей статистической обработки. Опишем процедуру анализа на конкретном примере (4):

- (4) А. He hops up onto the toe of my boot. Eating, his cheeks are fat. He looks so very bad; he’s beautiful. // В. Roll call (*G. Hasford, p. 57*).

Он запрыгивает на носок моего ботинка. Его щеки раздуты, он что-то ест. Он выглядит так плохо и одновременно прекрасно. // Общий сбор

Опишем параметры, отмеченные во фрагменте А (до переключения). Тип микрособытия – нарратив; участники – военнослужащий 1; отношения отсутствуют; идеология отношений – детально передать картину событий; знания участников о военном событии не выражены. Для фрагмента В (после переключения) характерны следующие параметры. Тип микрособытия – приказ; участники – военнослужащий / группа военнослужащих; отношения – субординация; идеология отношений – соблюдать субординацию; знания участников о военном событии – ключевые положения военных уставов.

A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O
Переводчик	Страна	Год	Автор	Название	Код 1	Комментарий	Код 2	Комментарий	Код 3	Комментарий	Код 4	Комментарий	Код 5	Комментарий
<i>What was that?" roared General Dreedle incredulously, and whirled around in a murderous rage upon Major Danby, who staggered back in terrified confusion and began to yell and perspire. "Who is this man?" "Major Danby, sir," Colonel Cathcart stammered.</i>	США	1994	Joseph Heller	Catch-22	101	Художественное описание диалога между двумя участниками микрособытия (General Dreedle и Colonel Cathcart)		Взаимодействие происходит между лицами, формально относящимися к вооруженным силам		Участник General Dreedle в суровой форме задает вопрос, демонстрируя свою власть и авторитет	303		Для General Dreedle важно знать и контролировать происходящее, включая 404 показывая при 405 этом, кто тут 406 главный	504
<i>Oh, certainly, Milo, certainly. I'm not disputing you. I'm only hacking the figures to make sure you're claiming all you're entitled to. Did you also include the time we contracted with you to bomb the bridge at Orvieto?"</i>	США	1994	Joseph Heller	Catch-22	101 (Milo)	Художественный диалог между тем, кому принадлежит речевая единица (Colonel Cathcart), и другим участником (Milo)		Диалог ведет участник Colonel Cathcart (указано воинское звание) и Milo, оба 201 состоят на службе		Участник находится в равноправных отношениях, признав Colonel Cathcart своей 301 речивкой даже 302 Milo, оба 304 упоминает Milo		Для Colonel Cathcart важно соответствие упомянут цифр действительности и (checking the figures, make sure). Для этого ему нужно 401 работать с Milo 407 сообща.	505	

Рис. 1. Пример разметки параметров

Параметрический анализ проводился путем разметки в программе Excel. Примеры до и после переключения представлены на двух листах программы. Фрагмент разметки приведен на рисунке 1.

После разметки параметров фрагментов до и после переключения коды параметров были обработаны на предмет:

- 1) частотности проявления в двух выборках;
- 2) попарной корреляции параметров.

Приведем данные по (1). В таблице 1 показаны параметры, которые демонстрировали значимые различия своих показателей в выборках до и после переключения (А и В).

Таблица 1

Значимые различия показателей параметров (в %)

Тип параметра	Параметры	А	В
Тип микрособытия	Обращение	25	40
	Рапорт	0	15
	Приказ	5	40
Участники	Военнослужащий 1 / военнослужащий 2	40	65
	Военнослужащий 1	45	5
Отношения	Формальная субординация	35	85
	Отсутствие отношений	70	10

Тип параметра	Параметры	А	В
Идеология отношений	Работать как одна команда	20	40
	Соблюдать субординацию	25	75
	Детально воспроизвести картину событий	80	0
Знания о военном событии	Ключевые положения военных уставов и других нормативных документов	25	75
	Отсутствие знаний о военном событии	75	15

Таким образом, мы видим, что в отношении всех пяти групп параметров наблюдаются определенные изменения по составу компонентов. Это позволяет наметить ряд техник переключений, существование которых, однако, может оказаться под вопросом, если низкая частотность данных параметров обусловлена исключительно их слабой представленностью в рассмотренных примерах. Поэтому на втором этапе мы обратимся к анализу попарных корреляций параметров. Если обнаружим, что при низкой частотности параметров их попарная корреляция все-таки достаточно высока и сопоставима с показателями корреляции во втором типе дискурса, или если обнаружим нулевые показатели корреляции (что означает отсутствие проявлений параметров, например в связи с недостаточным объемом выборки), то наши предположения о различающихся техниках потребуют корректировки.

Рассмотрим значения попарной корреляции данных параметров, которые позволяют предположить существование групп параметров, действующих совместно для достижения единой цели – обеспечить переход от одного типа дискурса к другому. В качестве значимых показателей корреляций мы рассматривали значения, превышающие 0.7 (с использованием коэффициента корреляции Пирсона). В таблице 2 приведены значимые показатели попарной корреляции параметров фрагмента до переключения (А) для первой группы (тип микрособытия) и показатели фрагмента после переключения (В).

Как видно из таблицы, в качестве значимых расхождений показателей корреляции (различающихся в два раза и более) стоит рассмотреть показатели только двух пар корреляций, «обращение» и «отсутствие знаний о военном событии» и «приказ» и «ключевые положения

Таблица 2

**Значимые показатели попарной корреляции параметров
с участием параметров первой группы**

Попарно представленные параметры	А	В
Обращение и Военнослужащий 1 / Военнослужащий 2	0.63	0.69
Обращение и Поддержка	0.67	0
Обращение и Отсутствие знаний о военном событии	0.11	0.61
Боевая песня и Группа военнослужащих / Группа военнослужащих	0	0.71
Боевая песня и Успешное выполнение боевой задачи	0	0.71
Боевая молитва и Отсутствие формальных отношений	0	0.71
Боевая молитва и Хранить верность	0	0.71
Боевая молитва и Обращение с вооружением и военной техникой	0	0.71
Постановка боевой задачи и Успешное выполнение боевой задачи	0	0.71
Нарратив и Военнослужащий 1	0.69	0
Нарратив и Отсутствие формальных отношений	0.86	0
Нарратив и Детальное воспроизведение картины событий	0.92	0
Нарратив и Отсутствие знаний о военном событии	0.83	0
Приказ и Формальная субординация	0.38	0.69
Приказ и Соблюдение субординации	0.45	0.64
Приказ и Ключевые положения военных уставов и других нормативных документов	0.21	0.73

военных уставов и других нормативных документов». Это свидетельствует о том, что некоторые техники переключений действительно могут оказаться наиболее значимыми для распознавания переключений. В отношении попарных корреляций с нулевым значением отметим необходимость расширения выборки примеров.

В ходе дальнейшего исследования по описанной модели анализа будут выявлены техники переключений на других уровнях репрезентации дискурса. Сделанные выводы будут далее верифицированы в ходе окулографического эксперимента.

Заключение

Приведенные количественные данные позволяют сделать следующие выводы. К наиболее значимым параметрам, обуславливающим переключение с одного типа дискурса на другой в рамках общего макродискурса, относится группа отношений между участниками и группа ценностей этих отношений. Анализ частотности параметров в выборках до и после переключений позволяет наметить ряд техник переключений, связанных с трансформацией типа микрособытия, состава участников, типов их отношений и идеологии отношений, типов знаний о военном событии. Однако при последующем анализе корреляций потребовалось скорректировать набор данных техник. Предположительно наибольшей значимостью для переключения будут обладать техники введения микрособытий обращения и приказа, техника активизации знаний о ключевых положениях военных уставов и о военном событии. На степень влияния того или иного параметра переключения в ходе окулографического эксперимента укажет факт увеличения когнитивной нагрузки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
- Кибрик А. А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. ... д-ра филол. наук. М. : Институт языкознания РАН, 2003. 90 с.
- Киосе М. И.* «Удачная интерпретация» текстовой образности в современных когнитивных концепциях // *Образы языка и зигзаги дискурса* : сб. ст. к 70-летию В. З. Демьянкова. М. : Культурная революция, 2018. С. 290–315.
- Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2010. 704 с.

- Луныкова Л. Н. Текст: интеллектуальное дежавю. 2-е изд. М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. 238 с.
- Кучинская Е. А. Жанр и композиция текста в военной периодике (коммуникативно-семантическое моделирование) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 467 с.
- Солопова О. А., Наумова К. А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации // Филологический класс. 2018. № 4 (54). С. 15–21.
- Хомутова Т. Н., Наумова К. А. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2017. № 3. С. 49–53.
- Якобсон Р. О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Избранные работы. М. : Прогресс, 1985. 460 с.
- Amer M. Critical discourse analysis of war reporting in the international press: the case of the Gaza war of 2008–2009 // *Palgrave Commun.* 2017. Vol. 3 (13). P. 1–11
- Chun D. M., Plass J. L. Research on text comprehension in multimedia environments // *Language & Technology.* 1997. Vol. 1. № 1. P. 60–81.
- Hegarty M., Just M. A. Understanding machines from text and diagrams // *Knowledge acquisition from text and pictures* [eds. H. Mandl, J.R. Levin]. Amsterdam: Elsevier, 1989. P. 171–194.
- Mayer R. E., Moreno R. Nine ways to reduce cognitive load in multimedia learning // *Educational Psychologist.* 2003. № 38 (1). P. 43–52.
- Myers-Scotton C.M. Common and uncommon ground: Social and structural factors in code-switching // *Language in Society.* 1993. № 22. P. 475–503.
- Van Dijk T. A. Critical discourse analysis // *Handbook of Discourse Analysis.* 2015. Vol. 1. P. 466–485.
- Wodak R., Meyer M. *Methods of critical discourse analysis.* London : SAGE publications, 2001. 200 p.

REFERENCES

- Karasik V. I. *Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs.* Volgograd : Peremena, 2002. 477 s.
- Kibrik A. A. *Analiz diskursa v kognitivnoj perspektive : dis. ... d-ra filol. nauk.* М. : Institut jazykoznanija RAN, 2003. 90 s.
- Kiose M. I. «Udachnaja interpretacija» tekstovoj obraznosti v sovremennyh kognitivnyh koncepcijah // *Obrazy jazyka i zigzagi diskursa : sb. st. k 70-letiju V. Z. Dem'jankova.* М. : Kul'turnaja revoljucija, 2018. S. 290–315.
- Lotman Ju. M. *Semiosfera.* SPb. : Iskusstvo-SPb, 2010. 704 s.
- Lun'kova L. N. Текст: интеллектуальное дежавю. 2-е изд. М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. 238 с.
- Kuchinskaja E. A. *Zhanr i kompozicija teksta v voennoj periodike (kommunikativno-semanticheskoe modelirovanie) : dis. ... d-ra filol. nauk.* М., 2011. 467 с.

- Solopova O. A., Naumova K. A.* Gibridnye formaty diskursa: problemy klassifikacii // *Filologicheskij klass*. 2018. № 4 (54). S. 15–21.
- Homutova T. N., Naumova K. A.* Voенno-politicheskij diskurs kak osobyj tip diskursa // *Vestnik JuUrGU. Serija «Lingvistika»*. 2017. № 3. S. 49–53.
- Jakobson R. O.* Jazyk v otnoshenii k drugim sistemam kommunikacii // *Izbrannye raboty*. M. : Progress, 1985. 460 s.
- Amer M.* Critical discourse analysis of war reporting in the international press: the case of the Gaza war of 2008–2009 // *Palgrave Commun.* 2017. Vol. 3 (13). P. 1–11
- Chun D. M., Plass J. L.* Research on text comprehension in multimedia environments // *Language & Technology*. 1997. Vol. 1. № 1. P. 60–81.
- Hegarty M., Just M. A.* Understanding machines from text and diagrams // *Knowledge acquisition from text and pictures* [eds. H. Mandl, J.R. Levin]. Amsterdam : Elsevier, 1989. P. 171–194.
- Mayer R. E., Moreno R.* Nine ways to reduce cognitive load in multimedia learning // *Educational Psychologist*. 2003. № 38 (1). P. 43–52.
- Myers-Scotton C. M.* Common and uncommon ground: Social and structural factors in code-switching // *Language in Society*. 1993. № 22. P. 475–503.
- Van Dijk T. A.* Critical discourse analysis // *Handbook of Discourse Analysis*. 2015. Vol. 1. P. 466–485.
- Wodak R., Meyer M.* *Methods of critical discourse analysis*. London : SAGE publications, 2001. 200 p.

УДК 81-114.2

Е. Ю. Цветаев

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: yegortsvetaev@gmail.com

ДИСКУРСИВНАЯ СПЕЦИФИКА ТЕЛЕДЕБАТОВ В США И ВО ФРАНЦИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается лингвистическая составляющая дискурса предвыборных теледебатов. Материалом работы послужили фрагменты предвыборной полемики 1974 года во Франции и 1976 года в США. Проведенный в сопоставительном аспекте дискурсивный анализ выбранного языкового материала позволяет выявить и описать общие и специфические параметры предвыборного дискурса в двух странах.

Ключевые слова: дискурс теледебатов; теория дискурса; политическая лингвистика; адресность; полемичность.

E. Yu. Cvetaev

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: yegortsvetaev@gmail.com

DISCURSIVE DISTINCTIONS OF AMERICAN AND FRENCH TELEVISED DEBATES: A COMPARATIVE STUDY

The paper considers the linguistic aspect of televised presidential debates. The study relies on fragments of election debates held in the USA in 1974 and in France in 1976. Contrastive and discursive analyses serve to reveal and describe common and specific parameters of American and French election discourse.

Key words: televised debates discourse; political linguistics; theory of discourse; addressing; polemicity.

Введение

Наблюдаемый кризис доверия к политическим деятелям и институтам в демократических государствах позволяет предположить, что система взаимодействия между политиками и избирателями функционирует уже не так эффективно, как в период своего становления. Особенно остро эта проблема стоит во Франции и в США, государственное устройство и политические традиции которых различны, но они переживают заметный рост недоверия общественности [Choffat 2017; Cooper 2018].

Лингвисты впервые обратились к вопросу о специфике языка теледебатов сразу после первого опыта такого рода предвыборных баталий во Франции и США в 1974 и 1960 годах соответственно [Samovar 1962, Baldi, Moeschler 1978], и уже тогда наметили различия в выборе материала и исследовательских подходов. Так, франкоязычные лингвисты обычно изучают дебаты, сопутствующие выборам президента Франции (см. например: [Parler pour gouverner 2016; Dupuy, Marchand 2016], а англоговорящие – президента США (см. например: [Adams 2009; Cienki 2004]).

Однако различия в подходах не ограничиваются языком, поскольку в американской традиции теледебаты исследуются с точки зрения теории коммуникации, стилистики, когнитивной лингвистики и психолингвистики [Cienki 2004; Adams 2009], в то время как французские исследователи склоняются к корпусной лингвистике, теории речевых актов, лексикологии, фразеологии и дискурс-анализу [Baldi, Moeschler 1978; Sullet-Nylander, Roitman 2016; Kerbrat-Orecchioni 2016]. Обе школы, однако, озабочены вопросами прагматики и риторики [Pfau 2002; Kerbrat-Orecchioni 2011; Dupuy, Marchand 2016; Parler pour gouverner 2016].

В свою очередь, отечественная наука концентрируется на изучении зарубежных теледебатов в каждом отдельно взятом случае. Несмотря на то, что в первую очередь внимание российских исследователей привлекают американские дебаты, предвыборная кампания 2017 года в Пятой республике также не осталась без внимания [Логинава 2019]. Можно заметить, что интерес к предвыборным теледебатам США и Франции в лингвистике и смежных с ней дисциплинах стабилен, при этом речевое взаимодействие кандидатов рассматривается как правило с точки зрения мультимодальности, когнитивной лингвистики, теории дискурса и риторики [Тарасова 2018]. На этом фоне заметен недостаток работ, в которых анализируются жанровые и дискурсивные особенности языка теледебатов.

Целью настоящей статьи, таким образом, является выявление и описание социокультурной специфики языка, используемого кандидатами во время предвыборных теледебатов. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: провести обзор литературы по данной проблематике, отобрать и проанализировать языковой материал, установить наиболее существенные

лингвистические и экстралингвистические характеристике языка теледебатов во Франции и США.

Начиная с 1974 года, каждый второй тур выборов президента Франции предваряется теледебатами, а каждый цикл президентских выборов США с 1976 года предусматривает серию из трех дебатов. Единственное исключение – кампания 2002 г., тогда кандидат в президенты Франции Жак Ширак отказался «легитимизировать» оппонента Жан-Мари Ле Пена, который считался опасным маргиналом, своим участием в дебатах с ним. Таким образом, доступный для изучения массив языкового материала велик: это десятки часов звучащей речи и корпуса, насчитывающие сотни тысяч случаев употребления лексических единиц [Dupuy, Marchand 2013].

1. Характеристики дискурса теледебатов в США и Франции

При анализе работ, созданных на материале дебатов США и Франции, можно выделить несколько часто связанных между собой характеристик, на которые обращают внимание различные исследователи, рассматривая речь политиков. Это вежливость [Sullet-Nylander, Roitman 2016], косвенное или прямое обращение к сопернику [Baldi 1978; Sullet-Nylander, Roitman 2016, с. 20], стремление акцентировать внимание либо на своих успехах, либо на неудачах оппонента [Gauthier 1995], оспаривание фактов или только их интерпретации конкурентом [Dupuy, Marchand 2016], степень персонализированности [Pfau 2012], перебивание одного кандидата другим [Dupuy, Marchand 2016] и склонность к обсуждению регламента самих дебатов, проявляемая в количестве затрачиваемого на него суммарно времени от общей продолжительности встречи [Baldi 1978].

Одними из наиболее часто обсуждаемых вопросов в лингвистической литературе на эту тему являются проблемы адресности речи политиков и степень их полемичности [Kerbrat-Orecchioni 2012], которые представляются нам тесно связанными между собой. Дело в том, что каждый из двух кандидатов может обращаться либо ко второму претенденту на пост президента (к оппоненту), либо к телевизионной и присутствующей в зале аудитории (избирателю). Осуществляемый под давлением внешних обстоятельств выбор предпочтительной стратегии коммуникативного поведения в этом случае сказывается на интенсивности общения между двумя участниками телевизионной

встречи. При этом фразы, формально обращенные к модератору или приглашенному журналисту, адресуются либо оппоненту, либо электорату, журналист и модератор выступают в роли посредников между участниками политической коммуникации [Sullet-Nylander, Roitman 2016, с. 9–11].

2. Полемичность и адресность в дискурсе теледебатов США

Особенно остро адресность обсуждается в американской традиции. В 1970-е и 1980-е гг. само употребление термина «дебаты» ставилось исследователями под сомнение, а вместо него встречи кандидатов описывались как «совместные пресс-конференции», «совместные телевизионные выступления» и «псевдодебаты» [Tiemens 1985, с. 34]. По сути, эти встречи состоят из серии вопросов от одного из нескольких приглашенных журналистов, которые задаются каждому из кандидатов отдельно. На вопрос кандидат отвечает в течение двух минут, после чего его оппоненту предоставляется одна минута для опровержения или комментирования сказанного. Несмотря на полемическую суть комментария соперника, отсутствие (в соответствии с правилами встречи) возможности продолжить обсуждение этого вопроса между самими кандидатами значительно уменьшает возможность возникновения прений. Проанализируем фрагмент из первых дебатов между Картером и Фордом.

В самом начале ведущий, Эдвин Ньюман, делает вступительные замечания, представляет оппонентов и передает слово одному из журналистов, Фрэнку Рэйнолдсу, который задает Картеру вопрос о снижении безработицы. Последний отвечает на него, затем слово передается Форду, который, в свою очередь, комментирует ответ соперника. После право задать вопрос Форду предоставляется другому журналисту, Джеймсу Гэннону, который полностью уводит разговор от темы безработицы, и таким образом лишает Картера возможности продолжить эту тему:

MR. GANNON: ...In view of the very large budget deficits that you have accumulated and that are still in prospect, how is it possible to promise further tax cuts and to reach your goal of balancing the budget? (*URL: www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/september-23-1976-debate-transcript/*)

MR. CARTER: ...The present **tax structure** is a disgrace to this country; it's just a welfare program for the rich (*URL: www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/september-23-1976-debate-transcript/*)

Далее в своем комментарии Картер упоминает безработицу, но только как иллюстрацию своего тезиса о несправедливости существующей налоговой системы и неверной ее оценки политическим противником:

MR. CARTER: ...he did advocate a \$10 billion tax reduction ... but it would be offset by a \$6 billion increase ... in deductions ... for **unemployment** compensation (*URL: www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/september-23-1976-debate-transcript/*)

В ходе дискуссии ее участники несколько раз возвращаются к теме безработицы как к одной из наиболее острых экономических проблем, однако не останавливаются на ней подробно до тех пор, пока журналист Д. Гэннон не возвращается к ней в своем вопросе. Это происходит на 51-й минуте, после продолжительного обсуждения энергетики, реформирования государственных органов и системы налогообложения, и не связано напрямую с дискуссией на тему безработицы, которая происходила на протяжении первых десяти минут встречи. Если в начале дебатов оппоненты обсуждали в первую очередь сокращение числа безработных, то во втором случае речь шла о повышении пособия по безработице и созданию рабочих мест в государственном секторе.

В этой связи показательно, что ключевым событием второго тура, которое больше всего обсуждалось в СМИ и сильнее всего сказалось на поражении Форда [Pfaу 2012, р. 256] стала неспровоцированная оппонентом неосторожная фраза в ответе на вопрос Макса Франкеля по поводу отношений с СССР и последовавшее обсуждение с журналистом без участия Картера:

MR. FORD: ...there is no Soviet domination of Eastern Europe and there never will be under a Ford administration.

MR. FRANKEL: I'm sorry, ... did I understand you to say, sir, that the Russians are not using Eastern Europe as their own sphere of influence ... (*URL: www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-6-1976-debate-transcript/*)

Реагируя на реплику Форда, Картер, в соответствии с правилами проведения дебатов, дает свой комментарий, и разговор под воздействием вопросов от журналистов переключается сначала на Ближний Восток, а затем – на Азию. К теме доминирования СССР в Восточной Европе возвращения не будет ни в дальнейшем обсуждении, ни в заключительных ремарках оппонентов. В период, когда дебаты в большей степени, чем позже влияли на формирование мнения избирателя, примечательно отсутствие реакции Картера на ошибку соперника, которая в итоге стоила последнему президентского поста [Pfau 2012, с. 256]. По оценке исследователей, «стерильность» встреч того периода была связано с боязнью соперников допустить ошибку в ходе свободной дискуссии [Tiemens 1985, с. 41–42].

3. Полемичность и адресность в дискурсе дебатов Франции

Общая продолжительность французских теледебатов как правило составляет 90 минут. Встреча модерировается двумя журналистами, которые только направляют общее течение дискуссии и не задают прямых вопросов участникам. Заметим, что несмотря на меньшую, нежели в американском случае, строгость регламента, проблема адресности в теледебатах французских кандидатов является предметом обсуждения во Франции. В одном из самых ранних исследований теледебатов встречается упоминание термина «последовательность вопрос – ответ» с оговоркой о неэффективности такой схемы для изучения теледебатов между Миттераном и д'Эстеном, имевших место 10 мая 1974 г., когда, по мнению специалистов, кандидаты обращаются либо к своему визави, либо к аудитории [Baldi, Moeschler 1978, с. 33]. Аналитики отмечают, что для д'Эстена свойственно обращаться к аудитории, а не к оппоненту, в то время как Миттеран предпочитает более агрессивную тактику, обращаясь напрямую к противнику [Giscard d'Estaing/Mitterand 1976]. Рассмотрим, как именно это проявлялось.

В своем вступительном слове Валери Жискар д'Эстен, с одной стороны, приветствует всех присутствующих и телезрителей, говорит о важности и историческом значении выборов, самих дебатов, а с другой – использует это мягкое начало для вербальной атаки. Зная о неустойчивом положении оппонента, которое побудило его заключить предвыборный пакт с коммунистами, он задает Миттерану вопрос о том, что он будет делать после выборов, если будет избран, намекая

на потенциальную политическую нестабильность. При этом он детально останавливается на описании того, насколько проблемным для страны было бы его собственное избрание. Его речь завершается фразой:

VGE: ...s'il est élu Président de la République, à quelle date la France aura-t-elle à la fois un Gouvernement et une majorité permettant à ce Gouvernement de travailler? (*URL: github.com/Frky/transcript/blob/master/1974.%20Giscard%20d%27Estaing%20-%20Mitterrand.md*)

Валери Жискар д'Эстен: ...если он [господин Миттеран] будет избран президентом, то какого числа Франция получит правительство и парламент, который позволит этому правительству делать свою работу? (*Прим. – Перевод авт.*)

Отвечая на этот прямой и конкретный вопрос, Миттеран вынужден говорить о новых выборах в парламент, пытаясь обойти «неудобную» тему союза с ФКП. Тем не менее инициатива на стороне его соперника, разговор проходит выгодным для него образом. Миттеран пытается компенсировать это более агрессивной риторикой и частыми перебиваниями оппонента [Kerbrat-Orecchioni 2016].

Ключевой фразой этих дебатов, существенно повлиявшей на исход выборов, считается сказанная д'Эстеном [Kerbrat-Orecchioni 2012]:

VGE: Vous n'avez pas, M. Mitterrand, le monopole du cœur. J'ai un coeur comme le vôtre qui bat à sa cadence et qui est le mien. Vous n'avez pas le monopole du coeur. Et ne parlez pas aux Français de cette façon si blessante pour les autres [там же].

д'Эстен: У вас нет монополии на чувства, господин Миттеран. У меня такое же сердце, как у вас, и оно бьется в своем собственном ритме. У вас нет монополии на чувства. Говоря о французам таким образом, вы оскорбляете других (*URL: ru.euronews.com/2012/05/03/french-presidential-baiting-and-debating*).

Важно отметить, что эта фраза стала реакцией на предыдущую реплику оппонента и была произнесена ближе к концу встречи, являясь замечанием, подводящим итог сказанному Миттераном, как и другая:

VGE: ...vous êtes un homme du passé [там же].

д'Эстен: ...Вы – человек прошлого (*Прим. – Перевод авт.*).

Такое риторическое завершение, оказавшее влияние на ход всей президентской гонки, стало возможным только благодаря полемическому характеру дебатов, который в первую очередь обусловлен форматом встреч, допускающим более свободную дискуссию между участниками.

Вместе с тем нельзя недооценивать иные факторы: в ходе дебатов модераторам несколько раз приходится корректировать ход беседы. В первую очередь это связано с необходимостью предоставить обоим кандидатам равное время на дискуссию, но также и с тем, что оба оппонента, стремясь перехватить инициативу, нарушают регламент. Исследователи не находят дебаты 1974 г. агрессивными, напротив, отмечают высокий уровень вежливости их участников, однако уровень полемичности очевидно высок по сравнению с американскими дебатами 1976 г., и факторы, которые привели к этому, не сводятся только к регламенту проведения встречи [Sullet-Nylander, Roitman 2016].

Таким образом, анализ фрагментов проводимых в США и во Франции предвыборных теледебатов позволяет выявить и описать лингвистические и экстралингвистические факторы, определяющие стратегии и тактики предвыборной борьбы и в значительной степени влияющие на исход предвыборной кампании. Сопоставительный анализ демонстрирует языковую и культурную специфику такого рода дискурсивных практик.

Заключение

Являясь неотъемлемым элементом политической борьбы, язык предвыборных теледебатов во многом определяет ее исход, в связи с чем лингвисты все более активно подключаются к изучению политических процессов, все более тесно взаимодействуя с политологами и социологами.

Привлечение метода лингвистического дискурс-анализа при изучении стратегий и тактик коммуникативного поведения претендентов на пост главы государства позволяет установить, каким образом язык способствует продвижению кандидата или, напротив, становится барьером на его пути к цели. Кроме того, дискурс-анализ раскрывает внеязыковые приемы коммуникативного поведения претендентов, влияющие на исход голосования избирателей, в целом демонстрируя динамические процессы, происходящие в предвыборном дискурсе.

Важным аспектом в такого рода исследованиях является обращение к культурной составляющей коммуникативного поведения кандидатов. В данной статье было показано, что результат президентской гонки зависит не только от личности кандидата и от геополитического контекста, но также от исторически сложившейся традиции организации теледебатов. В частности, проведенный анализ продемонстрировал дискурсивные особенности американской и французской моделей предвыборных теледебатов на этапе их становления. Поскольку за последние полвека характер предвыборных теледебатов в обеих странах претерпел существенные изменения, анализ других фрагментов предвыборной полемики с высокой долей вероятности позволит выявить, в какой степени меняющиеся формы коммуникации повлияли на исторически сложившиеся модели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Логинова П. Г.* Анализ лингвокогнитивных особенностей политического дискурса Эммануэля Макрона // Преподаватель XXI век. 2019. № 2. С. 360–372.
- Тарасова О. Н.* Особенности взаимодействия вербального и невербального поведения участников политических теледебатов на этапе дискуссии в аспекте мультимодальной интеракции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 90. С. 166–172.
- Adams K. L.* Conceptual metaphors of family in political debates in the USA // In Politics, Gender and Conceptual Metaphors. London : Palgrave Macmillan, 2009. P. 184–206.
- Arnold E. et al.* Parler pour gouverner: Trois études sur le discours présidentiel français. Grenoble : Laboratoire d'Informatique de Grenoble, 2016. 58 p.
- Baldi P., Moeschler J.* Approche pragmatique du débat télévisé Giscard-Mitterrand (1974) Structure de l'interaction et acte de réfutation // Langage & société. 1978. Vol. 5, № 1. P. 30–33.
- Choffat T.* Le « macronisme » et la fin des partis traditionnels ? // Civitas Europa. 2017. № 39. P. 161–179.
- Cienki A.* Bush's and Gore's Language and Gestures in the 2000 US Presidential Debates: A Test Case for Two Models of Metaphors // Journal of Language and Politics. 2004. № 3. P. 409–440.
- Cooper J.* Puzzle of Distrust // Congress and the decline of public trust. Routledge, 2018. P. 1–27.
- Cotteret J. M. et al.* Giscard d'Estaing / Mitterrand: 54774 mots pour convaincre. Paris : P.U.F., 1976. 168 p.

- Dupuy P. O., Marchand P.* Évolutions lexicales des débats de l'entre-deux-tours de l'élection présidentielle française. Du discours de la quantification à la polémique, des stratégies argumentatives au service des électeurs ? // Bulletin suisse de linguistique appliquée. 2013. № 98. P. 105–128.
- Dupuy P. O., Marchand P.* Les débats de l'entre-deux-tours de l'élection présidentielle française (1974–2012) au prisme des stratégies discursives: du monopole du cœur à la doxa économique-comptable // Mots. Les langages du politique. 2016. № 112. P. 69–80.
- Gauthier G.* L'analyse du contenu des débats politiques télévisés // Hermès, La Revue. 1995. Vol. 3, №17–18. P. 355–370.
- Kerbrat-Orecchioni C.* Analyser du discours: le cas des débats politiques télévisés // SHS Web of Conferences. 2012. Vol. 1. P. 25–42.
- Kerbrat-Orecchioni C.* Le désaccord, réaction «non préférée»? Le cas des débats présidentiels // Cahiers de praxématique. 2016. № 67. P. 1–21.
- Pfau M.* The subtle nature of presidential debate influence // Argumentation and Advocacy. 2002. № 38. P. 251–261.
- Samovar A. L.* Ambiguity and unequivocation in the Kennedy-Nixon television debates // Quarterly Journal of Speech. 1962. Vol. 48, № 3. P. 277–279.
- Sullet-Nylander F., Roitman M.* “Mais vous avez tout à fait raison M. le Premier ministre” Termes d'adresse et débats politiques télévisés de l'entre-deux-tours (1974–2012) // Pragmática Sociocultural/Sociocultural Pragmatics. 2016. №4. P. 1–24.

REFERENCES

- Loginova P. G.* Analiz lingvokognitivnyh osobennostej politicheskogo diskursa Jemmanujelja Makrona // Prepodavatel' HHI vek. 2019. № 2. S. 360–372.
- Tarasova O. N.* Osobennosti vzaimodejstvija verbal'nogo i neverbal'nogo povedenija uchastnikov politicheskikh teledebatov na jetape diskussii v aspekte mul'timodal'noj interakcii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 90. S. 166–172.
- Adams K. L.* Conceptual metaphors of family in political debates in the USA // In Politics, Gender and Conceptual Metaphors. London : Palgrave Macmillan, 2009. P. 184–206.
- Arnold E. et al.* Parler pour gouverner: Trois études sur le discours présidentiel français. Grenoble : Laboratoire d'Informatique de Grenoble, 2016. 58 p.
- Baldi P., Moeschler J.* Approche pragmatique du débat télévisé Giscard-Mitterand (1974) Structure de l'interaction et acte de réfutation // Langage & société. 1978. Vol. 5, № 1. P. 30–33.
- Choffat T.* Le « macronisme » et la fin des partis traditionnels ? // Civitas Europa. 2017. № 39. P. 161–179.

- Cienki A.* Bush's and Gore's Language and Gestures in the 2000 US Presidential Debates: A Test Case for Two Models of Metaphors // *Journal of Language and Politics*. 2004. № 3. P. 409–440.
- Cooper J.* Puzzle of Distrust // *Congress and the decline of public trust*. Routledge, 2018. P. 1–27.
- Cotteret J. M. et al.* Giscard d'Estaing / Mitterrand: 54774 mots pour convaincre. Paris : P.U.F., 1976. 168 p.
- Dupuy P. O., Marchand P.* Évolutions lexicales des débats de l'entre-deux-tours de l'élection présidentielle française. Du discours de la quantification à la polémique, des stratégies argumentatives au service des électeurs ? // *Bulletin suisse de linguistique appliquée*. 2013. № 98. P. 105–128.
- Dupuy P. O., Marchand P.* Les débats de l'entre-deux-tours de l'élection présidentielle française (1974–2012) au prisme des stratégies discursives: du monopole du cœur à la doxa économique-comptable // *Mots. Les langages du politique*. 2016. № 112. P. 69–80.
- Gauthier G.* L'analyse du contenu des débats politiques télévisés // *Hermès, La Revue*. 1995. Vol. 3, №17–18. P. 355–370.
- Kerbrat-Orecchioni C.* Analyser du discours: le cas des débats politiques télévisés // *SHS Web of Conferences*. 2012. Vol. 1. P. 25–42.
- Kerbrat-Orecchioni C.* Le désaccord, réaction «non préférée»? Le cas des débats présidentiels // *Cahiers de praxématique*. 2016. № 67. P. 1–21.
- Pfau M.* The subtle nature of presidential debate influence // *Argumentation and Advocacy*. 2002. № 38. P. 251–261.
- Samovar A. L.* Ambiguity and unequivocation in the Kennedy-Nixon television debates // *Quarterly Journal of Speech*. 1962. Vol. 48, № 3. P. 277–279.
- Sullet-Nylander F., Roitman M.* “Mais vous avez tout à fait raison M. le Premier ministre” Termes d'adresse et débats politiques télévisés de l'entre-deux-tours (1974–2012) // *Pragmática Sociocultural/Sociocultural Pragmatics*. 2016. №4. P. 1–24.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

УДК 81'42

М. А. Викулина

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: vikulina_maria@mail.ru

ПРИНЦИПЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ В КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ И АНГЛО-САКСОНСКОЙ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ

Данная статья посвящена исследованию принципов толкования нормативно-правовых актов и интерпретации правовых понятий в континентальной и в англо-саксонской правовых системах. В статье предпринимается попытка проанализировать исторически сложившиеся и современные подходы к интерпретации юридических текстов, а также переосмыслить роль, которую интерпретация играет в правоприменительной практике. Несмотря на неоднозначное отношение к интерпретации правовых предписаний на протяжении истории, в современном праве толкование законов является не только общепринятым, но и обязательным: суд не только может, но и обязан интерпретировать законы, поскольку общие формулировки, используемые законодателем, нередко вызывают разночтения, и правоприменитель ставит себе целью «вскрыть» истинное содержание закона в соответствии с его смыслом и буквой. В статье предпринимается попытка доказать схожий характер интерпретационной деятельности в европейском и англо-американском праве.

Ключевые слова: интерпретация; расширительное и ограничительное толкование; прецедентные определения; правовые понятия; прототипические значения.

М. А. Vikulina

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: vikulina_maria@mail.ru

PRINCIPLES OF INTERPRITING LEGAL RULES IN THE CONTINENTAL AND ANGLO-SAXON LAW SYSTEMS

The article considers principles of interpreting legal rules and legal concepts in the Continental and Anglo-Saxon law systems. The author analyses historical and contemporary approaches to interpretation and reviews the role that interpretation plays in law enforcement and administration of justice. Although interpretation has

been a controversial issue in the history of law, today it is regarded as necessary and in certain cases obligatory, which means that applying laws to particular situations judges have to interpret legal concepts in order to avoid discrepancies and to trace the exact meaning of the terms used by the legislator. The article attempts to disclose the similar character of interpretation practices both in the European and Anglo-American systems.

Key words: interpretation; liberal and restrictive interpretation; precedential definitions; legal concepts; prototypical meaning.

Введение

В процессе осуществления судебной и правоохранной деятельности правоприменители регулярно сталкиваются с проблемой толкования намерения законодателя и интерпретации норм права. Проблема толкования удаленного во времени текста закона возникает каждый раз, когда необходимо определить границы применения тех или иных терминов и положений законодательства. Устав Гражданского судопроизводства гласит: «В случае отсутствия норм права, регулирующих спорное отношение, суд применяет нормы права, регулирующие сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии таких норм разрешает дело, исходя из общих начал и смысла законодательства (аналогия права)» [ГПК РФ, п.3 ст. 11, 2002]. Таким образом, задачей юриста, среди прочего, является установление смысла той или иной законодательной нормы.

Поскольку при составлении нормативно-правового акта законодатель стремится охватить максимальное количество ситуаций и правоотношений, регулировать которые направлена создаваемая им норма, часто формулировки закона оказываются общими, а используемые в них термины отличаются слишком широким спектром применения. Следовательно, ситуации, в которых правоприменители обращаются к легальному, т. е. содержащемуся в самой норме, толкованию или дают собственную интерпретацию использованных слов и выражений, характерны для всех правовых систем.

Согласно Философскому энциклопедическому словарю, под толкованием понимается «объяснение или интерпретация чего-либо прежде неизвестного путем умозрительного анализа сути явления ... толкование, выступающее первоначально как индивидуальное представление, может в процессе дальнейшего познания и понятийно-терминологического языкового оформления стать

общераспространенной нормой» [Философский энциклопедический словарь 2010]. Однако в целях данной статьи представляется целесообразным отметить, что интерпретация и толкование являются разными этапами интерпретационной деятельности. Интерпретация представляет собой «внутренний» процесс уяснения и понимания представленного к анализу текста, аналитический процесс установления смысла на основании знаний об объекте языка, тогда как толкование направлено на последующее разъяснение норм права. «Толкование – это интеллектуально-волевой процесс, направленный на установление воли законодателя <...>. Толкование призвано сделать ясным, понятным и доступным для восприятия широкого круга лиц предписания, содержащегося в норме права» [Гермашев 2010, с. 50].

Далее в статье мы рассмотрим существовавшие в истории права подходы к интерпретации и толкованию, а также предпримем попытку анализа современных подходов и роли, которую интерпретационная деятельность играет в континентальной и англо-саксонской правовых системах.

Проблема интерпретации и толкования правовых норм в исторической перспективе

На протяжении истории отношение к толкованию законов было неоднозначным. В VI в. н. э. император Юстиниан значительно ограничил возможности толкования своих Дигестов, поскольку считал, что их истинный смысл уже был установлен. Наполеон, узнав о том, что появились комментарии к составленному под его руководством Гражданскому кодексу, удрученно воскликнул: «Пропал мой кодекс!» [Шершеневич 1924, с. 727–729]. В XVIII в. в Пруссии было запрещено толковать законы, поскольку, по мнению законодателей, при интерпретации истинный смысл, заложенный при создании закона, искажался и преломлялся под влиянием субъективного правосознания.

Иной подход к толкованию законов существовал в Северной Италии в XI–XII вв. после того, как филолог Ирнерий заложил нормы толкования законов [Библиотека древних рукописей]. В этот период распространение получают комментарии на полях римских кодексов – глоссы, и появляется новая профессия – глоссатор. При толковании норм глоссаторы применяли филологический анализ, вскрывали существующие в текстах противоречия и выводили значения терминов

и смысл неясных положений путем анализа других фрагментов текста. По мнению некоторых ученых, ни до, ни после глоссаторов юридические тексты не подвергались столь глубокому филологическому анализу.

В XVI в. в Европе чисто филологический подход сменяется последовательным, систематическим изложением правовых институтов, т. е. сравнительно небольших, устойчивых групп правовых норм, регулирующих определенную разновидность общественных отношений, и правоведы начинают подвергать тексты не только филологическому, но и историческому анализу.

Начиная с XIX в. толкование законов в европейском праве становится не только общепринятым, но и обязательным. Согласно ныне существующему подходу, суд не только может, но и обязан интерпретировать законы, поскольку даже самый совершенный закон нередко вызывает разночтения, и правоприменитель ставит себе целью вскрыть истинное содержание закона в соответствии с его смыслом и буквой.

Европейское право оказало влияние на религиозное право Древнего Востока. Так, в Древней Индии до ее колонизации Англией доминировало индуистское право, сформировавшееся более двух тысяч лет назад. Индуистское право, т. е. совокупность норм и законов, имеющих религиозный характер и происходящих от «божественной воли», распространено преимущественно в Индии, в Юго-Восточной Азии (Пакистане, Малайзии, Сингапуре, Непале, Шри-Ланке) и в Восточной Африке (Кении, Танзании, Уганде). Индуистское право является частью индуизма и тесно «переплетено» с религиозными обрядами и верованиями. Для этого типа права толкование предписаний как таковое не было характерно, поскольку божественная воля не может быть истолкована или переозвучена. Однако в XVII–XVIII вв. интерпретацией и толкованием норм и законов в колонизированной Индии занимались английские судьи. Переноса свой правовой опыт на право колонизированной страны, они активно пользовались правилом судебного прецедента, ранее не имевшего ценности и не применявшегося в Древней Индии. Как отмечает Т. Д. Дубровченков, многие положения религиозных трактатов были не ясны английским судьям, и в результате исконно индуистские понятия интерпретировались ими с точки зрения их правовых представлений, основанных на

опыте английского права [Дубровченков 2015, с. 72]. Таким образом, некоторые слова и выражения приобретали совершенно иные значения. Наряду с этим значительно изменялась и логика толкования: она становилась более предметной и более зависимой от конкретного дела, в противопоставление широким и глубоким базовым понятиям индуизма. В свете подобных тенденций некоторые авторы на данный момент характеризуют право Индии как «индуистско-английское», в котором осознается как необходимость интерпретации, так и актуальность современных методов толкования [Дубровченков 2015; Крашенинникова 1982].

Современные подходы к толкованию правовых норм

Современные подходы к трактованию правовых норм и понятий являются общими и применяются во всех правовых системах. По видам толкования выделяют толкование легальное (аутентическое), т. е. исходящее от самого законодателя, и нелегальное. Нелегальное толкование исходит от ученых, юристов, адвокатов и просто граждан. С целью обнаружения смысла представленной правовой нормы используется метод поэтапного анализа. Принципы толкования также являются общими для всех правовых систем и предполагают толкование филологическое, логическое, систематическое и историческое.

Еще в XIX в. сторонник исторической школы права Г. Ф. Пухта утверждал, что: 1) смысл должен быть выведен из слов, следовательно, процесс толкования начинается с анализа вербальной воли законодателя, т. е. с толкования филологического; 2) в процессе толкования должны учитываться юридические принципы, лежащие в основе правовой нормы, т. е. одновременно с филологическим толкованием происходит логическое толкование; 3) в процессе толкования должна приниматься в расчет цель, с которой данный закон был принят, т. е. толкователь должен учитывать, какую роль данный документ должен иметь в системе права, и как он будет влиять на общество, т.е. происходит систематическое толкование [Пухта 1872, с. 22–24].

Спустя почти столетие, вслед за Г. Ф. Пухтой, С. С. Алексеев отмечал, что при толковании мысль интерпретатора идет от анализа буквального, т. е. словесно-документального (языково-логического), текста к исследованию специально-юридического и социально-политического содержания нормативного акта, «от грамматического

анализа текста закона к анализу, основанному на логике человеческого мышления, а от него к анализу тех условий экономического и политического порядка, которые обусловили издание и действие данного закона» [Алексеев 1981, с. 302]. С этой точки зрения, по мнению С. С. Алексеева, процесс толкования имеет три основные ступени:

- а) анализ буквального текста (то, что Г. Ф. Пухта называл грамматическим уровнем);
- б) догматический анализ, т. е. анализ юридических особенностей предписаний, выраженных в специфически правовом содержании данных норм;
- в) социально-политический анализ (систематический и исторический).

С. С. Алексеев выделяет такие способы толкования, как грамматический, логический, специально-юридический (технично-юридический), систематический, историко-политический (функциональный). Как отмечает автор, на практике не требуется строгого соблюдения очередности способов толкования, и тщательный анализ буквального текста позволяет сразу же включать логическое и специально-юридическое толкование. Часто способы толкования используются по спирали: после анализа текста документа на грамматическом и логическом уровне необходимо более глубокое историко-политическое толкование, но в ряде случаев этот этап не будет являться завершающим – на его основе может потребоваться вернуться к уточнению специально-юридических сторон нормативных предписаний или отдельных терминов.

Таким образом, независимо от подходов к выделению этапов толкования и ракурсов их описания, исследователи сходятся во мнении, что любое толкование начинается с анализа слов и выражений, входящих в предложения, семантических и синтаксических связей, особенностей организации текста. Логическое толкование всегда неразрывно связано с грамматическим, поскольку смысл закона не может быть автоматически выведен из значения слов, его составляющих. Руководствуясь принципами логики, толкователь устанавливает причинно-следственные и иные связи, заложенные в тексте.

Если грамматического (филологического) и логического толкования оказывается недостаточно для разъяснения намерений законодателя, правоприменители или иные органы, в чьи задачи входит

толкование закона, руководствуются принципом системности. Систематическое толкование позволяет соотнести текст нормативно-правового акта с другими статьями или законами, ранее применяемыми и уже получившими определенное толкование, обнаружить место и роль данного нормативного акта в правовой системе, его задачи, и, следовательно, толковать его, исходя из общей логики правовой системы и духа закона.

И, наконец, историческое толкование применяется там, где для установления истинного смысла нормы необходимо понять ее истоки, историко-политическую или экономическую ситуацию, оказавшую значительное влияние на развитие и модификацию нормы на протяжении веков, а также на ее адаптацию к современным условиям и пр. Представляется целесообразным более подробно остановиться на одном из подходов к филологическому толкованию в праве.

Говоря об установлении правоприменителями значения слов, входящих в нормативно-правовой акт, следует отметить то, что Л. Солан предлагает рассматривать проблему распознавания смысла с точки зрения теории прототипов [Solan 2011, с. 10–13]. Такой подход выражается в ориентации на то, что с наибольшей степенью вероятности представители данного социума вкладывают в конкретное слово, употребляя его в обиходной речи. Многозначные слова реализуют свои значения в определенных контекстах, поэтому каждое конкретное значение привязано к определенному типу ситуаций и является для ситуаций этого типа прототипичным. Соответственно, с точки зрения судей, вероятность, что законодатель будет употреблять в нормативно-правовом акте слово в значении, отличном от общепринятого, слишком мала.

Многие ученые, занимающиеся вопросами толкования правовых норм и понятий, ссылаются на старый закон, принятый в Болонье, который гласил, что любой, кто «пролил кровь на улице», должен быть подвергнут суровому наказанию [Черданцев 1998, с. 326; Герасимова 2015, с. 134]. Выражения «проливать кровь» и «кровопролитие» у представителей социума ассоциируются с насильственными действиями: убийствами, побоями, стычками и прочими противоправными деяниями. Именно в этом значении законодатель употребил данное выражение в нормативно-правовом акте, намереваясь таким образом пресечь любую агрессию, имеющую негативные последствия для жизни и здоровья. Однако в период действия этого закона

врачу пришлось оказать помощь больному эпилепсией на улице, пустив ему кровь. В соответствии с буквой закона врач должен был понести суровое наказание, однако судьи приняли во внимание смысл и дух закона, а также то прототипическое значение, которое выражение «проливать кровь» имело в обществе, и освободили обвиняемого от ответственности.

В рамках проводимого нами исследования примером, демонстрирующим целесообразность использования прототипического подхода, можно считать решение в деле Никса и Хеддена (*Nix v. Hedden*) 1893 г. После введения Закона о тарифах 1883 года импортируемые в США овощи облагались дополнительным налогом, тогда как ввозимые в страну фрукты от такого налогообложения были освобождены. Компания «John Nix & Co.» подала иск против Эдварда Хеддена, сборщика налогов в порту Нью-Йорка, требуя вернуть уплаченные ими суммы за ввозимые томаты, поскольку томат является фруктом, а не овощем («*botanically tomato is a fruit due to its seed-bearing structure growing from the flowering part of a plant*»). Однако Верховный суд США единогласно решил дело в пользу ответчика, аргументируя это тем, что восприятие томатов как фруктов, несмотря на словарные дефиниции, расходилось бы с восприятием данной культуры представителями социума, поскольку данная культура и возделывается, и воспринимается среднестатистическим американцем, как овощная культура, и иное ее восприятие расходилось бы с намерениями законодателя.

Характерное для среднестатистического американца восприятие томатов как овощей, а не как фруктов, распространяется и на носителей других языков и культур. Директива ЕС от 20.12.2001 «О фруктовых соках и схожих продуктах, предназначенных для потребления людьми» также закрепляет в качестве нормы международного права, что «*томаты не относятся к фруктам, исходя из целей и задач Директивы*»:

For the purposes of this Directive, the following definitions shall apply:

1. Fruit: All fruits. For the purposes of this Directive, tomatoes are not regarded as fruit.

Таким образом, мы, вслед за Л. Соланом, приходим к выводу, что как законодатели, так и правоприменители при составлении и толковании нормативно-правовых актов придерживаются тех значений слов, которые Л. Солан отмечал, как «прототипические».

Расширительное и ограничительное толкование

Интерпретационная деятельность направлена на установление смысла предложенного к анализу текста и на последующее разъяснение предписания. Следовательно, в любой правовой системе правоприменителям в их стремлении установить смысл закона и интенцию законодателя приходится прибегать к расширительному и ограничительному толкованию.

Расширительное и ограничительное толкование направлено на увеличение или сужение объема понятия. В процессе толкования правоприменитель включает те или иные ситуации в круг правоотношений, на которые распространяется данная норма, и таким образом действительное содержание нормы оказывается шире, чем ее вербальное выражение. В ряде случаев правоприменитель сужает объем понятия в нормативно-правовом акте (НПА) за счет того, что не принимает в расчет значения, типичные для ряда ситуаций. В качестве примера приведем пункт 1 статьи 34 Семейного кодекса РФ от 29.12.1995 N 223-ФЗ, который гласит, что всё имущество, нажитое супругами в браке, является совместно нажитым имуществом. Вербальная формула нормы «всё имущество» могла бы быть ошибочно интерпретирована («вообще всё имущество»), если бы рассматривалась изолированно от других норм и положений. Однако пункт 2 статьи 36 СК РФ гласит, что вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и т. п.), приобретенные во время брака за счет общих средств супругов, признаются имуществом того супруга, который ими пользуется. Соответственно, с учетом ограничительного толкования правовой нормы, становится понятно, что не всё имущество супругов включено в понятие «совместно нажитое имущество», и объём понятия значительно сужается.

Часто в результате расширительного или ограничительного толкования понятий и положений и в процессе создания судебного прецедента судами высших инстанций даются прецедентные определения, которых далее придерживаются все суды той же или нижестоящих инстанций. Несмотря на то, что влияние прецедента чаще всего ассоциируется с англо-саксонской правовой системой, роль судебных решений и толкований велика в любом государстве. Так, в России прецедентными можно считать решения Верховного суда РФ и Конституционного суда РФ.

Как отмечает С. Д. Князев, огромное значение в деятельности Конституционного суда занимает выявление и интерпретация смысла конституционных принципов взаимоотношений личности, общества и государства. При этом КС РФ опирается не только на те принципы, которые прямо закреплены в тексте Конституции РФ, но и прибегает к анализу взаимосвязанных конституционных положений. Иначе говоря, опираясь, например, на принцип недопустимости искажения демократической правовой природы российской государственности или принцип уважения достоинства личности, КС РФ трактует нормативно-правовые нормы и их положения, исходя из духа закона. Эти и иные принципы выступают в качестве общеправовых индикаторов при отправлении правосудия и проверке конституционности законов. Когда отступление от положений Конституции обусловлено не самим законом, а его правоприменительной интерпретацией, КС РФ не торопится квалифицировать НПА как неконституционный, а, напротив, выявляет его конституционно-правовой смысл, который становится обязательным для всех органов и должностных лиц. Конституционный суд РФ прибегает к международно-правовой аргументации как для дополнительного обоснования своих правовых позиций, так и для разъяснения значения конституционных норм, а также выявления конституционно-правового смысла тех или иных законов [Князев 2013, с. 5–13].

Что касается Верховного суда РФ, то Постановления Пленума ВС РФ, хотя и не являются нормативно-правовыми актами, содержат разъяснения судебной практики, толкование понятий и имеют регулирующее значение в сфере правоприменения. Сформулированные в постановлениях Верховного суда правила применяются нижестоящими судами и являются «ориентиром» при интерпретации смысла закона в процессе его применения.

Так, например, в Постановлении Пленума Верховного суда №11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» судьи ВС РФ четко определяют, среди прочего, какие действия могут быть квалифицированы как направленные на возбуждение ненависти или вражды: «Под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций,

совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды» [Постановление Пленума ВС РФ №11, с. 5].

С нашей точки зрения, в данном случае ВС РФ прибегает к ограничительному толкованию, т. е. дает определение понятию, использованному законодателем («действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды»), четко разграничивая, какие конкретно действия можно квалифицировать как разжигающие вражду, а какие будут являться реализацией демократического права каждого гражданина на свободу слова. ВС РФ сужает круг правоотношений и ситуаций, которые могут быть квалифицированы на основе данной статьи и, как следствие, сужает объём понятия.

Выводы

Таким образом, несмотря на различия в интерпретации правовых понятий в континентальной и англо-саксонской правовых системах, которые в основном зависят от того, насколько широкими полномочиями наделены правоприменители, основные принципы толкования норм права являются общими. Различия могут быть продиктованы историко-правовыми условиями развития социума, особенностями культуры и менталитета, а также спецификой самой правовой системы, например тем, какие полномочия имеют суды или правоохранительные органы, что и в каком объёме законодатель оставляет на усмотрение правоприменителя, и насколько развита система использования прецедентов. Вместе с тем в любой правовой системе толкователь опирается на грамматическое и логическое построение текста, а также учитывает место и роль правовой нормы в системе законодательства, принимая во внимание особенности исторического развития права. Анализируя языковую репрезентацию смысла, заложенного составителем закона, толкователь опирается на представление о том, какое значение слова закрепилось за данной ситуацией в обществе как прототипичное. Прибегая к расширительному или

ограничительному толкованию, правоприменители часто дают свои определения понятиям («прецедентные определения»), которые затем становятся ориентиром для нижестоящих судов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев С. С.* Общая теория права : в 2 т. М. : Юридическая литература, 1981. Т. 2. 295 с.
- Библиотека древних рукописей. Рецепция римского права / Ирнерий. URL : drevlit.ru/docs/italy/XII/Irnerius/text1c58b.php (дата обращения: 14.01.2020).
- Герасимова Н. П.* Историко-правовой анализ интерпретации правовых норм. Правопорядок: история, теория, практика // Международное право. Сравнительное правоведение. 2015. №3 (6). С. 132–135.
- Гермашев А. Н.* Юридическая герменевтика как теория о способах изложения воли в юридическом тексте и способах ее толкования : дис. ... канд. юр. наук. М., 2010.
- Гражданский процессуальный кодекс РФ. URL : www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=339209&fld=134&dst=100035,0&rnd=0.8206740145993058#08077887414661331 (дата обращения: 14.01.2020).
- Дубровченко Т. Д.* Толкование закона в индуистской правовой семье. Толкование закона и права. Том I / колл. авт. Алетейя, 2015. 113 с.
- Князев С. Д.* Конституционный суд в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. К 20-летию Российской Конституции. 2013. С. 5–13. URL : cyberleninka.ru/article/n/15381454 (дата обращения: 10.01.2020).
- Крашенинникова Н. А.* Индусское право: история и современность. М. : Изд-во МГУ, 1982. 192 с.
- Михайловский И. В.* Очерки философии права // Толкование юридических норм. URL : read.virmk.ru/m/Mihailovski_5.htm (дата обращения: 04.01.2020).
- Пухта Г. Ф.* Энциклопедия права / под ред. П. Карасевич ; пер. Линденбратен ; перевод с шестого немецкого издания. Тип. Г. Фальк, 1872. 99 с.
- Nix v. Hedden.* United States Supreme Court. No. 137. Argued: Decided: May 10, 1893. URL : caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/149/304.html (дата обращения: 04.01.2020).
- Council Directive 2001/112/EC of 20 December 2001 relating to fruit juices and certain similar products intended for human consumption. URL : eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/LSU/?uri=CELEX%3A32001L0112 (дата обращения: 04.01.2020).
- Solan Lawrence M.* Linguistic Issues in Statutory Interpretation. Brooklyn Law School Legal Studies : Research Papers // Accepted Paper Series. Research Paper №254. 2011. URL : ssrn.com/abstract=1950310 (дата обращения: 13.12.2019).

REFERENCES

- Alekseev S. S.* Obshhaja teorija prava : v 2 t. M. : Juridicheskaja literatura, 1981. T. 2. 295 s.
- Biblioteka drevnih rukopisej. Recepcija rimskogo prava/Irnerij. URL : drevlit.ru/docs/italy/XII/Irnerius/text1c58b.php (data obrashhenija: 14.01.2020).
- Gerasimova N. P.* Istoriko-pravovoj analiz interpretacii pravovyh norm. Pravoporjadok: istorija, teorija, praktika // Mezhdunarodnoe pravo. Sravnitel'noe pravovedenie. 2015. №3 (6). S. 132–135.
- Germashev A. N.* Juridicheskaja germenevtika kak teorija o sposobah izlozhenija voli v juridicheskom tekste i sposobah ee tolkovanija : dis. ... kand. jur. nauk. M., 2010.
- Grazhdanskij processual'nyj kodeks RF. URL : www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=339209&fld=134&dst=100035,0&rnd=0.8206740145993058#08077887414661331 (data obrashhenija: 14.01.2020).
- Dubrovchenkov T. D.* Tolkovanie zakona v induistskoj pravovoj sem'e. Tolkovanie zakona i prava. Tom I / koll. avt. Aletejja, 2015. 113 s.
- Knjazev S. D.* Konstitucionnyj sud v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii // Zhurnal rossijskogo prava. K 20-letiju Rossijskoj Konstitucii. 2013. S. 5–13. URL : cyberleninka.ru/article/n/15381454 (data obrashhenija: 10.01.2020).
- Krashenninnikova N. A.* Indusskoe pravo: istorija i sovremennost'. M. : Izd-vo MGU, 1982. 192 s.
- Mihajlovskij I. V.* Oчерki filosofii prava // Tolkovanie juridicheskikh norm. URL : read.virmk.ru/m/Mihailovski_5.htm (data obrashhenija: 04.01.2020).
- Puhta G. F.* Jenciklopedija prava / pod red. P. Karasevich ; per. Lindenbraten ; perevod s shestogo nemeckogo izdanija. Tip. G. Fal'k, 1872. 99 s.
- Nix v. Hedden.* United States Supreme Court. No. 137. Argued: Decided: May 10, 1893. URL : caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/149/304.html (data obrashhenija: 04.01.2020).
- Council Directive 2001/112/EC of 20 December 2001 relating to fruit juices and certain similar products intended for human consumption. URL : eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/LSU/?uri=CELEX%3A32001L0112 (data obrashhenija: 04.01.2020).
- Solan Lawrence M.* Linguistic Issues in Statutory Interpretation. Brooklyn Law School Legal Studies : Research Papers // Accepted Paper Series. Research Paper №254. 2011. URL : ssrn.com/abstract=1950310 (data obrashhenija: 13.12.2019).

УДК 81-114.2

М. И. Киосе, Т. Г. Харламова

Киосе М. И., доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Центра Социокогнитивных исследований дискурса
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: maria_kiose@mail.ru

Харламова Т. Г., магистрант Московского государственного лингвистического
университета; e-mail: toyster34@gmail.com

КОНВЕНЦИОНАЛИЗАЦИЯ НЕПРЯМЫХ НОМИНАТИВНЫХ ГРУПП, ИЛИ КАК ПРЕОДОЛЕВАЕТСЯ СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ ТЕКСТА¹

В настоящей работе исследуются возможности снижения степени стилистической гетерогенности текста за счет конвенционализации не прямых номинативных комплексов. Апробируется методика анализа конвенционализации, включающая параметризацию первого и повторного употреблений не прямых комплексов на предмет фокусирования и дефокусирования ряда характеристик. Предварительная гипотеза о связи конвенционализации и дефокусирования подтверждается лишь частично; результаты демонстрируют, что дефокусирование одних характеристик (в большей степени синтаксических и связанных с экспликацией экстероцепции) сопровождается введением новых фокусных элементов (лексико-морфологических и демонстрирующих новые референциальные и текстовые возможности конструирования).

Ключевые слова: стилистически гетерогенный текст; не прямые номинативные комплексы; параметризация; фокусирование и дефокусирование; художественный текст; окулографический эксперимент.

M. I. Kiose, T. G. Kharlamova

Kiose M. I., Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor,
Leading Research Scientist, Centre for SocioCognitive Discourse studies,
Moscow State Linguistic University; e-mail: maria_kiose@mail.ru

Kharlamova T. G., MA Student, Moscow State Linguistic University;
e-mail: toyster34@gmail.com

ENTRENCHMENT OF FIGURATIVE NOMINAL GROUPS, OR HOW TEXTS BECOME LESS STYLISTICALLY HETEROGENEOUS

The article explores ways of alleviating the stylistic heterogeneity in texts by means of entrenchment caused by repeated use of figurative nominal groups. We offer

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-012-00370 «Гетерогенность текста и факторы ее успешной интерпретации читателем» в Московском государственном лингвистическом университете.

a multi-stage procedure of entrenchment analysis which involves the parametric study of focusing and defocusing in the first and second use of figurative nominal groups. The preliminary hypothesis about the correlation of entrenchment and defocusing had to be specified, as the results demonstrate that the second use of a figurative nominal group employs both defocusing (e.g. syntactic and embodiment defocusing) and focusing (e.g. morphological and lexical focusing, focusing in referential and textual construal).

Key words: stylistically heterogeneous text; figurative nominal groups; parametric study; focusing and defocusing; fiction stories; oculographic experiment.

Введение

Одним из способов снижения когнитивной нагрузки читателя, связанной со стилистической гетерогенностью текста, может быть конвенционализация в тексте образных единиц, например окказиональных метафор, которая происходит при повторном и множественном их использовании в тексте, в результате облегчается распознавание данных единиц [Nöth 1985; Schmid 2007]. Само явление конвенционализации (entrenchment), под которым мы, вслед за Р. Лэнкером, понимаем: 1) ряд когнитивных процессов, связанных с закреплением некоторых единиц в памяти, образованием блоков информации (chunking) и автоматизацией воспроизведения; 2) сами лингвистические структуры как результаты данного процесса, в последние годы привлекает к себе внимание специалистов разных областей [Langacker 1987; Langacker 2016]. Это обусловлено повышенным интересом к работе структур памяти и процессов мышления (категоризации, генерализации, аналогии, салиентности), автоматизации процессов извлечения информации, формированию гештальтного восприятия. Так, в работах исследуются эффекты частотности и повторяемости лексических и грамматических единиц как определяющих лингвистические, дискурсивные, социокогнитивные основания феномена конвенционализации (см., например, [Bybee 2007; Gries & Diviak 2012; Schmid 2013, 2016; Haspelmath 2014; Diviak & Caldwell-Harris 2015; Vejdemo, Hörberg 2016]). Исследования проводятся в двух направлениях: установление влияния частотности типа объекта (области знаний) и частотности токена (маркера, например лексем) (type and token frequency), в результате намечается некоторый набор паттернов, или техник конвенционализации, которые

в дальнейшем верифицируются, чаще всего – окулографически (см., например, в [Forster 2007; Staub 2015; Giora et al. 2018]). В большинстве случаев анализу подвергаются сами токены, так как такой путь исследования позволяет использовать корпусные и статистические методики (что выигранно за счет привлечения Big Data), однако он не раскрывает возможностей конвенционализации областей знания. Более значимыми для когнитивной науки являются исследования, посвященные трансформации самих областей знания (типов токенов), происходящие при изменении образа референта в тексте. Этот процесс наблюдается, например, при повторном наименовании некоторого референта в тексте с использованием образных единиц. Такой анализ позволяет установить, как меняется степень стилистической гетерогенности текста (за счет конвенционализации самих единиц), и увидеть, как трансформируется образ референта, в структуре которого постепенно закрепляются некоторые компоненты, присутствующие в семантике его непрямого наименования.

Методика анализа конвенционализации непрямых номинативных комплексов

В настоящем исследовании объектом анализа становятся образные (непрямые) номинативные комплексы, которые конвенционализируются за счет своего повторного употребления в тексте, при этом конвенционализации подвергаются и сами образы референтов, которые эти комплексы означивают. В работе устанавливается, как частотность употребления токена (здесь это не прямые единицы) приводит к закреплению устойчивого образа текстового референта (устойчивость типа токена, или области знаний), поэтому анализу подвергаются как токены, так и типы токенов.

Так, в примере (1) непрямо номинативный комплекс *принц Уэльский* используется несколько раз.

- (1) Все это длится несколько секунд, и в конце концов ученик, неловко протиснувшись в дверь, спотыкающейся походкой идет на свое место. Харламбий Диогенович смотрит ему вслед и говорит что-нибудь великолепное. Например:

– *Принц Уэльский*.

Класс хохочет. И хотя мы не знаем, кто такой *принц Уэльский*, мы понимаем, что в нашем классе он никак не может появиться <...>.

Потому-то мы и смеялись, понимая, что наш ученик никак не может быть *принцем*, тем более каким-то *Уэльским* (НКРЯ).

Сам комплекс подвергается определенной лексической и синтаксической модификации, меняется его референциальная отнесенность (ср. первое и второе использование), трансформируются способы его оформления в тексте. Эти техники в одних случаях стимулируют процесс конвенционализации комплекса и образа референта, в других – тормозят его [Киосе 2014]. Таким образом, под конвенционализацией в настоящей работе мы понимаем процесс закрепления непрямо-оказиональной номинации (или номинативного комплекса) за своим образом, при этом непрямо-оказионация постепенно (за счет повторяемости и за счет ряда техник конвенционализации) становится «именем» для своего референта, утрачивая свое непрямо-оказиональное значение в тексте. Основным объективным показателем конвенционализации может стать изменение показателей, полученных при чтении и распознавании таких единиц читателем, однако установление параметров оформления первого и повторных использований комплексов является необходимым условием для последующей экспериментальной оценки их значимости для конвенционализации комплексов.

Ввиду того, что номинативный комплекс используется повторно, мы предполагали, что конвенционализация будет сопряжена со снижением показателей фокусирования, или выдвигания некоторых характеристик (параметров), которые маркируют комплекс как непрямо-оказиональной. Таким образом, появление параметров дефокусирования будет свидетельствовать о том, что комплекс конвенционализируется в тексте. Однако, как мы покажем далее, эта гипотеза подтвердится лишь частично. На данном этапе:

- 1) с помощью корпусно-статистического анализа и интерпретационного анализа мы устанавливаем, как связаны токен и тип токена (т. е. форма и семантика самого непрямо-оказионального комплекса и образ референта в тексте) при первом предъявлении комплекса;
- 2) с помощью окулографического анализа определяем показатели неконвенционального использования токена и типа токена (глазодвигательные показатели и индексы распознавания);
- 3) разрабатываем систему параметров для оценки возможностей оформления токена при первом и последующих употреблениях в тексте на основе параметров фокусирования и дефокусирования;

и с помощью статистического анализа определяем возможности конвенционализации, которые впоследствии соотнесем с глазодвигательными техниками при окулографическом анализе.

Корпусный анализ первых предъявлений непрямых номинативных комплексов

На начальном этапе был проведен корпусный анализ, в ходе которого изучались особенности первого употребления номинативного комплекса в условиях создания им стилистической гетерогенности, связанной с непрямым окказиональным наименованием текстового референта. При выборе значимых особенностей комплексов для создания ими эффекта стилистической гетерогенности, которые будем подвергать анализу, мы опирались на результаты исследований, в которых устанавливались способы оформления непрямых номинаций, особенно применительно к русскому языку [Уфимцева и др. 1977; Телия 1983], однако подвергали исследованию не только сами номинации, но и номинативные комплексы (состоящие из прилагательного и существительного). В качестве основного показателя гетерогенности было рассмотрено распределение идентифицирующей и характеризующей нагрузки комплекса (т. е. возможности его компонентов продемонстрировать прямой и не прямой статус).

Для анализа из Национального корпуса русского языка были отобраны примеры употребления непрямых номинативных комплексов, где непрямым было существительное, прилагательное или весь комплекс. Были заданы следующие параметры поиска: время публикации текстов не раньше 1950 года, художественные тексты, имя существительное. Из полученных примеров отобраны те, в которых существительному предшествовало прилагательное, при этом либо существительное, либо прилагательное были непрямыми и окказиональными (неустойчивыми). Выборка в итоге составила 146 примеров окказиональных непрямых номинативных комплексов. Полученный корпус был аннотирован по параметрам семантического типа прилагательного (качественного как характеризующего и относительного как идентифицирующего) и его характеризующей или идентифицирующей роли в конструировании образа референта (т. е. когда само прилагательное определялось как не прямое и прямое).

Например, в (2) непрямым компонентом в комплексе *полумертвый сугроб* является качественное не прямое прилагательное.

- (2) Еще всё только просыпается, еще продирает глаза, еще поле покрыто нечесаными лохмами прошлогодней травы, еще в лужах валяются оттаявшие серые лоскутья прошлогодних облаков, еще в темном овраге *полумертвый сугроб* высунул почерневший язык и дышит из последних сил <...> (НКРЯ).

Чтобы проверить, есть ли зависимость между семантическим типом прилагательного в изоляции и когнитивной ролью прилагательного был определен коэффициент корреляции Пирсона, который составил 0,19 (т. е. зависимость отсутствует), что свидетельствует о том, что возможности конструирования образа референта в тексте слабо связаны с семантикой изолированного слова.

Так, в предложении (3) неконвенциональный номинативный комплекс *коктейльным салютом* содержит не прямое существительное и прямое прилагательное. Субстантивный атрибут выполняет идентифицирующую функцию, так как описывает некоторые существенные для распознавания, а не дополнительные признаки, и указывает на референт «алкогольный коктейль». Существительное же является непрямым, играя характеризующую роль.

- (3) Она качнулась и трескуче зевнула. Петя вырвался вперед, он обернул красно-сизое лицо, уже расцветенное *коктейльным салютом*. Я припустил. Мы пошли рядом. – Петя, давай в лес! (НКРЯ).

В то же время субстантивный атрибут может играть и характеризующую роль, выступая в качестве непрямого компонента всего комплекса. Например, в (4) используется номинативный комплекс *хрустальная мечта*, в котором субстантивный атрибут *хрустальная* является характеризующим и непрямым:

- (4) А бабушка отвечала, что ее *хрустальная мечта* – курить трубку (НКРЯ).

Таким образом, целесообразно проводить параметризацию комплексов не только по формально-семантическим языковым параметрам, но и включать большое количество параметров, связанных с презентацией образа референта.

Окулографический анализ первых предъявлений непрямых номинативных комплексов

Для проверки значимости распределения идентифицирующей и характеризующей нагрузки окказионального комплекса и особенностей его чтения и распознавания был проведен окулографический эксперимент. Для подготовки стимулов были использованы четыре примера непрямых номинативных комплексов из полученной выборки НКРЯ, а именно, номинативные комплексы с непрямыми существительными (*широкие пасти, человеческая начинка, осенние краски*) и комплекс с непрямым прилагательным (*игольчатый сок*). В первое предложение был помещен прямой номинативный комплекс для обеспечения «привыкания» испытуемых к заданному формату текста. Для проведения эксперимента использовался айтрекер SMI, эксперимент проходил с участием 15 испытуемых, носителей русского языка возрастом 20–22 года (студенты МГЛУ). Испытуемому предлагалось прочесть стимульный текст на экране компьютера, а затем ответить на вопросы по распознаванию непрямых номинативных комплексов. Была определена продолжительность фиксации и саккад в зонах расположения комплексов, установлена средняя продолжительность фиксации и саккад (см. табл. 1).

Индексы распознавания комплексов по всем испытуемым составили, соответственно, 0.2 (*игольчатый сок*), 0.3 (*широкие пасти*), 0.8 (*человеческая начинка*) и 0.6 (*осенние краски*).

Так, лучше всего были распознаны номинации с непрямыми существительными *человеческая начинка* и *осенние краски*, их индекс распознавания был высоким, а на их чтение понадобилось меньше времени, чем на два других комплекса. Оба этих комплекса отличает идентифицирующая роль прилагательных. Комплекс с атрибутом, играющим характеризующую роль в конструировании комплекса, был распознан значительно хуже, на его чтение понадобилось больше времени.

При этом значимых изменений траектории чтения (т. е. смены режима «снизу-вверх» на «сверху-вниз») отмечено не было, во всех случаях наблюдался линейный характер чтения (см. некоторые траектории чтения на рис. 1).

Таким образом, глазодвигательные движения и индекс распознавания оказались связаны с когнитивной ролью атрибута в конструировании непрямого номинативного комплекса. Введение

Таблица 1

Данные о продолжительности фиксаций и саккад (в мс) участников на проблемных участках при чтении стимульных предложений

Участники	Игольчатый сок		Широкие пасти		Человеческая начинка		Осенние краски	
	Фиксации	Саккады	Фиксации	Саккады	Фиксации	Саккады	Фиксации	Саккады
1	1277	1857	1150	1051	1605	732	1548	437
2	582	2202	365	2160	1070	1804	973	1487
3	99	0	119	3201	119	1690	357	622
4	119	1332	436	1093	298	874	516	495
5	1071	3852	99	357	317	198	0	0
6	2431	497	2765	1106	756	214	0	0
7	911	479	337	257	295	1340	0	594
8	2317	1032	457	258	417	1152	707	863
9	2182	2316	557	217	356	1967	350	522
10	695	2860	487	1420	1102	807	436	373
11	1733	1638	794	476	1230	892	417	556
12	754	1070	1521	690	809	1254	319	495
13	499	352	834	295	536	176	535	415
14	437	793	2239	1881	357	496	683	1183
15	682	1005	992	412	1210	278	647	794
Среднее значение	1053	1419	877	992	699	925	499	589

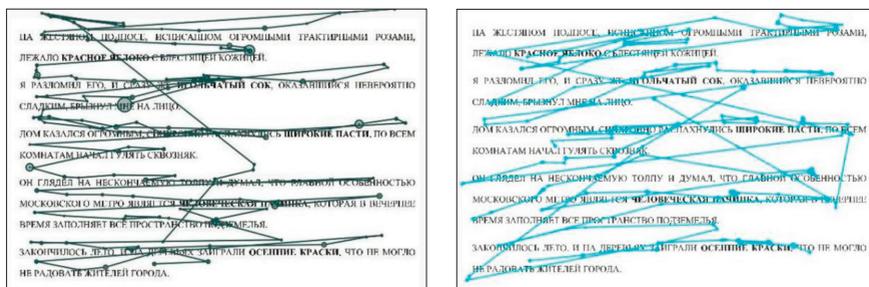

Рис. 1. Примеры траекторий глазодвигательных движений испытуемых

характеризующего атрибута (непрямой атрибут) уменьшает индекс распознавания комплекса и увеличивает продолжительность чтения. Введение идентифицирующего атрибута улучшает распознавание и уменьшает продолжительность чтения комплекса. Поэтому при анализе процессов конвенционализации целесообразно ориентироваться в большей степени именно на параметры конструирования образа (типа токена) как указывающие на изменения в характере стилистической гетерогенности текста.

Параметрический анализ первого и повторного предъявлений комплексов

На данном этапе исследования мы рассмотрим, как меняется оформление комплексов (токенов) и конструирование образов референтов (типов токенов) при первом и повторном использовании комплексов в тексте. Предположительно, повторное и множественное использование непрямого номинативного комплекса снижает его характеризующий эффект и меняет его основную функцию по отношению к референту на идентифицирующую, уменьшая, таким образом, степень стилистической гетерогенности текста. Смена характеризующего содержания образа референта на идентифицирующий связана с дефокусированием референта в тексте, т. е. применительно к нашему материалу анализа, с выведением из фокуса исходно характеризующих его компонентов. При этом дефокусирование будет происходить:

- 1) применительно к токену, что мы будем отслеживать путем анализа языковых маркеров, или параметров дефокусирования;

- 2) применительно к типу токена, для анализа чего мы обратимся к референциальным параметрам и параметрам когнитивного конструирования.

Поиск примеров (непрямых номинативных комплексов, состоящих из препозитивного прилагательного и существительного, используемых в тексте первично и повторно) был осуществлен по современным рассказам отечественных авторов (Ф. Искандер, Ю. Нагибин, В. Морочко, В. Токарева, В. Хотилов, Ю. Коваль, В. Шукшин, В. Катаев) не ранее 1950 года издания объемом 1377 страниц. Это достаточно трудоемкий процесс, что можно проследить по количеству найденных комплексов, повторяющихся в тексте минимум один раз; таких комплексов было обнаружено всего 20.

Из полученной выборки был составлен корпус для аннотирования параметров. В качестве параметров окказионального использования комплекса мы использовали параметры фокусирования, описанные в работе О. К. Ирисхановой [Ирисханова 2014], параметры непрямого наименования [Киосе 2015], а также выделили ряд дополнительных параметров, значения которых демонстрируют вариативность применительно к первому и последующим использованиям номинативных комплексов. Полный перечень параметров аннотирования номинативных комплексов (далее – НК) перечислен в таблице 2. Каждый из параметров получил свой код по типу параметра (например, референциальным параметрам были присвоены коды, начинающиеся с 1, когнитивным – начинающиеся с 2, морфологическим – с 3 и т. д.). Полученные данные были занесены в таблицу Excel для дальнейшего статистического анализа.

Так, в примере (5) непрямой номинативный комплекс *идеалистической шелухи* при первом употреблении получает аннотацию «абстрактный референт», так значением комплекса являются философские рассуждения, при этом тип референта – «единичный». Роль непрямого существительного характеризующая, а атрибут выполняет идентифицирующую роль. Среди других параметров был выделен текстовый параметр «отсылка к прецедентному тексту» (произведения Гегеля), а также «изменение порядка слов».

- (5) Так как я тогда еще не знал, что Гегель для чтения трудный автор, я читал, почти все понимая. Если попадались абзацы с длинными, непонятными словами, я их просто пропускал, потому что и без

**Перечень параметров аннотирования первого и повторного использования
непрямых номинативных комплексов**

Параметры когнитивного конструирования (параметры типа токена)	
<p>Референциальные</p> <ul style="list-style-type: none"> • Наличие эксплицитной экстероцепции • Первое наименование референта • Расширение референции • Референт-человек • Единичный референт • Конкретный референт 	<p>Когнитивные</p> <ul style="list-style-type: none"> • Характеризующий фокус (роль) существительного • Характеризующий фокус (роль) атрибута • Рассогласование
Лингвистические параметры (параметры токена)	
<p>Морфологические</p> <ul style="list-style-type: none"> • Морфологическая мотивированность • Модификация морфологической формы • Смена морфологической категории 	<p>Лексические</p> <ul style="list-style-type: none"> • Качественный атрибут • Активация компонента НК по тексту • Замена атрибутивного компонента НК • Замена именного компонента НК • Использование precedentного имени • Наличие атрибута в препозиции <p>Синтаксические</p> <ul style="list-style-type: none"> • Положение в синтаксической реме • Положение в группе сказуемого • Положение в однокомпонентном предложении • Изменение порядка слов • Наличие интенсификатора • Графическая маркированность НК • Синтаксическая фигура
<p>Текстовые</p> <ul style="list-style-type: none"> • Новое микрособытие • Новая текстовая роль референта НК • Чужая речь • Отсылка к precedentному тексту • Агентивность референта в тексте 	

них было всё понятно. Позже, учась в институте, я узнал, что у Гегеля, кроме рационального зерна, немало *идеалистической шелухи* разбросано по сочинениям. Я подумал, что абзацы, которые я пропускал, скорее всего и содержали *эту шелуху* (Ф. Искандер).

Номинативный комплекс в (6) означает одного из героев рассказа и получает аннотацию «референт-человек». Референт, как и в примере выше, «единичный». Существительное выполняет идентифицирующую функцию, так как семантика длинной шеи уже упоминалась в предыдущем контексте, а прилагательное добавляет новую характеристику. Комплекс находится в синтаксической реме и маркирован графически в пре- и постпозиции (использование тире и многоточия).

- (6) – Пожалейте Авдеенко, он может сломать шею. Авдеенко тупо смотрит на Харлампия Диогеновича, как бы не понимая, а может быть, и в самом деле не понимая, почему он может сломать шею. – Авдеенко думает, что он лебедеь, – поясняет Харлампий Диогенович. – **Черный лебедеь**, – добавляет он через мгновение, намекая на загорелое, угрюмое лицо Авдеенко. – Сахаров, можете продолжать, – говорит Харлампий Диогенович. Сахаров садится. – И вы тоже, – обращается он к Авдеенко, но что-то в голосе его едва заметно сдвинулось. В него влилась точно дозированная порция насмешки. – ...Если, конечно, не сломаете шею... **черный лебедеь!** – твердо заключает он, как бы выражая мужественную надежду, что Александр Авдеенко найдет в себе силы работать самостоятельно (Ф. Искандер).

Анализ активности параметров показал, что при первом употреблении бóльшая часть комплексов действительно демонстрирует ряд параметров, связанных с фокусированием, а при повторном – с дефокусированием. При этом при повторном использовании дефокусирование одних характеристик «восполняется» фокусированием других. В таблицу 3 внесены параметры, значения которых демонстрируют либо значимые различия по первому и второму употреблением комплекса, либо позволяют наметить некоторую тенденцию изменения (или сохранения) значений.

Как мы указали выше, при повторном наименовании референта и повторном использовании комплекса проявляются некоторые параметры дефокусирования (например, перевод некоторых комплексов в синтаксическую тему, снижение количества комплексов в группе

Таблица 3

Параметры со значимыми показателями параметров

Примеры параметров	Первое употребление	Повторное употребление
Наличие эксплицитной экстероцепции	11	7
Расширенная референция	0	3
Положение в синтаксической реме	16	13
Характеризующий фокус атрибута	14	9
Идентифицирующий фокус атрибута	4	11
Характеризующий фокус существительного	14	12
Идентифицирующий фокус существительного	6	8
Рассогласование (ирония)	6	4
Замена атрибутивного компонента НК	0	5
Введение нового атрибутивного компонента НК	0	6
Смена морфологической категории	0	10
Повтор компонента номинативного комплекса по тексту	4	7
Новое микрособытие	0	2
Агентивность референта в тексте	8	3
Положение в синтаксической реме	16	13
Положение в группе сказуемого	13	11
Положение в однокомпонентном предложении	3	1
Графическая маркированность	24	22
Графическая маркированность в препозиции	7	3

сказуемого и в однокомпонентном предложении). С учетом небольшого количества примеров такое синтаксическое дефокусирование в целом выглядит значимым: при 32 показателях синтаксического фокусирования при первом употреблении комплекса наблюдается снижение показателей фокусирования до 25 при повторном употреблении. Также в отношении повторного использования отмечено снижение количества комплексов, выполняющих в тексте агентивную роль. Однако появляются показатели фокусирования на других языковых уровнях и в условиях новых способов конструирования текстового события, а именно, замена атрибутивного компонента комплекса, расширение референции, введение нового микрособытия. При этом большое количество номинативных комплексов маркировано графически (и орфографически) для привлечения внимания читателя как при первом, так и при повторном использовании комплекса, хотя роль графического маркирования в препозиции при повторном использовании комплекса заметно снижается. При повторном употреблении происходят модификации внутри комплекса, например замена, введение нового или удаление прежнего атрибута во многих случаях, смена фокуса атрибута на идентифицирующий, а также морфологические модификации. Можно предположить, что наша первоначальная гипотеза о том, что конвенционализация связана только с дефокусированием токена и типа токена, оказалась неверной. Очевидно, для данного процесса характерно перераспределение фокусов, например дефокусирование синтаксических характеристик и введение новых лексико-морфологических.

Скорректированный вариант гипотезы, однако, нуждается в проверке в условиях увеличения размера выборки примеров, а также в верификации на предмет успешности распознавания первого и повторного употребления комплекса, демонстрирующих те или иные параметры.

Заключение

Снижение стилистической гетерогенности текста может быть связано с конвенционализацией в тексте образных единиц, к которым относятся, прежде всего, непрямые номинации и номинативные комплексы. В работе явление текстовой конвенционализации рассматривается как закрепление самих комплексов за референтом

(токенов) и как закрепление структуры образов референтов (типов токенов). Для анализа процесса конвенционализации предложена процедура, включающая изучение особенностей оформления не-прямых номинативных комплексов и конструирования означиваемых ими образов референтов, а также возможностей их параметрического исследования при первом и повторном предъявлении в тексте. Гипотеза о том, что повторное использование непрямого номинативного комплекса сопровождается дефокусированием его характеристик, подтвердилась лишь частично, в большей степени, в отношении синтаксических параметров и параметров экстероцепции. Обнаружилось, что при повторном использовании появляются новые возможности фокусирования, например в отношении лексических и морфологических параметров, а также некоторых параметров конструирования текстового события. Знание того, как происходит конвенционализация не-прямых комплексов и как этот процесс распознается читателем, помогает объяснить, почему не любое повторное предъявление непрямого комплекса делает его конвенциональным, а сам текст – менее стилистически гетерогенным, а значит, помогает объяснить изменения в когнитивной нагрузке читателя, сталкивающегося с такими разными непрямыми комплексами в процессе чтения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иришханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М. : Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
- Киосе М. И.* Непрямая конвенциональная прямая номинация, или Путь закрепления номинации за референтом в тексте // Вестник ЧелГУ. 2014. № 3 (332). С. 36–39.
- Киосе М. И.* Наименование в тексте: прямое и не прямое. М. : Онтонпринт, 2015. 330 с.
- Национальный корпус русского языка. URL : www.ruscorpora.ru (дата обращения: 15.11.2019).
- Телия В. Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М. : Наука, 1983. 269 с.
- Уфимцева А. А.* [и др.] Лингвистическая сущность и аспекты номинации / А. А. Уфимцева, Э. С. Азнаурова, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия // Языковая номинация. Общие вопросы / [под ред. Б. А. Серебrenникова]. М. : Наука, 1977. С. 7–98.

- Bybee J. L.* Frequency of use and the organization of language. Oxford : Oxford University Press, 2007. 376 p.
- Divjak D., Caldwell-Harris C.L.* Frequency and entrenchment // Handbook of cognitive linguistics / [eds. E. Dąbrowska, D. Divjak]. Berlin : De Gruyter, 2015. P. 53–75.
- Forster K. I.* Visual word recognition: Problems and issues // The mental lexicon. Core perspectives / [eds. G. Jarema, G. Libben]. Amsterdam : Elsevier, 2007. P. 31–53.
- Giora R., Jaffe I., Becker I. & Fein O.* Strongly mitigating a highly positive concept: The case of default sarcastic interpretations // Review of cognitive linguistics. 2018. Vol. 6 (1). P. 19–47.
- Gries S. T., Divjak D.* (eds.) Frequency effects in language learning and processing. Berlin & New York : Mouton de Gruyter, 2012. 243 p.
- Haspelmath M.* On system pressure competing with economic motivation // Competing motivations in grammar and usage / [eds. B. MacWhinney, A. Malchukov, E. Moravcsik]. Oxford : Oxford University Press, 2014. P. 197–208.
- Jurafsky D.* Probabilistic modelling in psycholinguistics: Linguistic comprehension and production // Probabilistic linguistics / [eds. R. Bod, J. Hay, S. Jannedy]. Cambridge : MIT Press, 2003. P. 39–76.
- Langacker R. W.* Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford : Stanford University Press, 1987. 540 p.
- Langacker R. W.* Entrenchment in cognitive grammar // Entrenchment and the psychology of language learning. How we reorganize and adapt linguistic knowledge / [ed. H.-J. Schmid]. Washington DC : Mouton de Gruyter, 2016. P. 39–56.
- Nöth W.* Semiotic aspects of metaphor // The Ubiquity of Metaphor. Metaphor in Language and Thought / [eds. W. Paprotté, R. Dirven]. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1985. P. 1–16.
- Schmid H.-J.* Entrenchment, Salience, and Basic Levels // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford : Oxford University Press, 2007. P. 117–138.
- Schmid H.-J.* Is usage more than usage after all? The case of English *not that* // Linguistics. 2013. Vol. 51. P. 75–116.
- Schmid H.-J.* (ed.) Entrenchment and the psychology of language learning. How we reorganize and adapt linguistic knowledge. Washington DC : Mouton de Gruyter, 2016. 475 p.
- Staub A.* Reading sentences: Syntactic parsing and semantic interpretation // The Oxford handbook of reading / [eds. A. Pollatsek, R. Treiman]. Oxford : Oxford University Press, 2015. P. 202–216.
- Vejdemo S., Hörberg T.* Semantic factors predict the rate of lexical replacement of content words // PLoS One, 2016. Issue 11 (1). URL : www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4731055/ (access date: 11.02.2020).

REFERENCES

- Irishanova O. K.* Igry fokusa v jazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovanija. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. 320 c.
- Kiose M. I.* Neprjamaja konvencional'naja prjamaja nominacija, ili Put' zakrepleni-ja nominacii za referentom v tekste // Vestnik ChelGU. 2014. № 3 (332). S. 36–39.
- Kiose M. I.* Naimenovanie v tekste: prjamoe i neprjamoe. M. : Ontoprint, 2015. 330 s.
- Nacional'nyj korpus russkogo jazyka. URL : www.ruscorpora.ru (data obrashhenija: 15.11.2019).
- Telija V. N.* Tipy jazykovyh znachenij. Svjazannoe znachenie slova v jazyke. M. : Nauka, 1983. 269 s.
- Ufimceva A. A.* [i dr.] Lingvisticheskaja sushhnost' i aspekty nominacii / A. A. Ufimceva, Je. S. Aznaurova, E. S. Kubrjakova, V. N. Telija // Jazykovaja nominacija. Obshhie voprosy / [pod red. B. A. Serebrennikova]. M. : Nauka, 1977. S. 7–98.
- Bybee J. L.* Frequency of use and the organization of language. Oxford : Oxford University Press, 2007. 376 p.
- Divjak D., Caldwell-Harris C.L.* Frequency and entrenchment // Handbook of cognitive linguistics / [eds. E. Dąbrowska, D. Divjak]. Berlin : De Gruyter, 2015. P. 53–75.
- Forster K. I.* Visual word recognition: Problems and issues // The mental lexicon. Core perspectives / [eds. G. Jarema, G. Libben]. Amsterdam : Elsevier, 2007. P. 31–53.
- Giora R., Jaffe I., Becker I. & Fein O.* Strongly mitigating a highly positive concept: The case of default sarcastic interpretations // Review of cognitive linguistics. 2018. Vol. 6 (1). P. 19–47.
- Gries S. T., Divjak D.* (eds.) Frequency effects in language learning and processing. Berlin & New York : Mouton de Gruyter, 2012. 243 p.
- Haspelmath M.* On system pressure competing with economic motivation // Competing motivations in grammar and usage / [eds. B. MacWhinney, A. Malchukov, E. Moravcsik]. Oxford : Oxford University Press, 2014. P. 197–208.
- Jurafsky D.* Probabilistic modelling in psycholinguistics: Linguistic comprehension and production // Probabilistic linguistics / [eds. R. Bod, J. Hay, S. Jannedy]. Cambridge : MIT Press, 2003. P. 39–76.
- Langacker R. W.* Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford : Stanford University Press, 1987. 540 p.
- Langacker R. W.* Entrenchment in cognitive grammar // Entrenchment and the psychology of language learning. How we reorganize and adapt linguistic knowledge / [ed. H.-J. Schmid]. Washington DC : Mouton de Gruyter, 2016. P. 39–56.

- Nöth W.* Semiotic aspects of metaphor // The Ubiquity of Metaphor. Metaphor in Language and Thought / [eds. W. Paprotté, R. Dirven]. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1985. P. 1–16.
- Schmid H.-J.* Entrenchment, Salience, and Basic Levels // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford : Oxford University Press, 2007. P. 117–138.
- Schmid H.-J.* Is usage more than usage after all? The case of English *not that* // Linguistics. 2013. Vol. 51. P. 75–116.
- Schmid H.-J.* (ed.) Entrenchment and the psychology of language learning. How we reorganize and adapt linguistic knowledge. Washington DC : Mouton de Gruyter, 2016. 475 p.
- Staub A.* Reading sentences: Syntactic parsing and semantic interpretation // The Oxford handbook of reading / [eds. A. Pollatsek, R. Treiman]. Oxford : Oxford University Press, 2015. P. 202–216.
- Vejdemo S., Hörberg T.* Semantic factors predict the rate of lexical replacement of content words // PLoS One, 2016. Issue 11 (1). URL : www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4731055/ (access date: 11.02.2020).

УДК 81'42

Е. М. Люльчева

соискатель кафедры лексикологии английского языка
факультета английского языка Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: lyulcheva1978@gmail.com

ФРАЗЕОЛОГИЯ В БРИТАНСКОМ ДЕТЕКТИВНОМ СЕРИАЛЕ: ХАРАКТЕРИЗАЦИЯ СИТУАЦИИ

Настоящая статья посвящена изучению фразеологических единиц (далее – ФЕ), которые используются для характеристики ситуации в британских детективных сериалах. Устанавливаются основные тематические группы ФЕ и выделяются основные концептуальные оппозиции, которые определяют выбор фразеологических единиц при описании сложной / простой ситуации, опасной ситуации, трудной ситуации, непонятной ситуации. Отмечается, что все выделенные концептуальные оппозиции асимметричны. В исследовании используются метод компонентного анализа семантики фразеологизмов на основании изучения их дефиниций, метод контекстуального анализа.

Ключевые слова: английский язык; кинодискурс; полимодальность дискурса; детективный кинодискурс; фразеология; идиоматика; концептуальные основания семантики; концептуальные оппозиции.

E. M. Lyulcheva

PhD Student, Department of English Lexicology, Faculty of the English language,
Moscow State Linguistic University; e-mail: lyulcheva1978@gmail.com

PHRASEOLOGY IN BRITISH DETECTIVE TV SHOWS: DESCRIPTION OF A SITUATION

The article considers phraseological units (PhU) used for describing situations in British detective TV series. The author singles out major lexical sets of PhUs and discusses basic conceptual oppositions that determine the choice of phraseological units to describe a difficult / simple situation, a dangerous situation, a tough situation, an unusual situation. It is pointed out that these conceptual oppositions are non-symmetrical. The method of componential analysis of semantics of phraseological units and the method of contextual analysis are used in the article.

Key words: the English language; film discourse; multimodality of a discourse; a detective film discourse; phraseology; idiomatics; conceptual bases of semantics; conceptual oppositions.

Введение

В настоящее время имеется значительное количество работ, которые посвящены различным аспектам кинодискурса: (см. [Рыжков

2000; Цыбина 2005; Назмутдинова 2008; Сургай 2008; Зарецкая 2010; Лавриненко 2012; Макарова 2012; Зайченко 2013; Колодченко 2013; Барышникова 2015] и др.), однако собственно лингвистические особенности кинодискурса анализируются не так часто. Можно отметить, что преимущественно внимание исследователей направлено на изучение полимодальности дискурса, а также проблем перевода кинодискурса на другие языки.

В частности, в диссертационном исследовании С. С. Зайченко исследованы семиотико-синергетические особенности организации англоязычного художественного кинодискурса исторического жанра. В материал исследования включены следующие художественные кинопроизведения исторического жанра: «Alfred the Great» (1969), «The Lion in Winter» (1968), «Braveheart» (1995), «Henry VIII» (2003), «Elizabeth» (1998), «Cromwell» (1970), «The Young Victoria» (2009), «The Queen» (2006) [Зайченко 2013]. В статье Е. А. Колодиной выявлены общее и различное между понятиями «кинодиалог», «кино-текст» и «кинодискурс», а также определен статус кинодиалога в ряду выделенных понятий. Материалом исследования в работе Е. А. Колодиной являются кинодиалоги из художественных фильмов «Классика» (Республика Корея, 2003 г.) и «In time» (США, 2011 г.) [Колодина 2013]. В свою очередь, И. Н. Лавриненко изучает основные критерии классификации кинодискурса. Материалом исследования в работе И. Н. Лавриненко является диалогическое взаимодействие коммуникантов, которое представлено в современных англоязычных фильмах [Лавриненко 2012]. Также рассматриваются особенности перевода названий англоязычных художественных фильмов [Кочеткова 2011], а также названий художественных и кинематографических произведений [Олюнина 2013].

Хорошо известен факт, что в кинодискурсе, который близок устной разговорной речи, реализуются ФЕ самых разных типов. В частности, в кинодискурсе активно используются такие фразеологизмы, как речевые формулы и клише, которые остаются в настоящее время недостаточно изученными [Люльчева 2017]. Однако фразеологизмы-идиомы также часто появляются в англоязычных фильмах и телевизионных сериалах. Этот аспект англоязычной фразеологии начинает в последнее время привлекать внимание исследователей, правда, в основном, в плане изучения возможностей перевода таких

единиц на другие языки. Так, в работе А. В. Югай на материале текстов американского кинодискурса жанра ситком проанализированы особенности передачи коммуникативно-прагматических функций фразеологического каламбура при переводе текстов кинодискурса с английского языка на русский [Югай 2015].

Настоящая статья ставит своей целью рассмотрение особенностей функционирования идиом в британских детективных сериалах при описании различных аспектов ситуации.

Материалом исследования в нашей работе являются скрипты трех британских детективных сериалов «Чисто английские убийства» («Midsomer Murders»), «Вера» («Vera») и «Инспектор Морс» («Endeavour»).

ФЕ, характеризующие ситуацию (акцентирование сложности / простоты ситуации, указание на необычность ситуации)

В британских детективных сериалах встречается большое количество ФЕ, которые используются для характеристики ситуации.

Прежде всего, следует выделить ФЕ, которые используются для акцентирования сложности ситуации. Это такие единицы, как: *under pressure* («Midsomer Murders»), *to be in the frame* («Midsomer Murders»), *(not) to make sense* («Midsomer Murders», «Vera», «Endeavour»), *to have enough, a lot, etc., on one's plate* («Midsomer Murders», «Vera»), *to come to pass* («Midsomer Murders»), *to go wrong* («Midsomer Murders»), *life for life* («Midsomer Murders»), *to make a mess of smth.* («Midsomer Murders»), *a loose end* («Vera», «Endeavour»), *something to crack one's teeth on* («Vera»), *between a rock and a hard place* («Vera»), *a lot of trouble over an old shoe* («Vera»), *not to come within miles of smth.* («Vera»), *to have the devil's own job doing smth. / to do smth.* («Vera»), *(to be) up to one's (или the) neck (in smth.)* («Endeavour»), *to put pressure on* или *upon smb.* («Endeavour»), *to be a long stretch* («Endeavour»), *things go bad* («Endeavour»), *smoke and mirrors* («Endeavour»), *in a fix* («Endeavour») и др.

Приведем примеры. Рассмотрим ФЕ *have enough, a lot, etc., on one's plate* coll to have enough, a lot, etc., that needs one's attention or for which one is responsible; Also: **with enough, a lot, etc., on one's plate** [Longman Dictionary of English Idioms 1979, с. 257].

В следующих контекстах, взятых из двух разных детективных сериалов, данная ФЕ указывает на то, что человек оказался в ситуации, когда ему было необходимо заниматься одновременно решением нескольких сложных вопросов, что ставило его в затруднительное положение.

I know it irritates Tim but I can't help it.

Every time he goes to the post or shopping or the library I keep thinking is that what he's really doing? Or is he seeing someone? He's got more than enough on his plate coping with you («*Midsomer Murders*», «*N/A – Death of a Hollow Man*», p. 11).

I was relieved when Michael moved out.

I thought he was the reason why Elias had become so anxious.

I'd have been anxious if I'd had to live with a man like Michael Morgan.

<...>

And that even with Morgan gone, I should keep up my level of involvement. But I just had so much on my plate («*Vera*», «*N/A – Silent Voices*», p. 12).

Рассмотрим ФЕ *between a rock and a hard place* if you are between a rock and a hard place, you have to make a difficult decision between two things that are equally unpleasant [Cambridge International Dictionary of Idioms 1998, с. 327].

В сериале «Вера» («*Vera*») фразеологизм *between a rock and a hard place* используется персонажем для того, чтобы подчеркнуть, что он оказался в очень сложной ситуации. Его жена, которой он пытается это объяснить, буквализирует фразеологизм, считая, что все сложности возникли из-за того, что он поддерживал отношения сразу с двумя женщинами:

– Babe, I'm between a rock and a hard place.

– Hm Well, I hope I'm the rock («*Vera*», «*N/A – Sandancers*», p. 1).

Показательна также ФЕ *the devil's own job* *not fml* something that is difficult to do [N] Usu. in the phrases **have the devil's own job** and **be the devil's own job** [Longman Dictionary of English Idioms 1979, с. 80]; *have the devil's own job doing sth/to do sth* *old-fashioned* to spend a long time trying to do something difficult [Cambridge International Dictionary of Idioms 1998, с. 97]:

And Marty had the devil of a job parking last time.

Oh, did he? Yeah, he was double-parked («*Vera*», «*N/A – A Certain Samaritan*», p. 19).

В ряде случаев указание на сложность ситуации сочетается с указанием на причины возникновения сложности, например на некоторое препятствие. Так, например, имеется две ФЕ, зафиксированные в сериале «*Vera*» (*to stand in smb.'s way, to get in the way of smth.*), которые указывают на то, что существует какое-либо препятствие, которое ведет к созданию сложной ситуации. В сериале «*Endeavour*» также выделяются три ФЕ, которые акцентируют сложность ситуации, сопряженную вместе с тем с опасностью этой ситуации: *to touch wood, to hold a pistol / gun to someone's head, you watch how you go*, например:

Don't 'old man' me.

You could've left the table at any time you wanted.

No-one was holding a gun to your head.

I bet you could probably arrange for that too, couldn't you? («*Endeavour*», «*N/A – s03e01*», p. 12).

Вместе с тем в рассмотренных нами сериалах выделяются ФЕ, которые используются для акцентирования простоты ситуации, однако их намного меньше. Это такие единицы, как: *in spirit* («*Midsomer Murders*»), *to have a case* («*Midsomer Murders*»), *to be right up smb.'s street* («*Midsomer Murders*»), *the Matthews brothers written all over it* («*Endeavour*»).

Приведем в качестве примера ФЕ (***right / just***) ***up / down someone's street / alley not fml*** (exactly) within someone's area of knowledge, interest, etc. [Longman Dictionary of English Idioms 1979, с. 320]; ***be (just / right) up sb's street*** if something is right up someone's street, it is exactly the type of thing that they know about or like to do [Cambridge International Dictionary of Idioms 1998, с. 374].

В следующем контексте данный фразеологизм используется для создания эффекта иронии, когда жена Тома Барнаби детектива – главного героя сериала «*Чисто английское убийство*» («*Midsummer Murders*») замечает, что после того сложного дела, которое он только что закончил, следующее расследование (дело о кровосмешении) будет простым и легким:

[*Bell chimes*] JOYCE: I hope you're not going to fall asleep in this. I wouldn't dream of it.

Anyway, after what you've just been through, a study of incest should be right up your street («*Midsomer Murders*», «*N/A – The Killings at Badger's Drift (Pilot)*», p. 25).

Во всех рассмотренных нами британских детективных сериалах выделяются ФЕ относятся следующие единицы: *out of the ordinary* («*Midsomer Murders*», «*Endeavour*»), *out of character* («*Vera*»).

Например, фразеологизм *out of the ordinary* unusual; strange [Longman Dictionary of English Idioms 1979, с. 243]:

Earlier on tonight, when you were backstage, did you see anything out of the ordinary? Someone handling the props who doesn't normally? I was hardly backstage at all («*Midsomer Murders*», «*N/A – Death of a Hollow Man*», p. 9).

At what point did you go backstage? ...

In the interval. To change a light. ...

Did you see anything out of the ordinary? In the wings? No («*Midsomer Murders*», «*N/A – Death of a Hollow Man*», p. 12).

Mr Clissold was a valued customer of long-standing.

He seemed his usual self, did he? Nothing out of the ordinary? No.

Not at all.

It was a perfectly straightforward transaction, the same as always («*Endeavour*», «*N/A – s03e04*», p. 2).

ФЕ, характеризующие ситуацию

(описание опасности при развитии ситуации / описание ситуации, которая представляется безопасной, указание на результат / решение проблемы и на отсутствие результата)

Во всех рассмотренных нами британских детективных сериалах встречаются ФЕ, которые используются для описания опасности при развитии ситуации. Это такие единицы, как: *to lay (или put) a finger on smb.* («*Midsomer Murders*»), *to be a step too far* («*Endeavour*»), *to cross the line* («*Endeavour*»), *there's no way back* («*Endeavour*»), *to play Russian roulette* («*Endeavour*»), *to go far* («*Endeavour*»), *to watch one's*

back («Vera»), *to push one's luck* («Vera»), *to be on one's guard* («Vera»), *to hold the fort* («Endeavour»).

Обратимся к контекстам, в которых функционируют фразеологизмы, относящиеся к данной тематической группе. Рассмотрим ФЕ ***watch your back informal*** to be careful of the people around you, making sure that they do nothing to harm you [Cambridge International Dictionary of Idioms 1998, с. 17];

– Where were you last night? – I was with someone, wasn't I? You stop off at a hotel or a B&B? I was down the front.

Didn't get back till dawn. ...

Kenny, I've got to check something. Watch our back, will you? («Vera», «N/A – Sandancers», p. 14).

Приведенный выше контекст описывает ситуацию, которая становится опасной для подозреваемого – ему нужно остерегаться тех вопросов, которые будут задавать детективы для уточнения обстоятельств.

Показательна ФЕ ***play Russian roulette*** to take big risks, in a way which is very dangerous: Russian roulette is a very dangerous game where players aim a gun containing one bullet at their own heads [Cambridge International Dictionary of Idioms 1998, с. 334]:

So you put profit before customers' lives.

You played Russian roulette and now at least one of them is dead («Endeavour», «N/A – s03e02», p. 7).

ФЕ *to play Russian roulette* очень точно описывает ситуацию, когда владелец бара подавал опасные напитки и в результате, по крайней мере, один из посетителей умер.

В сериалах «Vera» и «Endeavour» также встречаются ФЕ, которые используются для описания ситуации, которая представляется безопасной. Это такие единицы, как: *give the all-clear* («Vera»), *a false alarm* («Endeavour»).

В британских детективных сериалах также встречаются ФЕ, которые используются для указания на результат / решение проблемы: *get it squared away* («Endeavour»), *to make ends meet* («Endeavour»), *to get somewhere* («Endeavour»), или на отсутствие результата (*not*) *to get anywhere* («Midsomer Murders»).

Приведем примеры ФЕ, которые указывают на отсутствие результата в разрешении ситуации и на наличие результата в разрешении ситуации: *get / lead nowhere not fml a.* to fail to make progress; be unsuccessful [Longman Dictionary of English Idioms 1979, с. 236]; *get nowhere etc* achieve little, nothing etc; see no, few, some results for one's efforts **A:** nowhere, !(not) anywhere, somewhere [Oxford Dictionary of English Idioms 1993, с. 219]. *Get nowhere* – be completely beaten. *Russ.:* потерпеть фиаско [Алехина 1980, с. 262–263]:

- I don't see what bearing it has on your case.
- As I said, it's just out of interest.
- That doesn't get us anywhere.
- Oh, I don't know («*Midsomer Murders*», «*N/A – Written in Blood*», p. 13).

наличие результата:

- Did you get anywhere with Marlock? He looks a thorough scoundrel.
- He is, but irresistible to the ladies, it would seem.
- I thought him eminently resistible.
- You're a police officer. You're immune («*Endeavour*», «*N/A – s03e04*», p. 9).

Следует также выделить ФЕ *to have smth to do with*, которая используется для указания на то, что нечто имеет отношение к ситуации, поскольку данная ФЕ является очень частотной. Она представлена многочисленными примерами, которые встречаются во всех рассмотренных нами британских детективных сериалах.

Приведем примеры реализации этой ФЕ: *have / be (nothing, something, little, etc.) to do with P 1* to have (no, some, etc.) connection or relationship with (a person, organization, subject, etc.) [Longman Dictionary of English Idioms 1979, с. 83].

Появление многочисленных контекстов с данной ФЕ в британских детективных сериалах обусловлено, по-видимому, тем, что ее семантика хорошо отражает специфику жанра. Действительно, по ходу развития сюжета детективам, расследующим преступление, приходится изучать самые разные обстоятельства и определять, имеют ли они отношение к преступлению, и насколько они важны для поимки преступника.

Let's take the day Gerald Hadleigh died.

Honoria Lyddiard visits Laura Hutton.

'And she steals a newspaper.

She actually steals it!' ...

'The meeting isn't until 7:30, Honoria! 'She said it was to do with the catering.'

'It was a bit late to worry about the food!' («*Midsomer Murders*», «*N/A – Written in Blood*», p. 11).

We're not sure Morgan's the 'someone' Jenny shouldn't have been seeing.

And look what she wrote – exploitative, manipulative, controlling.

Why have anything to do with him? What's the connection? («*Vera*», «*N/A – Silent Voices*», p. 15).

What were you doing at the fair last night? I saw you there.

I wondered if any of the sideshows might be available for this evening.

Nothing to do with Jeannie Hearne, then? No.

That's twice I've heard that name tonight («*Endeavour*», «*N/A – s03e01*», p. 12).

Заключение

Как показало проведенное исследование, фразеологические единицы, которые используются для характеристики ситуации, встречаются во всех рассмотренных нами британских детективных сериалах. Однако наибольшее их количество зафиксировано в сериале «*Endeavour*» («*Инспектор Морс*»). При этом можно отметить, что фразеологические единицы, которые используются для акцентирования сложности ситуации, представлены наибольшим количеством примеров.

Следует сказать, что все выделенные нами оппозиции асимметричны: указаний на сложность ситуации намного больше, чем указаний на простоту, намного больше примеров описывает опасность ситуации, чем безопасность ситуации, указание на результат и найденное решение преобладает над указанием на отсутствие результата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алехина А. И. Краткий русско-английский и англо-русский фразеологический словарь. Мн. : Изд-во БГУ, 1980. 400 с.

Барышникова С. А. Особенности перевода культурных реалий в кинодискурсе (на материале телевизионного сериала «*Mad Men*») // Материалы

- Международного молодежного научного форума «Ломоносов–2015». М. : МАКС Пресс, 2015. URL: lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/6857/uid81941_report.pdf (дата обращения: 17.05.2016).
- Зайченко С. С.* Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей организации художественного кинодискурса (на материале англоязычных художественных фильмов исторического жанра) : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2013. 206 с.
- Зарецкая А. Н.* Особенности реализации подтекста в кинодискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 21 с.
- Колодина Е. А.* Статус кинодиалога в ряду соположенных понятий: кинодиалог, кинотекст, кинодискурс // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 2 (1). С. 327–333.
- Колодченко Ю. Д.* Транслатологическая специфика ситкомов // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов–2013». М. : МАКС Пресс, 2013. URL: lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/2169/61649_acfe.pdf (дата обращения: 25.05.2016).
- Кочеткова С. А.* Лингвистические особенности перевода заголовков англоязычных художественных фильмов // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов–2011». М. : МАКС Пресс, 2011. URL: lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1243/31277_5072.pdf (дата обращения: 17.05.2016).
- Лавриненко И. Н.* Критерии классификации кинодискурса // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. 2012. № 1003. Вип. 70. С. 41–44.
- Люльчева Е. М.* Типология речевых формул в британском кинодискурсе (на материале английских детективных сериалов) // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 6А. С. 104–118.
- Макарова Т. С.* Ситуативная модель перевода кинотекстов // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов–2012». М. : МАКС Пресс, 2012. URL : https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/1775/43404_61b9.pdf (дата обращения: 17.05.2016).
- Назмутдинова С. С.* Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса) : дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 181 с.
- Олюнина В. М.* Современные подходы к переводу заглавий художественных и кинематографических произведений // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов–2013». М. : МАКС Пресс, 2013. URL : lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/2169/43846_5896.pdf (дата обращения: 17.05.2016).
- Рыжков А. Г.* Вербальное и визуальное в кинодискурсе // Когнитивный подход к изучению языковых явлений: Материалы научной конференции

- молодых ученых факультета романо-германской филологии / Калинин-гр. ун-т. Калининград, 2000. С. 89–95.
- Сургай Ю. В.* Интердискурсивность кинотекста в кросскультурном аспекте : дис. ... канд. филол. наук. Сургут, 2008. 178 с.
- Цыбина Л. В.* Языковые и неязыковые средства актуализации эмоции «гнев» в кинематографическом дискурсе (гендерный аспект) (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2005. 197 с.
- Югай А. В.* Особенности передачи коммуникативно-прагматических функций фразеологического каламбура в англо-русском переводе (на материале американского кинодискурса) // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов – 2015». М. : МАКС Пресс, 2015. URL : lomonosovmsu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/7051/uid74171_report.pdf (дата обращения: 17.05.2016).
- Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge University Press, 1998. 587 p.
- Oxford Dictionary of English Idioms / A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. Oxford University Press, 1993. 685 p.
- Longman Dictionary of English Idioms. Longman Group Limited, 1979. 390 p.

REFERENCES

- Alehina A. I.* Kratkij russko-anglijskij i anglo-russkij frazeologičeskij slovar'. Mn. : Izd-vo BGU, 1980. 400 s.
- Baryshnikova S. A.* Osobennosti perevoda kul'turnyh realij v kinodiskurse (na materiale televizionnogo seriala «Mad Men») // Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «Lomonosov–2015». M. : MAKS Press, 2015. URL : lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/6857/uid81941_report.pdf (data obrashhenija: 17.05.2016).
- Zajchenko S. S.* Semiotiko-sinergetičeskaja interpretacija osobennostej organizacii hudozhestvennogo kinodiskursa (na materiale anglojazыchnyh hudozhestvennyh fil'mov istoričeskogo zhanra) : dis. ... kand. filol. nauk. Cheljabinsk, 2013. 206 s.
- Zareckaja A. N.* Osobennosti realizacii podteksta v kinodiskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Cheljabinsk, 2010. 21 s.
- Kolodina E. A.* Status kinodialoga v rjadu sopolozhennyh ponjatij: kinodialog, kinotekst, kinodiskurs // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2013. № 2(1). S. 327–333.
- Kolodchenko Ju. D.* Translatologičeskaja specifika sitkomov // Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «Lomonosov–2013». M. : MAKS Press, 2013. URL : lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/2169/61649_acfe.pdf (data obrashhenija: 25.05.2016).

- Kochetkova S. A.* Lingvisticheskie osobennosti perevoda zagolovkov anglojazycznych hudozhestvennyh fil'mov // Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «Lomonosov–2011». M. : MAKS Press, 2011. URL: lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1243/31277_5072.pdf (data obrashhenija: 17.05.2016).
- Lavrinenko I. N.* Kriterii klassifikacii kinodiskursa // Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu im. V. N. Karazina. 2012. № 1003. Vip. 70. S. 41–44.
- Ljul'cheva E. M.* Tipologija rechevyh formul v britanskom kinodiskurse (na materiale anglijskih detektivnyh serialov) // Kul'tura i civilizacija. 2017. T. 7. № 6A. S. 104–118.
- Makarova T. S.* Situativnaja model' perevoda kinotekstov // Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «Lomonosov–2012». M.: MAKS Press, 2012. URL : https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/1775/43404_61b9.pdf (data obrashhenija: 17.05.2016).
- Nazmutdinova S. S.* Garmonija kak perevodcheskaja kategorija (na materiale russkogo, anglijskogo, francuzskogo kinodiskursa) : dis. ... kand. filol. nauk. Tjumen', 2008. 181 s.
- Oljunina V. M.* Sovremennye podhody k perevodu zaglavij hudozhestvennyh i kinematograficheskikh proizvedenij // Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «Lomonosov–2013». M. : MAKS Press, 2013. URL: lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/2169/43846_5896.pdf (data obrashhenija: 17.05.2016).
- Ryzhkov A. G.* Verbal'noe i vizual'noe v kinodiskurse // Kognitivnyj podhod k izucheniju jazykovykh javlenij: Materialy nauchnoj konferencii molodyh uchenykh fakul'teta romano-germanskoj filologii / Kaliningr. un-t. Kaliningrad, 2000. S. 89–95.
- Surgaj Ju. V.* Interdiskursivnost' kinoteksta v krosskul'turnom aspekte : dis. ... kand. filol. nauk. Surgut, 2008. 178 s.
- Cybina L. V.* Jazykovye i nejazykovye sredstva aktualizacii jemocii «gnev» v kinematograficheskom diskurse (gendernyj aspekt) (na materiale anglijskogo jazyka) : dis. ... kand. filol. nauk. Saransk, 2005. 197 s.
- Jugaj A. V.* Osobennosti peredachi kommunikativno-pragmaticeskikh funkcij frazeologicheskogo kalambura v anglo-russkom perevode (na materiale amerikanskogo kinodiskursa) // Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «Lomonosov – 2015». M. : MAKS Press, 2015. URL : lomonosovmsu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/7051/uid74171_report.pdf (data obrashhenija: 17.05.2016).
- Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge University Press, 1998. 587 p.
- Oxford Dictionary of English Idioms / A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. Oxford University Press, 1993. 685 p.
- Longman Dictionary of English Idioms. Longman Group Limited, 1979. 390 p.

УДК 81

В. А. Мягкова

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: valentinamiagkova@gmail.com

РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО ЗНАКА В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СМЫСЛОВОЙ ДОМИНАНТЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается проблема перевода культурно специфических единиц в поэтических текстах с позиций психолингвистической теории доминантных смыслов. Автором предпринята попытка установить функции культурных знаков в системе доминантных смыслов оригинального текста, а также определить, какую роль играет воссоздание культурных знаков в адекватной интерпретации читателем текста перевода.

Ключевые слова: перевод; культурно специфическая единица; доминантный смысл; семантический компонент.

V. A. Miagkova

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: valentinamiagkova@gmail.com

THE ROLE OF CULTURAL SIGNS IN REPRESENTING DOMINANT MEANINGS IN POETIC TEXTS

The article looks into the problem of translating culturally specific units in poetic texts applying the psycholinguistic theory of dominant meanings. The author aims to identify the functions of cultural meanings in the system of dominant meanings of the original text, as well as to reveal the importance of rendering cultural signs for the reader's adequate interpretation of the translated text.

Key words: translation; culturally specific unit; dominant meaning; semantic component.

Введение

В современном переводоведении исследователи всё больше внимания уделяют процессам активного взаимодействия носителей различных языков и культур. В этой связи не теряет своей актуальности проблема воссоздания элементов, реализующих культурный потенциал переводимого текста. Одним из подходов к решению данной проблемы является лингвокультурологическая теория перевода. Ее

приверженцы [Евтеев 2014; Кретов, Фененко 2013] рассматривают перевод, главным образом, как акт культурного обмена, в котором адекватное воссоздание средств семантизации культурно значимых явлений представляется ключевым критерием полноты восприятия переводного текста носителями языка перевода.

Однако еще в ранних исследованиях специфики поэтического перевода [Эткинд 1963; Чуковский 2011] описаны случаи, в которых решение переводчика о замене одних реалий другими или их опущении приводило к более полноценному воссозданию эмоционально-прагматического эффекта оригинала. Кроме того, психолингвистические эксперименты показали, во-первых, что культурная специфика знака необязательно предполагает включение смысловых компонентов соответствующей культурно специфичной познавательной модели в процесс формирования доминантного смысла текста [Панарина 2017]. А, во-вторых, восприятие культурных знаков как текстовых элементов не является обязательной причиной актуализации культурно значимых познавательных моделей у реципиентов [там же].

Стоит также отметить ряд работ, рассматривающих проблему деактуализации культурных смыслов как следствие динамики в системах базовых ценностей лингвокультур [Пэй 2019; Яо 2019]. Выводы авторов подтверждают предположение о том, что воссоздание культурно значимых единиц в тексте перевода не всегда является необходимым для адекватной передачи системы личностных смыслов автора оригинального текста.

Таким образом, цель данного исследования – обосновать возможность опущения культурно значимых единиц при переводе на основе анализа психолингвистических механизмов формирования смысловой доминанты.

Данная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) обосновать актуальность методики анализа смысловой доминанты текста для решения проблемы перевода культурно специфических единиц поэтического текста;
- 2) провести анализ оригинального текста, выявить ключевые элементы для реализации системы личностных смыслов автора, определить роль культурно значимых элементов в этой системе;

- 3) проанализировать два текста перевода, рассмотреть, какими способами воссозданы основные составляющие системы доминантного смысла оригинала, а также какие функции выполняют культурно значимые единицы в тексте перевода.

Методы и материал исследования

Авторы рассмотренных выше, а также других работ [Пшенкина 2007; Дубкова 2011] в качестве одной из ключевых методик используют анализ смысловой доминанты текста, что позволяет им решать следующие задачи:

- 1) выявлять и сопоставлять актуальные системы базовых ценностей разных этнических групп [Пэй 2019; Яо 2019];
- 2) рассматривать особенности экспликации безэквивалентной лексики языка оригинал в тексте перевода [Дубкова 2011];
- 3) устанавливать динамику реализации культурного знания в коммуникации представителей лингвокультуры [Панарина 2017];
- 4) определять особенности переводческой деятельности с позиции психолингвистики и оценивать успешность переводческих решений [Пшенкина 2007].

В этой связи мы полагаем, что именно методика психолингвистического анализа и психолингвистические категории имеют интерпретативный потенциал для решения проблемы перевода культурно специфических единиц. Опора на теорию речевой деятельности А. А. Леонтьева [Леонтьев 2010] позволяет определить роль культурно значимых смыслов в структуре доминантного смысла текста оригинала и, как следствие, установить значимость воссоздания данных смыслов в тексте перевода.

Выбор для анализа текстов современных британских поэтов обусловлен необходимостью исследования наиболее актуальных интерпретаций культурных кодов в условиях стремительной трансформации систем ценностей в лингвокультурах.

Ход исследования

Рассмотрим стихотворение Уистана Хью Одена «Edward Lear», в котором культурно-специфические элементы представлены заглавным упоминанием британского поэта и пейзажиста Эдварда Лира, известного автора абсурдистских лимериков, а также текстовыми

отсылками к его биографии и творчеству. В данном случае имя *Лиры* в названии стихотворения способно актуализировать у иностранного читателя набор ассоциаций, необходимый для интерпретации и понимания поэтического текста, поскольку поэзия *Лиры* многим британцам знакома с детства [The Oxford Dictionary of Allusions 2001; Великобритания. Лингвострановедческий словарь 2001]. Несмотря на то, что многие произведения Э. *Лиры* были переведены на русский язык, русскоязычному читателю потребуется большее количество промежуточных интеллектуальных операций, чтобы увидеть образ поэта-абсурдиста.

Оригинальное стихотворение с первой строфы постепенно погружает читателя в атмосферу печали и одиночества, эмоциональное наполнение строфы фиксируется в лексемах *left by his friend, alone, wept to himself, dirty, hated* [Longman Dictionary of Contemporary English URL] (см. табл. 1). Стоит отметить, что сочетание *Terrible Demon* в данном стихотворении актуализирует не только конвенциональные образы (дьявола, некоего жуткого потустороннего существа, мистической опасности и пр. [Cambridge Dictionary URL; The Oxford Dictionary of Allusions 2001]), но и отсылает к факту биографии Эдварда *Лиры*. Как известно, поэт страдал от эпилепсии и в письмах близким друзьям (от большинства знакомых он старался скрыть болезнь) называл свой недуг именно «*Terrible Demon*» [В двух измерениях 2009].

С целью выявления смысловой доминанты стихотворения представим соотношение семантических компонентов лексем в стихотворении – в виде таблиц.

Таблица 1

**Компоненты системы доминантного смысла
в первой строфе оригинального стихотворения**

Лексические элементы	Компоненты значения ¹	Общие семантические компоненты
left + by his friend	‘remained after <i>everyone</i> (a friend) <i>is gone</i> ’	‘одиночество’
alone	‘ <i>no one with you, by yourself</i> ’	

¹ По данным словаря Longman Dictionary of Contemporary English.

Лексические элементы	Компоненты значения	Общие семантические компоненты
wept + to himself	‘cry when you feel <i>very sad</i> ’	интенсивная негативная коннотация + ‘одиночество’
dirty	‘covered in <i>unwanted substance</i> ’	интенсивная негативная коннотация
hated	‘ <i>dislike very much</i> ’	

Во второй строфе настроение тревожного отчуждения усиливается появлением безликого *They*, враждебность которого подчеркивается лексемами *cruel, dogs*, в то время как величина надвигающейся угрозы реализуется в лексемах *legions, many, big*. Слова *upset, tears, Regret* актуализируют настроение лирического героя [Longman Dictionary of Contemporary English URL] (см. табл. 2), который разочаровался в своих живописных произведениях (словосочетание *Germans and boats* отсылает читателя к сюжетам пейзажей Лира).

Таблица 2

**Компоненты системы доминантного смысла
во второй строфе оригинального стихотворения**

Лексические элементы	Компоненты значения ¹	Общий семантический компонент
cruel + dogs	‘making someone suffer or feel unhappy’; ‘ <i>deliberately hurting people or animals</i> ’	‘намеренная жестокость’
Legions	‘ <i>a large number of people</i> ’	‘величина угрозы’
Many	‘ <i>a large number of people or things</i> ’	
Big	‘ <i>of more than average size or amount</i> ’	

¹ По данным словаря Longman Dictionary of Contemporary English.

Лексические элементы	Компоненты значения	Общий семантический компонент
Upset	' <i>unhappy</i> and worried because something unpleasant or <i>disappointing</i> has happened'	'грусть', 'беспокойство', 'разочарование'
Tears	'produced when crying → because you are <i>unhappy</i> or hurt'	
Regret	'to feel sorry about something you have done and <i>wish you had not done it</i> '	

В третьей строфе реализуется образ Лиры в плену абсурдного мира, созданного им самим, в кругу персонифицированных предметов, растений и животных (*Flowers, the table, the tongs, a cat, words*). Концепт беспомощности лирического героя создается пассивными конструкциями *bore off his hat, had him dancing, pushed*, в то время как на безумие окружающей его сцены указывают компонент 'размаха' в семантических структурах лексем *prodigious, madly* [Longman Dictionary of Contemporary English URL]. Упоминание *false nose* можно также считать отсылкой к одному из персонажей Лиры, который использовал накладной светящийся нос, когда отправлялся на ночные поиски своей возлюбленной. Лексические элементы *sing comic songs* и *children swarmed to him* актуализируют ассоциации с шутливой и фантазийной поэзией Э. Лиры.

Таким образом, в тексте стихотворения целый ряд лексических средств актуализируют в ядерных или периферийных семах смысловую доминанту текста – одиночество, творчество, разочарование и безумие, которые, в свою очередь, интегрально формируют доминантный смысл стихотворения. При этом культурно-специфические единицы (*Edward Lear, Demon, landscape-painter, Germans and boats, sing comic songs*) играют значимую роль в интерпретации текста, при этом актуализация конвенциональных метафорических ассоциаций не помешает читателю получить должное эмоционально-эстетическое впечатление. Тем не менее понимание личностных смыслов

автора, во многом зависит от способности воспринимающего атрибутировать те или иные образные структуры к фактам биографии Эдварда Лира или прецедентным текстам, для чего, в свою очередь, необходимы определенные фоновые знания.

Проследим, какими способами компоненты доминантного смысла оригинального стихотворения реализованы в тексте двух его переводов на русский язык, выполненных Ю. Фокиной и Г. Кружковым [В двух измерениях 2009].

Итак, в первой строфе Ю. Фокиной удается выдержать атмосферу оригинала: концепты печали и одиночества реализуются в лексемах *покинутый, плакал, пустынный, холодный, тоска, повесил нос* [Новый словарь русского языка 2000]. Настроение творческого кризиса фиксируется во фразе *неоконченный стих*. Смыслы, репрезентируемые данными элементами, интегрируются в смысловое единство равносильное по эмоциональному эффекту оригинальному стихотворению, кроме того, авторы альманаха «В двух измерениях» приводят в примечаниях информацию о том, что упоминание демона относится к болезни Эдварда Лира, что дает читателю дополнительные возможности успешной интерпретации поэтического текста.

Эмоциональное состояние отчаяния развивается во второй строфе, образ окружающих лирического героя врагов фиксируется в лексемах *жестокие, злые, изорван в клочки* [Новый словарь русского языка 2000]. Так же, как и в оригинальном тексте, данный образ реализуется безличным местоимением *они*, а масштаб угрозы подчеркивается лексемой *сотни* [там же]. Концепт боли и разочарования человека, который пытается найти опору во внешнем мире, реализуется в образных элементах *уплыть в решете, обманули огни и разбились очки*.

Кроме того, конвенционально интерпретируемая метафора *пытался уплыть в решете*, изображающая робкие попытки справиться с реальностью, является также цитатой из стихотворения Э. Лира «В страну Джамблей» в переводе С. Маршака [Лир 2019], прославляющего отчаянных смельчаков, которые готовы отправиться вслед за своей мечтой в загадочную страну, несмотря на то, что никто не верит в успех их путешествия. Знакомый с прецедентным текстом читатель получает возможность полнее воспринять проблему беспомощности мира абсурдных фантазий перед одиночеством и печалью человека в реальном мире.

Тем не менее третья строфа, кажется, имеет настроение, контрастирующее с предыдущими строфами. В лексемах *бесподобный, карамель, плясал* фиксируется радостное настроение, образная трансформация смены шляпы на носовой платок ассоциируется с освобождением от формальностей. Красочно расцвеченная сцена (*зеленый, оранжевый*), как и в тексте оригинального стихотворения, наполняется фантастическим абсурдизмом за счет персонификаций (*тыквы, кабачки, молодая Сова*). Третья строфа также наполнена отсылками к прецедентным текстам Э. Лира: «*Бонги-Бой представил тыквам и кабачкам*» – «Мистер Йонги-Бонги-Бой» в переводе Г. Кружкова, «*плясал с молодой Совой*» – «Кот и сова», «*зеленый платок носовой*» – «В страну Джамблей» в переводе С. Маршака. Однако стоит отметить, что в случае актуализации смысловых полей прецедентных текстов – шуточных и сказочных стихотворений – возникает эмоциональное смещение, доминантный личностный смысл оригинала воспринимается не в полной мере. Сопоставим состав семантических компонентов (см. табл. 3).

Таким образом, в данном случае компенсация оригинальных интертекстуальных связей, с одной стороны, работает на восстановление конвенциональных ассоциаций с творчеством Э. Лира, а с другой – препятствует восприятию личностного смысла автора стихотворения, поскольку, как видно из таблицы, в систему смыслов переводного текста включаются компоненты, не имеющие совпадений с семантическими компонентами системы доминантного смысла оригинала.

С целью сопоставления переводческих стратегий обратимся к переводу Г. Кружкова. Эмоции печали, тревожности и отчужденности в первой строфе фиксируются лексемами *старые обиды, ужасный демон, заплакал навзрыд, печальник*. Концепт противостояния враждебной толпе во второй строфе реализуется лексемами *бесчисленные Они, собачья свора молвы, визг, толкотня*, а также подчеркивается контекстуальной антитезой *один – окружали*. Акцентирование утомленности, которая достигает высшей точки разочарования, реализуется в лексических единицах *слезы, добрести, увы*.

Эмоциональное настроение третьей строфы в данном переводе кажется нам более близким к настроению оригинального текста: абсурд окружающей лирического героя сцены фиксируется в персонификациях (*Цветы, Каминные щипцы, Кошка, Свинья*), а песенка

**Соответствия и расхождения
в системе доминантных смыслов оригинала и перевода**

Лексический элемент текста перевода	Компоненты значения ¹	Общий семантический компонент	Лексический элемент (текст оригинала)
покинутый	‘одинокий, брошенный’; ‘оставленный, забытый другими’.	‘одиночество’	left + by his friend
пустынный	‘безлюдный’, ‘протекающий в одиночестве’		alone
холодный	‘утративший теплоту’	‘грусть’, ‘беспокойство’, ‘разочарование’	wept hated upset tears regret
плакал	‘проливать слезы (от боли, горя и т. п.)’		
тоска	‘душевная тревога в соединении с грустью, унынием’		
повесил нос	‘унывать, огорчаться’		
жестokie	‘крайне суровый и грубый; беспощадный, безжалостный’	‘жестокость’	hated cruel dogs
злые	‘преисполненный чувства вражды, недоброжелательности’		
сотни	‘неопределенно большое количество кого-л., чего-л’	‘величина угрозы’	legions many big
бесподобный	‘не имеющий себе подобия по каким-л. положительным качествам; превосходный’	‘масштаб’, ‘превосходная степень’	prodigious
плясал	‘подпрыгивая, производить движения, напоминающие танец’	‘скорость’, ‘хаотичность движений’	madly

¹ По данным Нового словаря русского языка Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2000].

Лексический элемент текста перевода	Компоненты значения	Общий семантический компонент	Лексический элемент (текст оригинала)
карамель	‘конфеты, обычно с начинкой, приготовленные из сахара и патоки’	‘удовольствие’, ‘яркость’	—
+ зеленый, оранжевый			
Бонги-Бой представил тыквам и кабачкам	плясал с молодой Совой зеленый платок носовой	‘фантазии, путешествия, наивность’	—
плясал с молодой Совой			
зеленый платок носовой			

«Тирьям-тирьям» может восприниматься как на уровне поверхностных ассоциаций как бессмыслица, так и более содержательно – как отсылка к песне на ироничные стихи М. Карема в переводе М. Кудинова «Хромой король»:

Бой барабанный, знамен карнавал –
Король с войны возвратился домой.
Войну проиграл, полноги потерял,
Но рад был до слез, что остался живой»
[Хромой король URL].

Концепт спокойствия и одиночества очень удачно, на наш взгляд, реализуется в лексеме *остров* («То, что стоит особняком среди остальных» [Новый словарь русского языка 2000]) в финальной строке.

Анализ текстов оригинала и перевода показал, что в данном стихотворении культурно специфические единицы не всегда являются ключевыми компонентами системы доминантного смысла стихотворения. Кроме того, попытка Ю. Фокиной «нарастить» сеть интертекстуальных связей и добавить в текст перевода отсылки к прецедентным текстам иноязычной культуры может приводить к ассоциативному смещению и, как следствие, нарушению смыслового единства. Г. Кружков идет по пути воссоздания значимых элементов системы доминантного смысла оригинала, не прибегает к добавлениям, благодаря чему достигает более адекватного перевода.

Заключение

Метод анализа смысловой доминанты текста может быть использован для решения различных лингвистических задач, в том числе для установления системы семантических компонентов, необходимых для воссоздания в тексте перевода. Анализ компонентов смысловой доминанты оригинального и переводного текста позволяет установить степень равнозначности эмоционально-эстетического впечатления от текста, оценить адекватность перевода и, как следствие, определить успешность переводческой стратегии. При этом стремление переводчика добавить культурно специфические элементы в текст перевода с целью усиления интертекстуальных связей со значимыми прецедентными текстами может приводить к внесению в смысловую конструкцию текста семантических компонентов, вступающих в противоречие с компонентами доминантного смысла.

Следует также отметить необходимость подтверждения выводов, сделанных в ходе анализа поэтических текстов данными ассоциативного эксперимента, а также эксперимента на понимание текста с участием носителей языка оригинала и языка перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Великобритания. Литература. Театр. Кино. Музыка. Танец. Балет. Живопись. Скульптура. Архитектура. Дизайн. СМИ : лингвострановедческий словарь / сост. Г. Д. Томахин. М. : АСТ, 2001. 336 с.
- Дубкова О. В.* Особенности экспликации безэквивалентной лексики китайского языка в русском переводе // Языковое бытие человека и этноса: Когнитивный и психолингвистический аспекты : материалы Международной школы-семинара «7-е Березинские чтения». М. : АСОУ; ИНИОН РАН, 2011. Вып. 18 / под ред. В. А. Пищальниковой. С. 82–87.
- Евтеев С. В.* Лингвокультурологическая модель перевода // Вестник Брянского государственного университета: История. Право. Литературоведение. Языкознание. 2014. № 2. С. 330–332.
- Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-образовательный : в 2 т. М. : Русский язык, 2000. 1209 с.
- Кретов А. А., Фененко Н. А.* Лингвистическая теория реалии // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 7–13.
- Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М. : Изд-во КРАСАНД, 2010. 216 с.
- Лир Э.* В страну Джамблей / пер. С. Маршака. М. : Контакт-Культура, 2019. 32 с.

- Панарина Н. С.* Психолингвистическое моделирование механизма реализации прецедентности : дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 257 с.
- Пищёнкина Т. Г.* Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психолингвистический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2007. 330 с.
- Пэй Цайся.* Антиценность «коррупция» / «腐败» как фрагмент языковой картины мира русских и китайцев : дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 236 с.
- Хромой король (текст песни). URL : www.bards.ru/archives/part.php?id=3440 (дата обращения: 11.01.2020).
- Чуковский К. И.* Высокое искусство. СПб. : Авалонъ ; Азбука-Аттикус, 2011. 448 с.
- Эткинд Е. Г.* Поэзия и перевод. Л. : Советский писатель, 1963. 430 с.
- Яо Чжипэн.* Содержательная специфика этического понятия «вежливость» / «礼貌» в русском и китайском языках : дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 249 с.
- Cambridge Dictionary. URL: dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 21.12.2019).
- Longman Dictionary of Contemporary English. URL: www.ldoceonline.com/ (дата обращения: 23.12.2019).
- The Oxford Dictionary of Allusions / ed. by A. Delahunty [et al.]. New York : Oxford University Press, 2001. 453 p.

REFERENCES

- Velikobritanija. Literatura. Teatr. Kino. Muzyka. Tanec. Balet. Zhivopis'. Skul'ptura. Arhitektura. Dizajn. SMI : lingvostranovedcheskij slovar' / sost. G. D. Tomahin. M. : AST, 2001. 336 s.
- Dubkova O. V.* Osobennosti jeksplikacii bezjektivnojj leksiki kitajskogo jazyka v russkom perevode // Jazykovoe bytie cheloveka i jetnosa: Kognitivnyj i psiholingvisticheskiy aspekty : materialy Mezhdunarodnoj shkoly-seminara «7-e Berezinskie chtenija». M. : ASOU; INION RAN, 2011. Vyp. 18 / pod red. V. A. Pishhal'nikovoj. S. 82–87.
- Evtcev S. V.* Lingvokul'turologičeskaja model' perevoda // Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta: Istorija. Pravo. Literaturovedenie. Jazykoznanie. 2014. № 2. S. 330–332.
- Efremova T. F.* Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyj : v 2 t. M. : Russkij jazyk, 2000. 1209 s.
- Kretov A. A., Fenenko N. A.* Lingvističeskaja teorija realii // Vestnik VGU. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija. 2013. № 1. S. 7–13.
- Leont'ev A. A.* Jazyk, rech', rečevaja dejatel'nost'. M. : Izd-vo KRASAND, 2010. 216 s.

- Lir Je.* V stranu Dzhamblej / per. S. Marshaka. M. : Kontakt-Kul'tura, 2019. 32 s.
- Panarina N. S.* Psiholingvističeskoe modelirovanie mehanizma realizacii precedentnosti : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2017. 257 s.
- Pshjonkina T. G.* Verbal'naja posredničeskaja dejatel'nost' perevodchika v mezhkul'turnoj kommunikacii: psiholingvističeskij aspekt : dis. ... d-ra filol. nauk. Barnaul, 2007. 330 s.
- Pfej Cajsja.* Anticennost' «korrupcija» / «腐败» kak fragment jazykovej kartiny mira russkih i kitajcev : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2019. 236 s.
- Хромой король (tekst pesni). URL : www.bards.ru/archives/part.php?id=3440 (data obrashhenija: 11.01.2020).
- Chukovskij K. I.* Vysokoe iskusstvo. SPb. : Avalon# ; Azbuka-Attikus, 2011. 448 s.
- Jetkind E. G.* Pojezija i perevod. L. : Sovetskij pisatel', 1963. 430 s.
- Jao Chzhipjen.* Soderzhatel'naja specifika jetičeskogo ponjatija «vezhlivost'» / «礼貌» v russkom i kitajskom jazykah : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2019. 249 s.
- Cambridge Dictionary. URL : dictionary.cambridge.org/ (data obrashhenija: 21.12.2019).
- Longman Dictionary of Contemporary English. URL : www.ldoceonline.com/ (data obrashhenija: 23.12.2019).
- The Oxford Dictionary of Allusions / ed. by A. Delahunty [et al.]. New York : Oxford University Press, 2001. 453 p.

УДК 81:3 9

Пэй Сянлинь

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: 1374254717@qq.com

ЛИНГВОПРАГМАТИКА В КИТАЕ: КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ РУССКИХ И КИТАЙЦЕВ ГЛАЗАМИ КИТАЙСКИХ ЛИНГВИСТОВ

В работе дается обзор становления лингвопрагматики в Китае. Отмечается роль западных теорий и вместе с тем стремление китайских лингвистов отразить специфику китайской лингвокультуры. Сопоставление коммуникативного поведения носителей русского и китайского языков в рамках таких речевых актов, как извинение, отказ, комплимент и апеллатив, проведенное китайскими лингвистами, демонстрирует различия, которые объясняются коллективистским характером китайской культуры, ее отнесенностью к культурам высококонтекстного типа, влиянием конфуцианства, патриархатными традициями и уважением к старшим.

Ключевые слова: сопоставительная лингвопрагматика; китайская лингвопрагматика; речевой акт; коммуникативное поведение; извинение; отказ; комплимент; апеллатив.

Pei Xianglin

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University;
e-mail: 1374254717@qq.com

LINGUISTIC PRAGMATICS IN CHINA: CHINESE AND RUSSIAN COMMUNICATIVE BEHAVIOUR AS VIEWED BY CHINESE LINGUISTS

The paper offers a review of the development of linguistic pragmatics in China. The author stresses the important role of western theories, and, at the same time, the tendency of Chinese linguists to explore the specificity of Chinese communicative behaviour. A comparative analysis of communicative behaviour of Chinese and Russian speakers held by Chinese linguists with a focus on speech acts of apology, refusal, compliment and appellation has revealed a number

of differences that are rooted in the collectivist nature of Chinese culture, its belonging to wide-context cultures, the influence of Confucianism, patriarchal traditions and respect for the elderly.

Key words: comparative pragmatics; Chinese pragmatics; speech act; communicative behavior; apology; refusal; compliment; appellation.

Введение

Становление лингвопрагматики в Китае проходило под активным воздействием западной науки. Большую роль в повороте китайских исследователей к новой проблематике сыграло знакомство с работами П. Грайса, Дж. Остина, Дж. Серля, Дж. Лича, П. Браун, С. Левинсона, Д. Спербера и Д. Уилсона. Однако ввиду большой разницы между восточной и западной культурами объяснить все особенности коммуникативного поведения представителей китайской лингвокультуры в соответствии с западными теориями лингвопрагматики оказалось невозможным, так что китайские лингвисты начали вносить дополнения и поправки в теорию лингвопрагматики с учетом национальной специфики китайского языка и речевого поведения. Существенной причиной национально-культурной специфики речевого поведения китайцев является ее коллективистский характер, что резко отличает ее от индивидуалистически ориентированной западной, особенно британской лингвокультуры, а также устойчивые традиции конфуцианства.

В работе анализируется процесс развития лингвопрагматики в современном Китае с акцентом на работы китайских лингвистов, посвященные сопоставительному исследованию коммуникативного поведения представителей китайской и русской лингвокультур. Как будет показано далее, особое внимание исследователей привлекли такие речевые акты, как извинение, отказ, комплимент и апеллятив. Однако эти работы носят разрозненный и преимущественно дескриптивный характер. Актуальной задачей на настоящий момент является предпринятое в статье обобщение полученных результатов и анализ причин системных различий в коммуникативном поведении носителей русского и китайского языков с учетом положений лингвокультурологии.

В исследовании рассматриваются следующие вопросы:

- становление и приоритетные направления лингвопрагматики в Китае;

- различия и сходства в реализации речевых актов извинения, отказа, комплимента и апеллятива представителями китайской и русской лингвокультур по данным китайских лингвистов.
- объяснение выявленных различий в свете теории типологии культур.

Развитие лингвопрагматики в Китае

Обычно считается, что первая работа в области лингвопрагматики в Китае – это статья «Прагматика» Ху Чжуан Линя, опубликованная в 1980 г. [陈新仁 2018]. Она была написана через год после публикации перевода части текста выступления Остина «How to Do Things With Words» на китайский язык Сюй Гочжаном (许国璋) в 1979 г. За прошедшие с тех пор 40 лет исследования в области лингвопрагматики в Китае получили широкое распространение.

Первый этап ознаменовался заимствованием теорий западных авторов. Китайские лингвисты цитируют и анализируют теории англоязычных лингвистов, прежде всего П. Грайса, Дж. Остина, Дж. Серл, С. Левинсона, П. Браун, Дж. Лича, Д. Спербера и Д. Уилсона. В 1986 г. Шэнь Цзясюань (沈家煊) перевел весь текст «Лингвопрагматики» С. Левинсона на китайский язык и опубликовал текст перевода.

В Китае первой монографией в области лингвопрагматики явился труд Хэ Цзыжэня «Общий обзор прагматики», который включает пересказ всех частей «Лингвопрагматики» С. Левинсона и комментарий к этой работе [何自然 1988]. В своей монографии Хэ Цзыжэнь ознакомил китайских читателей с происхождением лингвопрагматики и её главными ветвями, и с тех пор перед китайскими исследователями открылась новая область научных исследований. Многие вузы рассматривают эту монографию в качестве учебника для студентов, специальностью которых является языкознание.

В связи с тем, что теория лингвопрагматики сформировалась в англоязычных странах и первое время опиралась преимущественно на материалы английского языка, она не всегда дает убедительное объяснение особенностям коммуникативного поведения носителей китайского языка. Поэтому китайские лингвисты неоднократно вносили поправки и дополнения в теорию лингвопрагматики, развивая на основе западных трудов собственные теории. Так, в 80-е гг. XX в. Цянь Гуаньянь (钱冠连) уточнил, с учетом китайской специфики,

принцип кооперация П. Грайса; Гу Юего (顾曰国) пересмотрел принцип вежливости и понятие лица П. Браун и С. Левинсона, а также внес дополнения в теорию речевых актов.

«Культурная лингвопрагматика китайского языка» Цянь Гуаньяня представляет собой первую монографию по проблемам лингвопрагматики, в которой исследование впервые осуществлено на фоне китайской культуры [钱冠连 1997]. Это одно из высших достижений в китайской лингвопрагматике. Монография «Лингвопрагматика и познание. Исследование теории релевантности» Хэ Цзыжэня и Жэнь Юнпина [何自然, 冉永平 2001] включает результаты исследования теории релевантности.

«Курс лингвопрагматики» Со Чжэньюя [索振羽 2000] стал первым учебником, специально составленным для магистров и аспирантов, специальностью которых является китайский язык [赵颖 2015, с. 20]. В этой работе проблемы речевой коммуникации обсуждаются с учетом реалий китайского языка и культуры. Авторы вносят поправки в некоторые теории, выдвинутые западными учеными, в частности, в дополнение к принципу кооперации выдвинут принцип уместности, в рамках которого сформулированы максимы вежливости, юмора и сдержанности. В этих работах был сделан серьезный шаг вперед для создания теории лингвопрагматики с китайской спецификой.

По мнению Хэ Цзыжэня и Чэнь Синьжэня, в Китае лингвопрагматические исследования сосредоточены на следующих аспектах. Во-первых, это лингвопрагматика, исследующая прагматическую сторону языковых единиц. Во-вторых, развивается когнитивная лингвопрагматика, исследующая психологическое осознание фактов языка и речевой деятельности. В-третьих, исследования ведутся в области социопрагматики, исследующей язык, общество и культуру в их взаимодействии. Далее, авторы выделяют направления лингвопрагматики, занимающиеся изучением того, как лингвопрагматические навыки усваиваются детьми (developmental pragmatics), а также учащимися, изучающими иностранный язык (interlanguage pragmatics). Еще одним направлением является межкультурная (контрастивная, кросс-культурная) лингвопрагматика, сопоставляющая речевое поведение представителей различных лингвокультур [何自然, 陈新仁 2002].

Межкультурная прагматика в Китае в последние годы быстро развивается. Ее зарождение связывают со статьей «Прагматические

ошибки китайских студентов в коммуникации на английском языке» Хэ Цзыжяня и Янь Чжуана [何自然, 阎庄 1986]. В 1995 г. в Харбинском технологическом университете прошел первый Международный научный симпозиум по межкультурной коммуникации в Китае, и в то же время было образовано Китайское научное общество по межкультурной коммуникации. Актуальным направлением межкультурных исследований является сравнение языка и культуры национальных меньшинств Китая и национальности хань.

Русское и китайское коммуникативное поведение глазами китайских лингвистов

По мнению китайского русиста Чжан Хуэйсяня, перспективным направлением исследований является сопоставительное изучение китайского и русского речевого поведения [张会森 2010]. Хотя исследования в этом направлении начались позже, чем сравнение китайской и западной лингвокультур, в этой области уже достигнуты определенные успехи.

Сначала большинство работ по изучению русского языка в Китае было сосредоточено на различных аспектах синтаксиса, морфологии, семантики, стилистики, однако постепенно сопоставительные исследования обращаются к проблемам лингвопрагматики. Особое значение имеют монографии «Тенденция развития и исследование русского языка в конце XX в.: 1975–1995 гг.» [杜桂枝 2000], «Исследование некоторых вопросов прагматики и семантики в современном русском языке» [隋然 2002], «Исследование речевых актов побуждения в русском языке» [孙淑芳 2001]. Кроме того, в некоторых вузах начали принимать магистров, специальностью которых является прагматика русского языка.

В настоящей статье предлагается обзор работ китайских авторов, сравнивающих реализацию конкретных речевых актов представителями русской и китайской лингвокультур. В работе предпринимается попытка интерпретации полученных китайскими лингвистами результатов в свете теории типологии культур с учетом культурных традиций и социальной организации китайского общества.

Речевой акт извинения

Сходство в реализации речевого акта «извинение» в исследуемых лингвокультурах, по данным китайских исследователей, заключается

в следующем: и в русской, и в китайской лингвокультурах женщины чаще, чем мужчины, прибегают к извинениям, а также формулируют извинения более вежливо, что усиливает иллокутивную силу этого речевого акта [陈春红, 周民权 2014].

Причину этих гендерных различий усматривают в том, что и в Китае, и в России в силу традиционного патриархатного характера межгендерных отношений общество рассчитывает на то, что женщины должны быть вежливыми, скромными, уступчивыми. Для женщин характерна большая ориентация на собеседника и стремление к гармонизации межличностных отношений и, соответственно, стремление использовать различные стратегии вежливости. Женщины (особенно получившие высшее образование) в большей мере, чем мужчины, рассматривают извинение в качестве способа, способного в случае межличностного конфликта эффективно гармонизировать коммуникацию.

Однако наряду с этим в русской и китайской культурах существуют социокультурные различия в понимании относительной важности пола и возраста. Для русских гендерный фактор нередко оказывается важнее возрастного, и мужчины считают своим долгом проявлять по отношению к женщинам галантность. В Китае, напротив, важнейшим фактором, определяющим уважение к собеседнику, является возраст. Традиция уважения к старшим очень прочно вошла в китайскую культуру, что объясняется влиянием конфуцианства на китайский менталитет и развитие китайской цивилизации, поэтому перед старшими извиняются чаще и делают это вежливее.

Между китайцами и россиянами также существует разница в понимании относительной важности гендера и социального статуса. В России нередко бывает случаи, когда мужчины-руководители извиняются перед женщинами-подчиненными, а также случаи, когда женщины-руководители извиняются перед мужчинами-подчиненными. В Китае такие случаи очень редки, поскольку в Китае фактор власти и социального статуса важнее гендерного фактора, поэтому обычно человек с низким социальным статусом извиняется перед человеком с высоким социальным статусом, при этом неважно, кто это – мужчина или женщина [陈春红, 周民权 2014].

В этом, на наш взгляд, также проявляется влияние конфуцианства, подчеркивавшего разумность четкой социальной иерархической организации общества.

Речевой акт отказа

Гендерный фактор, по мнению китайских исследователей, играет значительную роль и в способах выражения отказа в обеих лингвокультурах. Мужчины чаще выражают отказ в более резкой форме, в то время как женщины, уделяя повышенное внимание сохранению лица других, обычно употребляют более мягкие формы выражения отказа.

Различие в выражении отказа в русском и китайском языках объясняется тем, что китайская культура относится к культурам коллективистского типа, и китайцы уделяют большое внимание тому, что в лингвопрагматике называется позитивным лицом собеседника. Так, под влиянием конфуцианской культуры китайцы предпочитают употреблять косвенный отказ, чтобы в максимальной степени сохранять лицо других. Когда китайцы отказывают другим, они обычно скромно замечают, что их способность совершить то, о чем их просят, ограничена, как бы принижая себя. В современной китайской культуре также существует так называемый ложный отказ, когда говорящий осуществляет речевой акт отказа лишь формально, например, отказываясь от угощения, приглашения или подарка, которые он на самом деле предполагает принять. Напротив, для россиян такой условный отказ нехарактерен. Когда россияне отказывают другим, они исходят из реальных условий, не пытаясь продемонстрировать свою скромность; само понятие «ложный отказ» им не вполне понятно [刘星, 周民权 2016].

На наш взгляд, это различие в коммуникативном поведении можно связать с тем, что китайская культура, по Э. Холлу, в еще большей степени, чем русская, проявляет характеристики культур высококонтекстного типа, где часть содержания не выражается вербально, а становится доступной коммуникантам из общего контекста ситуации.

Апеллятивы

Анализируя обращения к собеседнику в русском и китайском языках, Чэнь Чуньхун и Чжоу Миньцюань выделяют следующие различия. Во-первых, в китайском языке в начале обращения принято ставить иероглиф «老», что означает «старый» (老 + фамилия или фамилия + 老). Это самое популярное в Китае обращение, оно употребляется не только по отношению к пожилым, но и молодым людям, супругам, друзьям и т. д. Для русских слово «старый» при обращении

является, напротив, табуированным, особенно при обращении к пожилым женщинам. Данное различие обусловлено тем, что в китайской культуре иероглиф «старый» (老) имеет не только значение «старый по возрасту», но и значение «уважение». Уважение к старшим является одной из китайских традиционных добродетелей.

Во вторых, в Китае в официальной обстановке распространена формула «фамилия + должность», которая не используется в России. Популярность китайской формулы «фамилия + должность» связана с тем, что в истории Китая официальный чин рассматривался в качестве главного критерия ценности человека, и это сословное мышление сохранилось в подсознании китайцев.

В-третьих, обращаясь к учителям, китайцы часто употребляют апеллятив «учитель», что нехарактерно для русского речевого поведения. Более того, из чувства уважения китайцы иногда обращаются к тем, кто не работают преподавателями, используя апеллятив «учитель», что подчеркивает высокий статус учителя в китайской культуре [周民权 2013].

Цзяо Хуэй продемонстрировал, что по сравнению с русским языком употребление ласкового обращения в китайском языке более ограничено. Китайцы придают большое значение семье и демонстрируют различное отношение к своим и чужим, молодым и старым. Соответственно, в межличностной коммуникации китайцы разделяют собеседников на тех, кто находится «вне круга общения» и «внутри круга общения», а последние будут разделены на «свой» и «чужой». Они проявляют сильные чувства к «своим» и равнодушны к людям, не имеющим кровных связей с ними, и людям, с которыми давно не общались. В результате китайцы используют ласковое обращение только по отношению к своим [焦辉 2014].

Речевой акт комплимента

Сравнение речевого акта «комплимент» в русской и китайской лингвокультурах, проведенное китайскими лингвистами, обнаруживает различия в том, в какой ситуации делаются комплименты, а также в реакции на комплимент. Отмечается, что, во-первых, в общении китайцы предпочитают высказывать одобрение другим и принижать себя, демонстрируя свою скромность, в то время как русской лингвокультуре принято не только хвалить других, но и отдавать должное своим заслугам.

Во-вторых, в повседневной коммуникации на русском языке в ответ на комплимент надо сказать «спасибо». Для китайцев более характерно отрицание комплиментов со стороны других. В-третьих, россияне часто делают комплименты тем, кто имеет с ними близкие отношения. Китайцы, напротив, чаще делают комплименты тем, кто не имеет с ними близких отношений; делать комплименты близким не принято, чтобы не отдаляться друг от друга. С точки зрения возраста и социального статуса, китайцы часто делают комплименты старшим или людям с относительно высоким социальным статусом [周民权 2013].

На наш взгляд, причина данных различий заключается в том, что Китай остается обществом, где сохраняется иерархический социальный порядок, китайцы проводят четкое различие между близким и дальним окружением и высоко ценят власть. В коллективистской культуре Китая главным ориентиром человека являются коллектив и окружающие. В русской культуре, напротив, ценностью обладает не только коллектив, но и индивид.

Заключение

Итак, за 40 лет своего существования китайская лингвопрагматика прошла путь от усвоения концепций западных лингвистов до анализа национально-культурной специфики коммуникативного поведения представителей китайской лингвокультуры. Свой вклад в разработку этой проблематики внесли китайские русисты, занимающиеся сопоставлением речевых актов носителей русского и китайского языков. Как показал наш анализ, особенности коммуникативного поведения носителей китайского языка объясняются такими факторами, как коллективистский характер китайской культуры, ее отнесенность к культурам высококонтекстного типа, влияние конфуцианства с характерным для него представлением о строгой упорядоченности отношений между вышестоящими и нижестоящими членами общества; свою роль играют такие социокультурные факторы, как патриархатный характер китайского общества и уважение к старшим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 陈新仁. 试论中国语用学学科话语体系的建构 // 外语教学. 2018. № 5. S. 12–16 = Чэнь Синьжэнь. О создании системы научного выражения в китайской лингвопрагматике // Обучение иностранным языкам. 2018. № 5. С. 12–16.

- 钱冠连. 汉语文化语用学. 北京: 清华大学出版社, 1997. 361 с. = *Цянь Гуань-лянь*. Культурная лингвопрагматика китайского языка. Пекин : Изд-во Цинхуаского университета, 1997. 361 с.
- 陈春红, 周民权. 俄汉道歉言语行为的社会性别语用对比研究 // 中国俄语教学. 2014. № 2. S. 34–38 = *Чэнь Чуньхун, Чжоу Миньцюань*. Исследование сопоставительной лингвопрагматики: влияние гендерного фактора на русский и китайский речевые акты извинения // Русский язык в Китае. 2014. № 2. С. 34–38.
- 焦辉. 跨文化交际中俄汉爱称的比较 // 重庆第二师范学院学报. 2014. № 5. S. 81–83 = *Цзяо Хуэй*. Сравнение ласкового обращения в русском и китайском языках // Вестник второго педагогического института в городе Чжунцин. 2014. № 5. С. 81–83.
- 杜桂枝. 20世纪后期的俄语学研究及发展趋势: 1975–1995. 北京: 首都师范大学出版社, 2000 = *Ду Гуйчжи*. Тенденция развития и исследование русского языка в конце XX в.: 1975–1995 гг. Пекин : Изд-во Столичного педагогического университета, 2000.
- 顾曰国. 礼貌、语用与文化 // 外语教学与研究. 1992. № 4. S. 10–17 = *Гу Юего*. Вежливость, прагматика и культура // Преподавание и исследование иностранных языков. 1992. № 4. С. 10–17.
- 何自然, 阎庄. 中国学生在英语交际中的语用失误 // 外语教学与研究. 1986. № 3. S. 52–57 = *Хэ Цзыжань, Янь Чжуан*. Прагматические ошибки китайских студентов в коммуникации на английском языке // Преподавание и исследование иностранных языков. 1986. № 3. С. 52–57.
- 何自然. 语言学概论. 长沙: 湖南教育出版社, 1988. 50 с. = *Хэ Цзыжань*. Общий обзор прагматики. Чанша : Хунаньское изд-во образования, 1988. 50 с.
- 何自然, 冉永平. 语用与认知-关联理论研究. 北京: 外语教学与研究出版社, 2001. 269 с. = *Хэ Цзыжань, Рань Юнпин*. Лингвопрагматика и познание-исследование теории релевантности. Пекин : Изд-во преподавания и исследования иностранных языков, 2001. 269 с.
- 何自然, 陈新仁. 当代语用学. 北京: 外语教学与研究出版社, 2002. 285 с. = *Хэ Цзыжань, Чэнь Синьжэнь*. Современная прагматика. Пекин : Изд-во преподавания и исследования иностранных языков, 2002. 285 с.
- 刘星, 周民权. 俄汉拒绝言语行为的语用对比研究 // 中国俄语教学. 2016. № 2. S. 32–37 = *Лю Син, Чжоу Миньцюань*. Исследование сопоставительной лингвопрагматики: русский и китайский речевые акты отказа // Преподавание русского языка в Китае. 2016. № 2. С. 32–37.
- 索振羽. 语用学教程. 北京: 北京大学出版社, 2000. 223 с. = *Со Чжэньюй*. Курс лингвопрагматики. Пекин : Изд-во Пекинского университета, 2000. 223 с.
- 隋然. 现代俄语语义及语用若干问题研究. 北京: 首都师范大学出版社, 2002. 231 с. = *Суй Жань*. Исследование некоторых вопросов прагматики

- и семантики в современном русском языке. Пекин : Изд-во Столичного педагогического университета, 2002. 231 с.
- 孙淑芳. 俄语祈使言语行为研究. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2001 = *Сунь Шуфан*. Исследование речевых актов побуждения в русском языке. Харбин : Народное изд-во провинции Хэйлуцзян, 2001.
- 赵颖. 新编语用学概论. 北京: 中国商务出版社. 2015. 257 s. = *Чжао Ин*. Новый учебник прагматики. Пекин : Торговое изд-во Китая, 2015. 257 с.
- 张会森. 语用•语用学•对比语用学 // 外语研究. 2010. № 5. С. 42–46 = *Чжан Хуэйсэнь*. Прагматика. Лингвопрагматика. Сопоставительная прагматика // Исследование иностранных языков. 2010. № 5. С. 42–46.
- 周民权. 汉俄称呼言语行为的语用对比分析 // 中国俄语教学. 2013. № 4. С. 43–47 = *Чжоу Миньцюань*. Исследование сопоставительной лингвопрагматики: русский и китайский речевые акты обращения // Преподавание русского языка в Китае. 2013. № 4. С. 43–47.
- 周民权. 俄汉恭维语的语用对比研究 // 浙江外国语学院学报. 2013. № 1. С. 11–19 = *Чжоу Миньцюань*. Исследование сопоставительной лингвопрагматики: русский и китайский речевые акты комплиментов // Вестник Чжэцзянского университета иностранных языков. 2013. № 1. С. 11–19.

REFERENCES

- 陈新仁. 试论中国语用学学科话语体系的建构 // 外语教学. 2018. № 5. С. 12–16 = *Чжен 'Син' зжен*. О создании системы научного выражения в китайской лингвопрагматике // Обучение иностранным языкам. 2018. № 5. С. 12–16.
- 钱冠连. 汉语文化语用学. 北京: 清华大学出版社, 1997. 361 s. = *Чжан Гуан'лян*. Kul'turnaja lingvopragmatika kitajskogo jazyka. Pekin : Izd-vo Cinhuaskogo universiteta, 1997. 361 s.
- 陈春红, 周民权. 俄汉道歉言语行为的社会性别语用对比研究 // 中国俄语教学. 2014. № 2. С. 34–38 = *Чжен 'Чун' хун, Чжэу Мин'цжуан*. Issledovanie sopostavitel'noj lingvopragmatiki: vlijanie gendernogo faktora na russkij i kitajskij rechevyje акты izvinenija // Russkij jazyk v Kitae. 2014. № 2. С. 34–38.
- 焦辉. 跨文化交际中俄汉爱称的比较 // 重庆第二师范学院学报. 2014. № 5. С. 81–83 = *Цзяо Хуэй*. Sravnenie laskovogo obrashhenija v russkom i kitajskom jazykah // Vestnik vtorogo pedagogicheskogo instituta v gorode Chzhuncin. 2014. № 5. С. 81–83.
- 杜桂枝. 20世纪后期的俄语学研究及发展趋势: 1975–1995. 北京: 首都师范大学出版社, 2000 = *Ду Гуйчжи*. Tendencija razvitija i issledovanie russkogo jazyka v konce ХХ в.: 1975–1995 gg. Pekin : Izd-vo Stolichnogo pedagogicheskogo universiteta, 2000.
- 顾曰国. 礼貌、语用与文化 // 外语教学与研究. 1992. № 4. С. 10–17 = *Гу Юэгуо*. Vezhlivost', pragmatika i kul'tura // Prepodavanie i issledovanie inostrannyh jazykov. 1992. № 4. С. 10–17.

- 何自然, 阎庄. 中国学生在英语交际中的语用失误 // 外语教学与研究. 1986. № 3. S. 52–57 = *Hje Czyzhan', Jan' Chzhuan*. Pragmaticzeskie oshibki kitajskih studentov v kommunikacii na anglijskom jazyke // Prepodavanie i issledovanie inostrannyh jazykov. 1986. № 3. S. 52–57.
- 何自然. 语言学概论. 长沙: 湖南教育出版社, 1988. 50 s. = *Hje Czyzhan'*. Obschij obzor pragmatiki. Chansha: Hunan'skoe izd-vo obrazovanija, 1988. 50 s.
- 何自然, 冉永平. 语用与认知-关联理论研究. 北京: 外语教学与研究出版社, 2001. 269 s. = *Hje Czyzhan', Zhan' Junpin*. Lingvopragmatika i poznanie-issledovanie teorii relevantnosti. Pekin: Izd-vo prepodavanija i issledovanija inostrannyh jazykov, 2001. 269 s.
- 何自然, 陈新仁. 当代语用学. 北京: 外语教学与研究出版社, 2002. 285 s. = *Hje Czyzhan', Chjen' Sin'zhjen'*. Sovremennaja pragmatika. Pekin: Izd-vo prepodavanija i issledovanija inostrannyh jazykov, 2002. 285 s.
- 刘星, 周民权. 俄汉拒绝言语行为的语用对比研究 // 中国俄语教学. 2016. № 2. S. 32–37 = *Lju Sin, Chzhou Min'cjuan'*. Issledovanie sopostavitel'noj lingvopragmatiki: russkij i kitajskij rechevye akty otkaza // Prepodavanie russkogo jazyka v Kitae. 2016. № 2. S. 32–37.
- 索振羽. 语用学教程. 北京: 北京大学出版社, 2000. 223 s. = *So Chzhjen'juj*. Kurs lingvopragmatiki. Pekin: Izd-vo Pekinskogo universiteta, 2000. 223 s.
- 隋然. 现代俄语语义及语用若干问题研究. 北京: 首都师范大学出版社, 2002. 231 s. = *Suj Zhan'*. Issledovanie nekotoryh voprosov pragmatiki i semantiki v sovremennom russkom jazyke. Pekin: Izd-vo Stolichnogo pedagogicheskogo universiteta, 2002. 231 s.
- 孙淑芳. 俄语祈使言语行为研究. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2001 = *Sun' Shufan*. Issledovanie rechevych aktov pobuzhdenija v russkom jazyke. Harbin: Narodnoe izd-vo provincii Hjejlunczjan, 2001.
- 赵颖. 新编语用学概论. 北京: 中国商务出版社. 2015. 257 s. = *Chzhao In*. Novyj uchebnik pragmatiki. Pekin: Torgovoe izd-vo Kitaja, 2015. 257 s.
- 张会森. 语用·语用学·对比语用学 // 外语研究. 2010. № 5. S. 42–46 = *Chzhan Hujejsjen'*. Pragmatika. Lingvopragmatika. Sopostavitel'naja pragmatika // Issledovanie inostrannyh jazykov. 2010. № 5. S. 42–46.
- 周民权. 汉俄称呼言语行为的语用对比分析 // 中国俄语教学. 2013. № 4. S. 43–47 = *Chzhou Min'cjuan'*. Issledovanie sopostavitel'noj lingvopragmatiki: russkij i kitajskij rechevye akty obrashhenija // Prepodavanie russkogo jazyka v Kitae. 2013. № 4. S. 43–47.
- 周民权. 俄汉恭维语的语用对比研究 // 浙江外国语学院学报. 2013. № 1. S. 11–19 = *Chzhou Min'cjuan'*. Issledovanie sopostavitel'noj lingvopragmatiki: russkij i kitajskij rechevye akty komplimentov // Vestnik Chzhje-czjanskogo universiteta inostrannyh jazykov. 2013. № 1. S. 11–19.

УДК 81-119

Фэн Юэ

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: 864427560@qq.com

СПЕЦИФИКА КОРПУСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В работе рассмотрены ранние этапы создания корпуса китайского языка и его сегодняшнее состояние. Первые попытки создания корпуса ориентируются на определение частотности иероглифа в целях оптимизации преподавания китайского языка. В настоящее время функционируют такие масштабные корпуса китайского языка, как корпус общего современного китайского языка, корпус CCL, BCC и корпус Синика. Каждый корпус имеет собственную специфику и предоставляет поддержку исследования и преподавания китайского языка.

Ключевые слова: корпусное исследование; корпус; китайский язык; CCL; BCC; частотность иероглифа.

Feng Yue

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: 864427560@qq.com

SPECIFICITY OF CORPUS STUDIES IN CONTEMPORARY CHINESE LINGUISTICS

The paper describes the early stages of creating the Chinese language corpus and its current state. The first attempts to create a corpus were based on the frequency of the character and were made with a view to optimizing the teaching of Chinese. Currently, there are four large-scale Chinese language corpora, such as the General modern Chinese language corpus, CCL, BCC, and the Sinica corpus. Each is quite specific, however all four are used for the purpose of teaching and learning the Chinese language.

Key words: corpus study; corpus; Chinese language; CCL; BCC; frequency of characters.

Введение

В современном представлении под корпусом понимается коллекция текстов, созданных в естественной речевой среде и отобранных для того, чтобы охарактеризовать состояние или вариацию языка [Sinclair 1991]. Сегодня корпус широко использован в разных сферах лингвистики и других науках.

Основы корпусных исследований в Китае были заложены в 1920-е гг. С конца 1970-х гг. в Китае появились машиночитаемые корпуса. Сегодня существуют и развиваются несколько масштабных корпусов китайского языка. В данной работе рассматриваются первые попытки китайских ученых в создании национального корпуса и наиболее существенные корпуса в Китае.

Основными источниками данной работы являются Chinese Corpus online, корпус CCL, BCC и корпус Синика. В ней также использованы современные публикации китайских ученых по проблемам корпусной лингвистике.

В качестве методов исследования используются концептуальный, контекстуально-интерпретативный методы и сопоставительный анализ.

Цель работы состоит в том, чтобы посредством раскрытия ранних этапов создания корпуса китайского языка и его современного состояния выявить специфику корпусных исследований в Китае.

Ранние этапы создания корпусов китайского языка

В Китае создание корпусов китайского языка берет свое начало в 1920-х гг. В то время некоторые ученые изучали частотность употребления иероглифов при помощи статистических методов, чтобы в итоге составить список базовых иероглифов китайского языка. Объем таких корпусов сначала был крайне невелик. Однако эти первые попытки заложили основу корпусных исследований в Китае и стали в известном смысле прототипами современных корпусов китайского языка [冯志伟 2002, с. 129].

В 1925 г. китайский педагог Чэнь Хэцинь (陈鹤琴 1892–1982) на базе статистических данных языкового материала составил «Список прикладных иероглифов Байхуа (современный литературный китайский язык. – Прим. Ф. Ю.)» (《语体文应用字汇》) в лингводидактических целях. Результаты данного исследования были опубликованы коммерческим издательством (商务印书馆) в 1928 г. и представляли собой в итоге 4261 базовых иероглифов на основе выборки из более чем 550 тыс. иероглифов. Источники этой выборки представлены в таблице 1 [陈鹤琴 2014, с. 96–99].

В конце книги была размещена Таблица соответствия иероглифов и их частотности. Знаменитый педагог Тао Синчжи (陶行知 1891–1946) в предисловии к данной работе написал: «Это исследование послужит

Таблица 1

Источники «Списка прикладных иероглифов Байхуа» 1928 г.

Типы	Количество иероглифов
Детская литература	127 293
Газеты	153 334
Женские журналы	90 142
Литература для внеклассного чтения	51 807
Древние и современные романы	71 267
Разное	60 625
Итог	554 478

основанием для составления школьного учебника и внесет большой вклад в просвещение нашей страны» [冯志伟 2002, с. 130]. В таком понимании «Список прикладных иероглифов Байхуа» Чэнь Хэциня представлял собой первый труд по статистическому подсчету частотности употребления иероглифов современного китайского языка и закладывал основы для дальнейших корпусных исследований в Китае.

С 1979 г. в Китае начали создавать машиночитаемые корпуса китайского языка. В частности, речь шла о четырех наиболее существенных разработках:

- 1) «Корпусе современной литературы китайского языка» (1979 г.) объёмом в 5,27 млн иероглифов, разработчик – Уханьский университет;
- 2) «Корпусе современного китайского языка» (1983 г.) – 20 млн иероглифов, Пекинский университет авиации и космонавтики;
- 3) «Корпусе школьных учебников по филологии» (1983 г.) – 1,068 млн иероглифов, Пекинский педагогический университет;
- 4) «Корпусе частотности слов современного китайского языка» (1983 г.) – 1,82 млн иероглифов, Пекинский институт языков [冯志伟 2002, с. 130].

На основании результатов последнего корпуса был составлен и издан в 1986 г. «Частотный словарь современного китайского языка».

**Источники «Частотного словаря
современного китайского языка» 1986 г.**

Виды	Количество иероглифов	Процент (%)
Газеты	440 799	24,39
Научно-популярные издания	284 308	15,73
Сценарии и устный материал	201 892	11,17
Литература	880 399	48,71

Объём языкового материала составил тогда уже более 1,82 млн иероглифов. Виды источников и их процентное соотношение в общем объёме проиллюстрированы в таблице 2.

Важно отметить, что литература различных стилей занимает почти половину объёма данного материала. Эти литературные труды публиковались, в основном, в период 1940–1970-х гг.

В этом Словаре представлены различные итоговые таблицы, в том числе таблицы слов с высокой частотностью использования в таких стилях современного китайского языка, как газетный, научно-популярный, разговорный и литературный. Кроме того, в него включены также таблицы слов с высокой и низкой частотностью употребления, таблицы с результатами анализа продуктивности слов и др. [现代汉语频率词典 1986]. Научная ценность данного словаря обоснована не только удачным отбором материала разных стилей в процессе статистической выборки, но и собственно методами подсчета данных и составления таблиц.

«Частотный словарь современного китайского языка» является первым словарем в Китае со статистическим анализом как отдельных иероглифов, так и речевых единиц, представляет собой значительное достижение в квантитативном исследовании китайского языка. В целом, он имеет большую справочную ценность для обработки различной информации в области китайского языка, преподавания этого языка, лингвистических исследований и других соответствующих сфер [李兆麟 1989].

Что касается характеристик ранних машиночитаемых корпусов китайского языка, то, во-первых, большинство данных вводилось вручную, что требовало от исследователей значительных затрат времени и усилий. Объём этих корпусов был небольшим, в их создании отсутствовал какой-либо единый стандарт. Во-вторых, при обработке материала для корпусов обнаружилось два вида строк неоднозначных сегментаций (*ambiguous segmentation strings*): двусмысленность при пересечении значений (地面积: 地面 – поверхность земли, 面积 – размер территории) и амбигуентность комбинации иероглифов (马上: скоро; на лошади) при сегментации слов. В-третьих, работа на данном этапе привела в октябре 1990 г. к разработке и опубликованию госстандарта GB-1371 – «Стандарт сегментации слов современного китайского языка при обработке информации» [冯志伟 2002, с. 132].

Таким образом, в этот период было изучено и решено несколько фундаментальных вопросов разработки машиночитаемых корпусов китайского языка. Эти попытки создания машиночитаемых корпусов в 1980-е гг. стали существенным фактором для дальнейшего развития корпусов китайского языка больших объёмов.

Основные корпусы китайского языка в настоящее время

В настоящее время в Китае наиболее важными корпусами являются четыре, а именно:

1. Корпус общего современного китайского языка

В 1991 г. Комитет по работе в области языка и письменности Китая начал создавать масштабный корпус китайского языка на государственном уровне, чтобы способствовать теоретическим исследованиям китайского языка, оптимизации его преподавания, одновременно и предоставить ресурсы для его компьютерной обработки. В январе 1993 г. были составлены «Принципы подбора материала к корпусу современного китайского языка». В конце 1998 г. этот корпус был представлен в первой, неаннотированной, версии в объёме 70 млн единиц.

На данный момент общий объём корпуса составляет 100 млн единиц, в том числе – языковой материал 1919–1997 гг. в объёме 70 млн знаков с ручным набором, а также материал 1997–2002 гг. – 30 млн знаков (50 % введенных ручным набором и 50 % электронных

**Типы и объем текстов
в аннотированном корпусе современного китайского языка**

Типы	Количество знаков (млн)	Процент (%)
Материал гуманитарных и общественных наук	30	60
Материал естественных наук	3	6
Газета и журнал	13	26
Материал делового стиля	4	8
Итого (млн)	50	

текстов). Источники материала представлены тремя типами: материал гуманитарных и общественных наук (50 %), материал естественных наук (30 %) и разное (20 %) [肖航 2012].

Кроме того, половина текстов является аннотированной. Их типы и объём отражены в таблице 3.

Этот электронный комплекс представляет собой сбалансированный корпус в связи с огромным объемом и необходимым по этой причине ограничением в пропорциях языкового материала. Состав материала гуманитарных и общественных наук в аннотированном корпусе представлен в таблице 4, где четко просматривается его сбалансированность в подборе материала.

На сайте данного корпуса Chinese Corpus online предоставлены программы автоматической сегментации текстов, частеречной разметки слов, подсчета частотности слов и разметки пиньиня. С помощью таких программ обеспечивается принципиальная возможность обработки текстов современного китайского языка в целях корпусной лингвистики. Принципы разметки и сегментации потока иероглифов в тексте подробно освещаются в [Лу Исинь 2016]. Подробная информация по обработке корпуса представлена в [现代汉语 ... 2005].

На сайте Chinese Corpus online также размещен корпус древнекитайского языка. Он насчитывает 70 млн иероглифов и включает

Таблица 4

Типы и пропорция текстов гуманитарных и общественных наук
в аннотированном корпусе современного китайского языка

Типы	Пропорция (в %)	Количество знаков (млн)	1919–1925	1926–1949	1950–1965	1966–1976	1977–
			5%	15%	25%	5%	50%
Философия	8,3	2,5	0,125	0,375	0,625	0,125	1,25
История	8,3	2,5	0,125	0,375	0,625	0,125	1,25
Общество	8,3	2,5	0,125	0,375	0,625	0,125	1,25
Экономика	8,3	2,5	0,125	0,375	0,625	0,125	1,25
Искусство	8,3	2,5	0,125	0,375	0,625	0,125	1,25
Литература	50	15	0,75	2,25	3,75	0,75	7,5
Другие	8,3	2,5	0,125	0,375	0,625	0,125	1,25
Итого	100	30	1,5	4,5	7,5	1,5	15

языковой материал с начала правления династии Чжоу (1122–249 г. до н. э.) по период династии Цин (1644–1911), а также большую часть «Сыку цюаньшу» (*Энциклопедии четырех книгохранилищ, полного собрания классических произведений различных династий.* – Прим. Ф. Ю.). В корпус включены классические труды Ши цзин, Шаншу, Чжоу и, Лао Цзы, Лунь юй, Мэн-цзы, Цзо-чжуань, «Чуские строфы», Да сюэ, Чжун юн, «Эръя», Ши цзи, «Планы сражающихся царств», «Возвышение в ранг духов», «Троецарствие», «Речные заводи», «Путешествие на Запад», «Сон в красном тереме» и многие другие.

Таким образом, материал корпуса, созданного при Комитете по работе в области языка и письменности Китая, многообразен, охватывает длительный период и предоставляет возможность цифровой обработки текстов. Однако в нем отсутствует языковой материал нового столетия.

2. Корпус CCL при Пекинском университете

С 2000 г. центр исследования китайской лингвистики (Center for Chinese Linguistics PKU) и исследовательский институт компьютерной лингвистики Пекинского университета (Institute of Computational Linguistics PKU) начали совместно создавать корпус китайского языка. Первая версия корпуса была принята в работу в 2004 г. Далее корпус ожидали пополнение материала и обновление функций поисковой системы в 2006, 2009 и 2014 гг. Эта система корпуса обновляется непрерывно и по сей день.

Корпус CCL состоит из корпуса современного, древнекитайского языков и параллельного китайско-английского корпуса [詹卫东 2003].

Объем «Корпуса современного китайского языка» составляет 600 млн единиц, в том числе 500 млн иероглифов. Языковой материал, который охватывает период с 1919 г. по 1949 г., занимает 1,28 % корпуса, в нем представлены две группы текстов – художественная литература (92,15 %) и пьесы (7,85 %). Материал после 1949 г. занимает 98,72 % корпуса и отражает десять типов текстов (см. табл. 5).

В категорию газет были включены не только наиболее важные газеты, например, номера «Жэньминь Жибао» за 1993–1996, 1998 и 2000 годы, тексты агентства Синьхуа за 2001–2004 гг., но и популярные журналы, например, номера 2-206 «Душу» («Чтение книг»),

Таблица 5

**Типы и пропорции текстового материала после 1949 г.
в структуре Корпуса современного китайского языка CCL**

Тип	Пропорция (в %)
Газеты	71,45
Переводы	7,66
Беллетристика	7,25
Электронные ресурсы	4,65
Деловая документация	4,11
Сценарии сериалов и фильмов	1,82
Научные тексты	1,76
Исторические биографии	0,75
Театральные произведения	0,3
Устные беседы	0,26

«Читатель» и др. В итоге этот подкорпус является самым значительным в общем корпусном материале.

Объем корпуса древнекитайского языка составляет 200 млн единиц, в том числе 163,7 млн иероглифов. Материал охватывает период с династии Чжоу до 1949 г., причем языковой материал от династии Цин занимает довольно существенную его часть – 29,33 %.

Параллельный китайско-английский корпус включает в себя 233,6 тыс. пар предложений – оригинальных и их переводов, примерно 6 млн китайских иероглифов и 4 млн английских слов. В нем представлены три вида источника текстов – деловая документация, художественная литература, тексты СМИ [北京大学 ... 2019, с. 74].

Стоит отметить, что корпус CCL является неаннотированным, он только предоставляет в распоряжение исследователя оригинальные тексты с некоторой информацией об их классификации. В нем отсутствуют также лексическая и синтаксическая разметки, зато предлагается разветвленная поисковая система (подробнее см. в [北京大学 ... 2019]).

3. Корпус ВСС

Корпусный центр при Пекинском университете языка и культуры (BLCU Corpus Center – *сокр.* ВСС) является крупнейшим корпусом китайского языка в мире. Его объем составляет 15 млрд иероглифов, в том числе – языковой материал газет (2 млрд), художественной литературы (3 млрд), социальной сети Weibo (3 млрд), науки и техники (3 млрд), общекитайского языка (1 млрд), древнекитайского языка (2 млрд) и других сфер. Все разделы корпуса приняты в работу в 2014 г., а его подкорпус HSK запустили в эксплуатацию еще в 2007 г.

Корпус ВСС имеет следующие характеристики:

а) в данный момент корпус содержит материал девяти языков, в том числе английский, испанский, французский, немецкий, турецкий и др. Главным источником англоязычного материала является The Wall Street Journal, объем которого в корпусе достиг 1,2 млрд слов. Кроме того, разработаны параллельные корпуса: английско-китайский, английско-немецкий и др. В поисковой системе возможно, однако, использование только слов в начальной форме, но не поддерживается поиск слов с морфологическим изменением [大数据 ... 2016];

б) корпус включает неаннотированный материал, материал с сегментацией слов, частеречной разметкой и *treebank*. В настоящее время сделана частеречная разметка для материала современного китайского языка, английского и французского языков, остальной материал является неаннотированным. Корпус содержит *treebank* китайского и английского языков, который заимствован из *Penn treebank*;

в) корпус соединяет в себе материал и современного, и древнекитайского языков;

г) источники современного китайского языка различны по стилям: газетные тексты («Ежедневная газета Сямэнь», «Вечерняя газета Сямэнь» и др.), устный материал (из социальной сети Weibo 2013 г.), наука и техника (научные журналы Китая), художественная литература (китайские и зарубежные литературные труды) и др. К беллетристическим и публицистическим текстам прилагается *header* с информацией о названии, авторах, времени выхода и другой информации, существенной для поиска в корпусе;

д) сочетание синхронического и диахронического поиска. Темпоральная разметка публицистических и беллетристических материалов позволяет осуществлять синхронный поиск. Диахронический

Таблица 6

Тип и процент материала к корпусу Синика

Типы	Процент (%)
Философия	8
Наука	8
Общество	38
Искусство	5
Жизнь	28
Литература	13
Итог	100

поиск основан на использовании газетных текстов из «Жэньминь жибао» («Народная ежедневная газета») 1945–2015 гг. и представлен в графической визуализации [现代汉语 ... 2015].

Тем самым, ВСС представляет собой масштабный корпус, всесторонне отражающий состояние современного китайского языка, однако требующий производить самостоятельную выборку подкорпусов в связи с многообразием его материала.

4. Корпус Синика

Таким образом, сбалансированный корпус современного китайского языка, созданный сотрудниками Академии Синика на Тайване (сокр. *Sinica Corpus*) представляет собой аннотированный корпус с частеречной разметкой. В нем примерно 11 млн слов (17 млн иероглифов). Тексты отражают публикации 1981–2007 гг. Типы и процентное соотношение материалов по темам отражены в таблице 6.

Небольшая по объёму пробная версия *Sinica Corpus* была открыта для академического сообщества в 1994 г. Последняя версия корпуса 4.0 была обновлена в 2006 г. Тексты для корпуса извлекались из различных областей и классифицируются по пяти критериям: жанру, стилю, типу, теме и источнику [*Sinica Corpus URL*]. Однако поисковая система корпуса поддерживает лишь ввод в формате иероглифа традиционного написания, но не в упрощенной версии.

Таким образом, эти четыре масштабных главных корпуса с собственной спецификой обеспечивают корпусную поддержку исследования и преподавания китайского языка.

Заключение

Ранние корпуса китайского языка были разработаны преимущественно для определения частотности иероглифа в целях оптимизации преподавания китайского языка. Современные корпуса китайского языка проходят очень интенсивный период развития, входят в группу гигакорпусов, предлагают программное обеспечение для быстрого поиска лингвистической информации и широко используются в разных сферах науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лу Исинь. Принципы создания корпусов китайского языка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2016. № 181. С. 22–29.
- Sinclair J. Corpus, concordance, collocation. Oxford University Press, 1991. Sinica Corpus. URL : asbc.iis.sinica.edu.tw/ (дата обращения: 01.12.2019).
- 北京大学CCL语料库的研制 / 詹卫东等 // 语料库语言学. 2019. Т. 6. № 1. С. 71–86. = Разработка корпуса CCL при Пекинском университете / Чжэнь Вэйдун [и др.] // Корпусная лингвистика. 2019. Т. 6. № 1. С. 71–86.
- 陈鹤琴. 语体文应用字汇 // 语料库语言学. 2014. Т. 1. № 1. С. 94–113 = Чэнь Хэцзинь. Список прикладных иероглифов Байхуа // Корпусная лингвистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 94–113.
- 大数据背景下BCC语料库的研制 / 荀恩东等 // 语料库语言学. 2016. Т. 3. № 1. С. 93–118 = Разработка корпуса BCC на фоне больших данных / Сюнь Эндун [и др.] // Корпусная лингвистика. 2016. Т. 3. № 1. С. 93–118.
- 冯志伟. 中国语料库研究的历史与现状 // Journal of Chinese Language and Computing. 2002. Т. 11. № 2. С. 127–136 = Фэн Чжэньвэй. История и состояние исследования корпусов в Китае // Журнал китайского языка и вычислительной техники. 2002. Т. 11. № 2. С. 127–136.
- 李兆麟. 汉语计量研究初探—兼评《现代汉语频率词典》 // 辞书研究. 1989. № 1. С. 120–127 = Ли Чжаолинь. Квантитативное исследование китайского языка : рецензия на «Частотный словарь современного китайского языка» // Лексикографическое исследование. 1989. № 1. С. 120–127.
- 现代汉语词汇历时检索系统的建设与应用 / 荀恩东等 // 中文信息学报. 2015. Т. 29. № 3. С. 169–176 = Создание и применение системы диахронического

- поиска китайского слова / Сюнь Эньдун [и др.] // Журнал обработки информации китайского языка. 2015. Т. 29. № 3. С. 169–176.
- 现代汉语频率词典. 北京:北京语言学院出版社, 1986. 1491 с. = Частотный словарь современного китайского языка. Пекин : Изд-во Пекинского института иностранных языков, 1986. 1491 с.
- 现代汉语语料库建设及深加工 / 靳光瑾等 // 语言文字应用. 2005. № 2. С. 111–120 = Создание и глубокая переработка корпуса современного китайского языка / Цзинь Гуанцзинь [и др.] // Применение языка и письма. 2005. № 2. С. 111–120.
- 肖航. 国家语委现代汉语语料库介绍. 2012. URL : corpus.zhonghuayuwen.org/resources.aspx (访问日期: 01.12.2019) = Сяо Хан. Представление о корпусе современного китайского языка при Комитете по работе в области языка и письменности Китая. 2012. URL: corpus.zhonghuayuwen.org/resources.aspx (дата обращения: 01.12.2019).
- 詹卫东,郭锐,谌贻荣. 北京大学中国语言学研究センターCCL语料库. 2003. URL : ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus (访问日期: 01.12.2019) = Чжэнь Вэйдун, Го Жуй, Шэнь Ижун. Корпус CCL при центре исследования китайской лингвистики Пекинского университета. 2003. URL : ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus (дата обращения: 01.12.2019).

REFERENCES

- Lu Isin*. Principy sozdanija korpusov kitajskogo jazyka // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2016. № 181. S. 22–29.
- Sinclair J.* Corpus, concordance, collocation. Oxford University Press, 1991.
- Sinica Corpus. URL : asbc.iis.sinica.edu.tw/ (data obrashhenija: 01.12.2019).
- 北京大学CCL语料库的研制 / 詹卫东等 // 语料库语言学. 2019. Т. 6. № 1. С. 71–86. = Razrabotka korpusa CCL pri Pekinskom universitete / Chzhjen' Vjerdun [i dr.] // Korpusnaja lingvistika. 2019. Т. 6. № 1. С. 71–86.
- 陈鹤琴. 语体文应用字汇 // 语料库语言学. 2014. Т. 1. № 1. С. 94–113 = Chjen' Hjeczin'. Spisok prikladnyh ieroglifov Bajhua // Korpusnaja lingvistika. 2014. Т. 1. № 1. С. 94–113.
- 大数据背景下BCC语料库的研制 / 荀恩东等 // 语料库语言学. 2016. Т. 3. № 1. С. 93–118 = Razrabotka korpusa BCC na fone bol'shih dannyh / Sjun' Jen'dun [i dr.] // Korpusnaja lingvistika. 2016. Т. 3. № 1. С. 93–118.
- 冯志伟. 中国语料库研究的历史与现状 // Journal of Chinese Language and Computing. 2002. Т. 11. № 2. С. 127–136 = Fjen Chzhivjej. Istorija i sostojanie issledovanija korpusov v Kitae // Zhurnal kitajskogo jazyka i vychislitel'noj tehniki. 2002. Т. 11. № 2. С. 127–136.

- 李兆麟. 汉语计量研究初探—兼评《现代汉语频率词典》// 辞书研究. 1989. № 1. С. 120–127 = Li Chzhaolin'. Kvantitativnoe issledovanie kitajskogo jazyka – Recenzija na «Chastotnyj slovar' sovremennogo kitajskogo jazyka» // Leksikograficheskoe issledovanie. 1989. № 1. S. 120–127.
- 现代汉语词汇历时检索系统的建设与应用 / 荀恩东等 // 中文信息学报. 2015. Т. 29. № 3. С. 169–176 = Sozdanie i primenenie sistemy diahronicheskogo poiska kitajskogo slova / Sjun' Jen'dun [i dr.] // Zhurnal obrabotki informacii kitajskogo jazyka. 2015. Т. 29. № 3. S. 169–176.
- 现代汉语频率词典. 北京:北京语言学院出版社, 1986. 1491 с. = Chastotnyj slovar' sovremennogo kitajskogo jazyka. Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo instituta inostrannyh jazykov. 1986. 1491 s.
- 现代汉语语料库建设及深加工 / 靳光瑾等 // 语言文字应用. 2005. № 2. С. 111–120 = Sozdanie i glubokaja pererabotka korpusa sovremennogo kitajskogo jazyka / Czin' Guanczin' [i dr.] // Primenenie jazyka i pis'ma. 2005. № 2. S. 111–120.
- 肖航. 国家语委现代汉语语料库介绍. 2012. URL: corpus.zhonghuayuwen.org/resources.aspx (访问日期: 01.12.2019) = Sjao Han. Predstavlenie o korpusе sovremennogo kitajskogo jazyka pri Komitete po rabote v oblasti jazyka i pis'mennosti Kitaja. 2012. URL : corpus.zhonghuayuwen.org/resources.aspx (data obrashhenija: 01.12.2019).
- 詹卫东,郭锐,谌贻荣. 北京大学中国语言学研究中心CCL语料库. 2003. URL: ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus (访问日期: 01.12.2019) = Chzhjen' Vjejdun, Go Zhuj, Shjen' Izhun. Korpus CCL pri centre issledovanija kitajskoj lingvistiki Pekinskogo universiteta. 2003. URL: ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus (data obrashhenija: 01.12.2019).

УДК 82.09.03

В. А. Пищальникова, Чэнь Ваньжоу

Пищальникова В. А., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета; e-mail: pishchalnikova@mail.ru

Чэнь Ваньжоу, аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета; e-mail: 454679197@qq.com

РУССКАЯ ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА КАК СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Современное литературоведение уделяет много внимания изучению важнейших национально-культурных особенностей этносов. Это, с одной стороны, необходимо, чтобы понять специфику менталитета различных этнических групп и социумов и сохранить их в условиях глобализации. С другой – важно понять, какие внешние факторы разрушают системы ценностей, на которые веками опирались народы, и как возникают новые. Проблема человека, вынужденного жить в период такого слома ценностной системы, поднимается в творчестве В. Распутина.

Ключевые слова: деревенская проза; базовые ценности; вера; национальная культура; художественный образ.

V. A. Pishchalnikova, Chen Wanrou

Pishchalnikova V. A., Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University; e-mail: pishchalnikova@mail.ru

Chen Wanrou, PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University; e-mail: 454679197@qq.com

RUSSIAN RUSTIC PROSE AS A SEMANTIC SPACE OF ETHNIC VALUES

Contemporary Literary Studies pay a lot of attention to researching the most important national and cultural distinctions of ethnic groups. This kind of studies

are necessary as they help to understand the mentalities of different ethnic groups and societies and preserve them in the globalized world. Besides, they serve to reveal external factors that deconstruct systems of fundamental values and lay the basis for new systems. The problem of a man faced with a period of values deconstruction is the key motive in literary works by Valentin Rasputin.

Key words: rustic prose; basic values; faith; national culture; creative image.

Введение

С начала XX в. в гуманитарных науках, особенно в социологии, этнографии, литературоведении, утвердилась мысль, что культура каждого народа, условия его существования в целом порождают специфические способы познания действительности, определяющие национальное своеобразие мышления этноса и формирующие культурно обусловленную иерархическую систему этнических ценностей. Ядро базовых ценностей обладает стабильностью, позволяющей членам этноса использовать их как «защитный пояс культуры» [Лурье 1994]. И если речь идет о морально-нравственных ценностях, то, будучи бытийными опорами людей, они всегда воплощаются в их поведении и реалиях обиходного мира, которые могут приобретать, помимо обыденного назначения, символическое содержание.

Интегративное содержание базовых ценностей *вера, терпимость, милосердие, Родина*

Одной из важнейших нравственных ценностей русского народа, по убеждению большинства исследователей, является вера, которая, с одной стороны, «определяется как система взглядов, как утверждение доброй интуиции о мире, как уверенность» [Талапова 2009, с. 3]; с другой – вера приносит радость, она способна дать силы для возрождения, потому что в критические моменты жизни объединяет чувства и разум, вера позволяет видеть красоту мира. Ю. С. Степанов писал, что вера – это уникальный русский концепт, фокусирующий внутреннее состояние человека [Степанов 1997]. Исчерпывающе описать содержание этого понятия невозможно, потому что оно связано бесчисленным количеством ассоциативных связей с другими важнейшими понятиями, детерминирующими сознание русского человека, причудливым образом сопряжено с миром обыденного бытия и миром вещей.

Согласно С. А. Кузнецову, вера – это (1) твердая убежденность, глубокая уверенность в ком-либо или в чем-либо; (2) религиозное учение,

вероисповедание; религия; (3) доверие [Кузнецов 1998]. В семантической структуре лексемы *вера* можно выделить ядерные смы: понятийную – ‘убежденность’ и коннотативную – ‘интенсивность признака’, поскольку уже по определению аксиологические понятия включают в ядро значения оценочное, экспрессивное, эмоциональное содержание. Показательно, что в структуре значения лексемы *вера* С. А. Кузнецов не выделяет признак ‘не требующий верификации’, который выделяется в словах *уверенность*, *уверенный* как ‘свободный от сомнения’. Сравнив дефиниции лексемы *вера* в других словарях констатируем, что вера как понятие возникает в результате ассоциативного объединения (1) убежденности как уверенности в порядочности и доброжелательности другого человека; (2) готовности беспрекословно придерживаться эмоционально предпочтительных представлений, даже если они и противоречат обстоятельствам; (3) верности, в том числе религиозной [Ожегов 1975; Ефремова 2000]. Таким образом, вера – это сложнейшее синкретичное понятие, которое осложнено большим количеством положительных коннотаций и которое является смыслообразующим фактором бытия индивида, групп этноса, этноса в целом.

Как бы ни рассматривалась вера – в религиозном или ином аспектах, она всегда носит смыслообразующий характер в жизни индивида: вера «представляет собой непосредственную функцию самого живого организма, заключается в ориентации поведения индивида и его поступков» [Ортега-и-Гассет 1997, с. 438]. Основное содержание веры – провозглашение чего-то истинным без предварительной верификации мнения. Исследователи считают, что в содержании ценности *вера* как интегративного показателя направленности духовных потребностей человека и этноса, можно выделить три компонента: *смысловой*, представляющий ценностное отношение индивида к бытию; *эмоциональный*, отражающий характер переживания человеком своего отношения к ценностям; *поведенческий*, реализующий содержание ценности в разных типах поведения: активном целенаправленном и операциональном неосознаваемом.

Актуальные смыслы базовых ценностей в русской деревенской прозе

Особое место занимает репрезентация ценности *вера* в русской деревенской прозе. Так, В. Распутин мастерски показывает, что вера

пронизывает всю жизнь деревенского человека, который может даже и не осознавать этого и жить по законам веры интуитивно, бессознательно. Вера – корень жизни русского человека. В своем творчестве В. Распутин акцентирует самый глубинный вопрос, касающийся жизни деревенских людей, – сохранение традиций крестьянского уклада как сохранение их естества. Глубочайшая, пусть и не рефлекслируемая связь с родной землей, неотрывная от обычаев и традиций, приобретает у В. Распутина художественно-философское звучание. Так, в рассказе «Изба» В. Распутин поднимает проблему исчезновения этнических корней, забвения обычаев, сотнями лет объединявших и формировавших единство деревенских людей, их культурную целостность.

Сюжет рассказа «Изба» прост: в нем описывается один из многих десятков случаев затопления маленьких деревень в связи со строительством плотин на сибирских реках. Но для В. Распутина важно показать, что происходит с людьми, вынужденными покидать родные места, которые они воспринимают как единственное место своего бытия. Поэтому в родной деревне всё красиво, ладно и дорого сердцу: и то, что деревенька небольшая, но стоит «на правом берегу по песочку чисто и аккуратно», и что стремится к реке «веселым сбегом», а главное, что род героини здесь «обосновался ... и прожил два с половиной столетия, пустив корень на полдеревни» [Распутин 1984]. Писатель изображает близость земли и проживающего на ней народа людей, используя различные выразительные средства, среди которых метафора *нагретый людьми ангарский берег* является одной из ключевых, поскольку реализует мысль о неразрывности народа и земли, на которой он проживает, и о том, что человек *естественный* одухотворяет природу. Писатель подчеркивает неестественность процесса отрыва народа от родной земли даже и с благой целью: желая объединить разные деревни, их *сгрузили*, словно неодушевленную массу чего-то (это слово – *сгрузили* – В. Распутин повторяет дважды), на *елань* – возвышенную голую равнину, которая не облагорожена пребыванием на ней людей. И при всей внешней организации разных деревень в один леспромхоз («сваливали в общую кучу») единого селенья никак не получается: люди стремятся и внутри леспромхоза селиться своими старыми деревеньками, улицами и испытывают настоящее чувство потери, если по каким-то причинам соседствовать

«со своими» не удается. Такое описание местности не дает наглядного, зримого, представления о ней, зато обнажает чувство, с которым жители относились к своей деревеньке и характеризует их самих как людей, по крайней мере, открытых и добрых. И как бы ни была трудна деревенская жизнь, она была естественной, необходимой и не осознавалась как не приносящая радости. В старой деревне «каждую выбоинку, каждый бугорок ... Агафья знала лучше, чем родинки и вмятинки на своем теле, – вручную пахала, вручную жала рожь и ячмень и крочила горох, вручную, обдирая и обжигая руки, тянула осот. Нет, *родное скудным не бывает*» [Распутин 1984] (курсив авт. – В. П., Ч. В.). А если кто-то отрывался от родных корней, желая, как, например, дочь Агафьи Вологжаниной, найти свою долю в городе, среди чужих людей, то это счастья не приносило. Пятнадцатилетняя дочь Агафьи уехала в город, прошла обычный для многих деревенских девочек путь от няньки до работницы фабрики, но не смогла привыкнуть к другим правилам и требованиям жизни и постепенно спилась, растеряв красоту и «затаенность»: «...у одного стебля корни дважды не отрастают» [Распутин 1984]. Писатель видит причины несложившейся судьбы в отрыве от родных корней, в измене обычаям и традициям, в которых человек был воспитан.

В. Распутин подчеркивает, что после войны люди медленно, но настойчиво восстанавливали привычную деревенскую жизнь, много трудились, и силы для этого давала земля, на которой они чувствовали себя спокойно, безопасно. Едва успели крестьяне «выправиться с одежкой и обужонкой, досыта принялись стряпать хлеба» [Распутин 1984], когда пришло решение о затоплении маленьких деревень. В. Распутин показывает, что его героям не нужно многого в быту – всего-то нужно было людям мирно и *справно* жить, – однако отрыв от нравственных истоков, которые формировались в месте рождения и естественно и неразрывно связываются с ним, для жителя деревни губельны. *Свалив деревеньки в кучу*, людей лишили той связи с родной землей, которая дает ощущение прочности, стабильности бытия. И даже улицу, на которой теперь предстояло жить Агафье, жители стали называть *Сбродной*, поскольку заселена людьми из разных деревень, *случайно* собравшимися и беспорядочно поселившимися вместе, не связанными исконными общественными узами, а значит, и отношение к ним жалостливо-пренебрежительное, как к людям без

корней. *Куча, сгрузили, Сбродная*, а потом и *Канава* – это симптомы разрушения привычного и ладного мира, показатель того, что люди лишились необходимой нравственной опоры и не могут сродниться с новым местом.

Не по своей вине Агафья попала на Сбродную улицу: болезнь, *надсада* – чрезмерное напряжение сил – настигла ее, и всё лето она вынуждена была пролежать в больнице и не успела перевезти свою избу, чтобы встать в один ряд с односельчанами, и это для нее еще одно испытание. В. Распутин показывает, что изба для Агафьи – это не просто жилище, это ее опора и вера в жизнь, реальная связь с привычными устоями и корнями, только она и придает ей силы. Почти рефлекторно Агафья понимает, что нарушен вековой порядок: сместились не только избы, но и веками складывавшаяся общность бытия. И это она ощущает очень остро. Изба сама по себе особой ценности не представляла – старая, с растрескавшимися бревнами, даже покосившаяся, но для Агафьи она – неотрывная часть ее самой, место, где героиня не только родилась, но и сформировалась как человек, как носитель определенных культурных принципов и ценностей. И потому «оставалось что-то в ее поставе и стати такое, что не позволяло ее назвать избенкой» [Распутин 1984]. Одним лишь словом – *стать* – актуализируется метафорический комплекс *изба – женщина*, в котором подчеркнуты не только стать, но и достоинство, сила, решимость, целеустремленность женщины как составляющие веры, помогающей выжить Агафье и устоять избе: изба «*постарела и осиротела*», как и героиня рассказа, но «*из последних сил держала достоинство, стояла высоконочко и подобранно*» [Распутин 1984]. Русский крестьянский дом – центр бытия человека от рождения до ухода, его малая родина. С ним связывается представление о *пуповине рода человеческого*, о единстве поколений, о правилах нравственной жизни. И всё это объединяется верой как раз и навсегда сформировавшимся отношением человека к собственной жизни, позволяющем ему проявлять свои силы, стремления, воплощать надежды рядом с другими людьми, вполне разделяющими с ним исторически сложившиеся и одобренные поколениями основы бытия. Вера придает психологическому состоянию человека стабильность, корректируя его путь в достижении существенно значимого жизненного смысла и поведение на этом пути.

В. Распутин подчеркивает: пока жива связь вещей, олицетворявших веру, с человеком, жив и сам человек, потому что устойчив его привычный ценностный мир, в котором остаются неизменными вера, достоинство, трудолюбие. Все в мире взаимосвязано. И если теряют веру и силы люди, разрушается и окружающий их мир, одухотворенный когда-то людской любовью и работой. Поэтому постепенно «стала ... ужиматься в поселке жизнь» [Распутин 1984]: и тайга уже кормила не так сытно, и рыбы в реке становилось меньше, а потому и не строили люди дома в этих местах, по деревенскому обычаю, уже мало пригодных для жизни. Писатель видит причину разрушения жизни в отступлении от формирующихся веками морально-нравственных принципов: *взятая ненадежно жизнь* – жизнь, не соответствующая традициям и обычаям, «вековечному порядку», разрушает человека и общность людей.

Поэтому Агафья никак не может понять, почему молодежь не жалеет о покинутой родной деревне, без сожаления бросает *могилы и старину*, почитание которых тоже является частью нравственности. И снова писатель демонстрирует тот же прием выявления нравственной позиции народа через его отношение к обиходным вещам и обыденному поведению, подчеркивая тем самым естественность, укорененность в быту этих позиций и морально-этических принципов. Вера – это естественное состояние человека, который не осознает – принимает безусловное существование истинности того жизненного уклада, в котором несколько столетий формировались его корни. Агафья, которая «от боли и работы ... рано потускнела и состарилась» [Распутин 1984], тем не менее, демонстрирует духовную силу, терпимость и милосердие. И только одно не дает ей спокойно жить: из-за болезни она не может работать и чувствует себя ненужной, бесполезной, не выполняющей свое предназначение и даже униженной. Агафья держится за свою избу как источник связи «с корнями» до конца. В символическом сне героини «избу на тросах устанавливают в яму ... и тогда выясняется, что земли выбрано мало, что крыша от конька до половины ската будет торчать. Мужики в голос принимают уверять, что это и хорошо, что будет торчать, что это выйдет памятником её жизни...» [Распутин 1984]. Изба как памятник вере, жизненному стержню, обусловившему существование человека.

Заключение

Если сравнить состав содержательных компонентов веры по лексикографическим источникам и повести В. Распутина, обнаруживается их специфическая иерархия. Словари фиксируют религиозность, убежденность, уверенность, доверие, истинность, верность веры как составляющие мировоззренческой позиции человека. Для В. Распутина вера прежде всего дает *надежду* на сохранение *традиционных* устоев жизни, одобренных многовековым опытом совместного существования людей. В вере реализуется *душа* народа, незримо связанного с *малой родиной*. Вера – неосознаваемый принцип бытия, без которого жизнь разрушается. Это духовные константы крестьянского мира, смыслообразующие факторы жизни, которые, констатирует писатель, не остаются неизменными, разрушаются под воздействием внешних факторов, уничтожающих морально-нравственную специфику народа. Показательно, что, по мнению западных критиков [Катлин 2004], образы стариков и старух в деревенской прозе свидетельствуют о ностальгии писателей-деревенщиков по уходящему прошлому, о желании «поймать» уходящий в вечность вековой уклад жизни крестьян и почтить людей, живших по законам добродетельных традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ефремова Т. А. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М. : Русский язык, 2000. URL : libed.ru/knigi-nauka/24932-1-efremova-tatyana-fedorovna-noviy-slovar-russkogo-yazika-tolkovo-slovoobrazovatelnyy-tomah-annotaciya-slovar.php / (дата обращения: 20.10.2019).
- Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка: А–Я / РАН. Ин-т лингв. исс. ; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с. URL : gufo.me/dict/kuznetsov/ (дата обращения: 20.10.2019).
- Катлин П. Русская деревенская проза: светлое прошлое. Томск : Томск. гос. ун-т, 2004. 203 с.
- Лурье С. В. Историческая этнология : учебное пособие для вузов. М. : Академический Проект : Гаудеамус, 2004. 624 с.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1975. 11-е изд. 846 с.
- Ортега-и-Гассет Х. История как система. М. : Весь Мир, 1997. С. 437–479.
- Распутин В. Г. Повести и рассказы. М. : Современник, 1984. 736 с. URL : www.litmir.me/br/?b=576666&p=1 (дата обращения: 20.10.2019).

- Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
- Талапова Т. А.* Концепт «вера / неверие» в русской языковой картине мира : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Абакан, 2009. 22 с.

REFERENCES

- Efremova T. A.* Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj : v 2 t. M. : Russkij jazyk, 2000. URL : libed.ru/knigi-nauka/24932-1-efremova-tatyana-fedorovna-novij-slovar-russkogo-yazyka-tolkovo-slovoobrazovatelnyj-tomah-annotaciya-slovar.php / (data obrashhenija: 20.10.2019).
- Kuznecov S. A.* Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka: A–Ja / RAN. In-t lingv. iss. ; sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. SPb. : Norint, 1998. 1534 s. URL : gufo.me/dict/kuznetsov/ (data obrashhenija: 20.10.2019).
- Katlin P.* Russkaja derevenskaja proza: svetloe proshloe. Tomsk : Tomsk. gos. un-t, 2004. 203 s.
- Lur'e S. V.* Istoricheskaja jetnologija : uchebnoe posobie dlja vuzov. M. : Akademicheskij Proekt : Gaudeamus, 2004. 624 s.
- Ozhegov S. I.* Slovar' russkogo jazyka. M. : Russkij jazyk, 1975. 11-e izd. 846 s.
- Ortega-i-Gasset H.* Istorija kak sistema. M. : Ves' Mir, 1997. S. 437–479.
- Rasputin V. G.* Povesti i rasskazy. M. : Sovremennik, 1984. 736 s. URL : www.litmir.me/br/?b=576666&p=1 / (data obrashhenija: 20.10.2019).
- Stepanov Ju. S.* Konstanty: slovar' russkoj kul'tury. M. : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1997. 824 s.
- Talapova T. A.* Koncept «vera / neverie» v russkoj jazykovej kartine mira : avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. Abakan, 2009. 22 s.

УДК 80

М. Б. Раренко

кандидат филологических наук;
старший научный сотрудник Отдела языкознания
Института научной информации по общественным наукам
(ИНИОН) РАН; e-mail: rarencо@rambler.ru

**МОДЕЛИРОВАНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕНИЯ
НА СТРАНИЦАХ РОМАНА У. Д. ХОУЭЛЛСА
«ВОЗВЫШЕНИЕ САЙЛАСА ЛЭФЕМА»**

Будучи символическим конструктом, культура может по-разному наполняться смыслами. В разных культурных сообществах одни и те же действия индивидуумов могут иметь различное, в том числе и противоположное, значение, что свидетельствует о том, что ценностные доминанты разных культур могут принципиально отличаться. В XIX в. в американской художественной литературе отмечается повышенный интерес к проблеме своей уникальности и своеобразия, в частности, общения. Как писатель-реалист У. Д. Хоуэллс большое внимание уделяет тому, как говорят американцы, моделируя на страницах своего романа социальное многоголосие.

Ключевые слова: У. Д. Хоуэллс; общение по-американски; реализм; речевые характеристики; национальный характер; литература XIX в.

М. В. Rarenko

PhD (Philology), Senior Research Fellow,
Centre for Linguistics, Institute of Scientific Information
on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: rarencо@rambler.ru

**MODELLING COMMUNICATION IN AMERICAN STYLE
(an analysis of the novel «The Rise of Silas Lapham»
by W. D. Howells)**

Being a symbolic construct, culture can be filled with meanings in different ways. In different cultural communities, the same actions of individuals may have different – sometimes opposite meanings, which proves that the value dominants of different cultures (the presence of dominants is taken for granted) may differ fundamentally. 19th century American fiction shows the growing interest in the problem of its uniqueness and originality, particularly, in communication. Being a Realist writer, W. D. Howells pays special attention to the way Americans speak, modeling social polyphony in the novel.

Key words: W. D. Howells; communication in American style; realism; speech characteristics; social diversity; national character; 19th century fiction.

Введение

Американский реализм по сравнению с европейским – явление более позднее. Если начало европейского реализма приходится на 1830 гг., то американский реализм стал формироваться спустя 30 лет, приблизительно в 1860 гг. Когда говорят о том, как начинался американский реализм, литературные критики обычно называют три фигуры. Это Марк Твен, а также Генри Джеймс и Уильям Дин Хоуэллс. Сегодня имя Уильяма Дина Хоуэллса (William Dean Howells, 1837–1920) мало о чем говорит не только русскоязычным и американским читателям, но и специалистам, если только их научный интерес – не литература данного периода.

На рубеже XIX–XX вв. У.Д. Хоуэллс был очень известен и популярен, возможно, даже в определенный период времени имел больший авторитет среди литераторов, нежели его современник Марк Твен, с которым его связывала искренняя дружба, начавшаяся в 1869 г. в редакции журнала «Атлантик», куда Марк Твен пришел выразить У. Д. Хоуэллсу слова благодарности за его положительную и доброжелательную рецензию на его «Простаков за границей». Публикации очередного романа У. Д. Хоуэллса ждали не только на родине – в Америке, но и за океаном, а перевод на другие языки осуществлялся практически параллельно с изданием очередной порции романа.

В истории американской литературы У. Д. Хоуэллс останется прежде всего выразителем мировоззрения американского среднего класса, а его излюбленный жанр – нравственно-психологический роман, раскрывает главную сферу интересов литератора – повседневный буржуазный быт американца-современника писателя с его проблемами и заботами, нередко драматическими, но почти никогда не поднимающимися до уровня трагического, в чем и проявляется особый гуманизм писательского кредо, любовь к описываемым героям, сострадание их нелегким судьбам. Отличительной чертой У. Д. Хоуэллса-гуманиста также было предоставление своим героям в любой ситуации права на выбор, часто непростой, но все же выбор, тем самым показывая, что безвыходных ситуаций не бывает, и что человек вправе определять свой жизненный путь.

Жизненный путь У. Д. Хоуэллса заслуживает особого внимания и похож на сюжет приключенческого романа. Уроженец штата Огайо, сын печатника и издателя, который небольшими тиражами

выпускал газеты и журналы в маленьких провинциальных городках Америки, бывший репортер-выскачка, так никогда и не получивший официального образования (всего несколько классов школы), но постоянно занимавшийся самообразованием (увлекался чтением книг, выучил несколько языков, в их числе латынь и греческий, испанский и немецкий, последний, чтобы читать в подлиннике полюбившегося ему Г. Гейне; неплохо знал русскую литературу, в частности романы И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого читал в переводе на английский язык) в 23-летнем возрасте стал американским консулом в Венеции. Такому везению он был обязан его величеству случаю, а если точнее, то шестнадцатому президенту США Аврааму Линкольну (1861–1865), будучи автором его предвыборной биографии.

При этом творчество У. Д. Хоуэллса заслуживает особого внимания по той причине, что именно он обратил внимание на разногласия в современном ему американском обществе и, смоделировав, перенес ее на страницы своих произведений.

Эстетические взгляды У. Д. Хоуэллса-реалиста

К числу первых опытов на литературной арене У. Д. Хоуэллса относят несколько его пьес, а также переводы новелл с испанского языка, несколько романтических стихотворений (явно подражание известным авторам), несколько рассказов, имеющих в основе автобиографические сюжеты. Следует отметить, что богатым воображением Хоуэллс и в самом начале карьеры похвастаться не мог. Однако настоящую популярность он приобрел благодаря романному творчеству, хотя помимо романов (их Хоуэллс написал более 30) ему также принадлежат около десяти книг о путешествиях, несколько сотен литературных критических статей, а еще несколько томов рассказов, автобиографических и драматургических произведений.

Во всех романах – в большей или меньшей степени – У. Д. Хоуэллс оставался верен себе и своим принципам. В самом начале своей литературной карьеры он попробовал себя в романтизме, но вскоре разочаровался в его эстетике, убедив себя, что единственно верным развитием американской литературы может быть только реализм.

Первые шаги У. Д. Хоуэллса на литературном поприще пришлось на годы гражданской войны и первое послевоенное десятилетие. В этот период отношения в американском обществе и условия жизни

усложнились и стремительно менялись, и литература чутко на них реагировала: настойчивые требования полностью избавиться от всего европейского, в частности, от английского влияния, стали звучать все громче и чаще.

От писателей в Америке требовали оригинальности, т. е. «американизации» принадлежащего им художественного материала. Таким образом, на этом новом этапе задача американской литературы представляется в ее максимальном приближении с окружающей ее действительностью, т. е. литераторы должны были отражать реальность не просто точно, а фактически выступать в качестве незаинтересованных фотографов. При этом в литературных произведениях должны были затрагиваться животрепещущие темы.

У. Д. Хоуэллс был максималистом, поэтому, наверное, в отличие от других, к призыву отнесся очень серьезно и как писатель, и как критик. В романах он «писал действительность», а в критических статьях призывал, и в этой борьбе ему принадлежало центральное место. Как критик он в присущей ему неторопливой манере подробнейшим образом и изложил свои взгляды в многочисленных статьях и не менее многочисленных эссе на страницах на тот период ведущих американских литературных журналов: «Хасперс Мансли», «Атлантик Мансли», «Норс Американ Ревью», а также и других, не менее популярных [Николюкин 2000], а роман «Жизнь в Венеции» («Venetian Life», 1866) и стал тем произведением, где они воплотились.

Если проанализировать эстетические мировоззрения Хоуэллса как писателя, так и критика, то окажется, что основным критерием для него при оценке романа будет то, насколько роман правдоподобен. Но самое важное в моделировании повседневности, по Хоуэллсу, заключалось в особенном отношении писателю к речи, – к тому, что говорят персонажи, и тому, как они говорят. Писатель неоднократно призывал своих коллег воспроизводить на страницах художественных произведений (и он имел в виду, прежде всего, романы, поскольку был уверен, что только эта художественная форма способна отобразить действительность во всей ее полноте) настоящий, живой язык, тот, который они слышат каждый день, т. е. «позволить персонажам говорить на диалекте, языке, который понятен всем американцам, – языке простых людей» [Howells 1993, с. 356].

Первым приложением основных положений теории хоуэллсовского реализма на практике стал его роман «Их свадебное путешествие» («Their Wedding Journey», 1872), в котором основное внимание писателя уделено именно деталям современного писателю американского быта – со всей скрупулезностью, присущей только ему, даже с каким-то занудством, Хоуэллс подробно описывает, буквально «фотографирует» американскую действительность, старательно выписывая, как первоклассник палочки, беспристрастную этнографическую картину современных ему американских нравов, причем разных классов, ничего не прибавляя и ничего не утаивая. Поскольку задача писателя видится ему именно в «фотографировании» действительности, всё остальное в романе оказывается слабо проработанным: сюжет весьма условен, местами откровенно неинтересен, при этом скуп на события, а само повествование перегружено описаниями (часто неоправданными сюжетом), диалоги неинформативны, кажутся неестественными и выполняют явно вспомогательную роль.

Ряд исследователей, среди них известный российский американист Е. А. Стеценко, полагают, что немалое значение на становление Хоуэллса-романиста оказало его знакомство с романами И. С. Тургенева, в чем признавался и сам Хоуэллс, считавший русского писателя непревзойденным романистом, пока не ознакомился с романами еще одного русского писателя – Л. Н. Толстого и не стал его почитателем [Стеценко 2003].

И действительно, написанные У. Д. Хоуэллсом после 1873 г. романы принципиальным образом отличаются от созданного до этого – повествование становится более драматичным, сюжеты отличаются большей динамикой, в то время как авторский комментарий, занимавший значительное место в раннем творчестве писателя, фактически уходит, описания минимизированы, а необходимые пояснения вкладываются в диалоги персонажей.

Роман У. Д. Хоуэллса «Возвышение Сайласа Лэфема» как воплощение теории в практику

Роман У. Д. Хоуэллса «Возвышение Сайласа Лэфема» («The Rise of Silas Lapham»), созданный в 1884 г., исследователи по праву относят к лучшим произведениям писателя – он переведен на ряд иностранных языков, в том числе и на русский, что также является

доказательством, хотя и косвенным, его признания. Роман можно по праву считать для писателя программным. В нем, сознательно обращенном к современной автору действительности, писатель последовательно и планомерно претворяет в жизнь свою литературную теорию о том, как современным американским писателям следует писать «с натуры».

Данный роман, как и другие написанные У. Д. Хоуэллсом, отличается довольно простым, незатейливым сюжетом. Так, в центре хоуэлловского повествования оказывается размеренная жизнь очередного деревенского счастливчика – нувориша по имени Сайлас Лэфем, а также его жены, по профессии учительницы, и двух их дочерей Пенелопы и Айрин в городе, куда они переехали вскоре после того, как их финансовое состояние резко изменилось и где они в настоящее время заняты постройкой своего дома. Этот небогатый на события роман, тем не менее, обратил на себя внимание не только обычных американцев, современников писателя, но и ряд литературных критиков, и не в последнюю очередь любопытным художественным приемом: в романе каждое событие оказывается представленным несколько раз благодаря «проговариванию» ситуаций, т. е. получается, что действие в романе происходит посредством многочисленных диалогов. Даже если просто пролистать страницы книги, в этом легко убедиться – диалоги занимают большую часть романа. Хоуэлловские персонажи «проговаривают» (и неоднократно) произошедшие с ними события, происходящие, а также еще только ими ожидаемые, при этом само действие, кажется, уходит как бы на второй план. Оно оказывается важным в романе лишь потому, что (неоднократно!) описывается и обсуждается персонажами с самых разных, часто гипотетических, точек зрения. Таким образом оказывается, что само действие не так уж и важно, как то, что думают о нем персонажи, как они его воспринимают. Еще одной интересной находкой писателя стало то, что все кульминационные сцены романа представлены диалогами, т. е. диалоги в романе «Возвышение Сайласа Лэфема» являются движущей силой сюжета.

И действительно, на страницах романа сюжет развивается подобно происходящему на театральных подмостках – диалоги одних персонажей сменяются диалогами других, в которых читатель слышит говор представителей разных социальных слоев общества. Роман

открывается сценой интервьюирования главы семейства Сайласа Лэфема, профессионально владеющего навыками общения журналистом Бартли Хаббартом. Речевой портрет деревенского нувориша (на фоне безукоризненной речи репортера) говорит сам за себя, а немногочисленные авторские ремарки при этом еще в большей степени обращают внимание читателей на неправильности речи главного героя.

Приведенный ниже фрагмент наглядно показывает, как строится в романе сюжет. Диалог персонажей лишь изредка прерывается авторским комментарием, служащим читателю руководством, как его читать. В какой-то момент возникает впечатление, что рядом находится кто-то, чья задача заключается в том, чтобы правильно расставить акценты в происходящем, обратить внимание на то, что по какой-то досадной случайности может выпасть из поля зрения. Следует обратить внимание на то, как вводится прямая речь персонажей: «прервал», «сказал с циничной улыбкой», «ответил с достоинством» и пр.

“I don’t know as I know just where you want me to begin,” said Lapham.

“Might begin with your birth; that’s where most of us begin,” replied Bartley.

A gleam of humorous appreciation shot into Lapham’s blue eyes.

“I didn’t know whether you wanted me to go quite so far back as that,” he said. “...I was born on a farm, and –”

“Worked in the fields summers and went to school winters: regulation thing?” Bartley cut in.

“Regulation thing,” said Lapham, accepting this irreverent version of his history somewhat dryly.

“Parents poor, of course,” suggested the journalist. “Any barefoot business? Early deprivations of any kind...? Orphan myself, you know,” said Bartley, with a smile of cynical good-comradery.

Lapham looked at him silently, and then said with quiet self-respect, “I guess if you see these things as a joke, my life won’t interest you.”

“Oh yes, it will,” returned Bartley, unabashed... (*Howells W. D. The Rise of Silas Lapham. Ch. 1*).

Заслуживает особого внимания и речь персонажей. Речь деревенщины Сайласа выдает в нем добрую натуру, не привыкшую красиво изъясняться. Впервые вынужденный давать обстоятельное интервью серьезному изданию, он чувствует себя потерянным, о чем, не скрывая волнения, и говорит журналисту, спрашивая его совета, с чего

ему следует начать свой рассказ. В совете Бартли Хаббарда – начать с самого начала – чувствуется нескрываемая насмешка. Если реплики Сайласа Лэфема представляют собой развернутые, обстоятельные высказывания, то реплики Бартли Хаббарда – отрывистые, быстрые, резкие. В них слышится снисхождение и некоторое превосходство. И различия не ограничиваются только возрастом, характером, темпераментом говорящих. С первых страниц романа Хоуэллс сознательно и последовательно выводит полифонию голосов представителей разных социальных сословий в американском обществе. Речь Сайласа Лэфема звучит совсем иначе, нежели речь Бартли Хаббарда прежде всего потому, что они – представители разных сословий.

Хотя различия в стратегиях речевого поведения прослеживаются на страницах романа У. Д. Хоуэллса и тогда, когда в диалог вступают представители одной социальной страты (например Лэфем и его жена Персис, его дочери Пенелопа и Айрин, старший и младший Кори и пр.), особенно ярко они оказываются представленными в многочисленных диалогах между представителями разных социальных групп. Можно утверждать, что Хоуэллс использует речь персонажа как прием, т. е. сознательно, давая каждому своему персонажу дополнительную, а нередко и основную, характеристику еще и в зависимости от его социальной принадлежности. Если внимательно проанализировать все диалоги семейства Лэфемов, то можно заметить, что все они без исключения, даже Персис (учительница!), даже Пенелопа, не говоря уже о Лэфеме и Айрин, общаются на диалекте. И Кори, представители древнего аристократического рода, оказываются в романе им противопоставлены, в первую очередь, не по их отношению к жизни, не по жизненным идеалам и даже не по образованию, а по речи (т. е. используемым ими речевым стратегиям) как социальному маркеру.

В романе есть несколько сцен, в которых прописана модель общения по-американски. Одна из них упомянута выше: репортер Бартли Хаббард берет интервью у Сайласа Лэфема, из которого мы узнаем основную информацию о главном герое и его семье. Общение-соствязание, так можно было бы его охарактеризовать.

Еще одна образцово-показательная ситуация общения, как это принято в американском обществе, представлена в сцене на пароме: Сайлас Лэфем и Том Кори, окруженные толпой соотечественников-американцев, ведут неспешную беседу о том, что представляют собой

все эти люди. Сайлас отмечает, что каждый на пароме занят своими мыслями, хранит молчание и вовсе не стремится вступить в разговор с другими. Эта безмолвная масса людей ежедневно перемещается на пароме то в одну сторону, то в другую, никак не выдавая своего внутреннего «Я».

Лэфем, с одной стороны, удивлен этому обстоятельству, но с другой – находит в молчании незнакомцев даже что-то завораживающее.

“...And when I get through the paper, I try to get somebody to talk to, or I watch the people. It’s an astonishing thing to me where they all come from. I’ve been riding up and down on these boats for six or seven years, and I don’t know but very few of the faces I see on board. <...> But you take faces now! The astonishing thing to me is not what a face tells, but what it don’t tell. ... I like to watch the couples, and try to make out which are engaged, or going to be, and which are married, or better be. But half the time I can’t make any sort of guess. <...> Heigh?”

“Yes, I think you’re right,” said Corey... (*Howells W. D. The Rise of Silas Lapham. Ch. VI*).

Удивительно, но именно Лэфем замечает эти особенности поведения американцев, не Кори, аристократ по происхождению, более образованный и, как можно было бы ожидать, внимательный, правда, Лэфем имеет на этот счет свое объяснение – Кори молод, его такие обстоятельства не занимают.

“Well,” said the Colonel, “I don’t suppose it was meant we should know what was in each other’s minds. It would take a man out of his own hands. As long as he’s in his own hands, there’s some hopes of his doing something with himself; but if a fellow has been found out – even if he hasn’t been found out to be so very bad—it’s pretty much all up with him. No, sir. I don’t want to know people through and through” (*Howells W. D. The Rise of Silas Lapham. Ch. VI*).

Пользующийся паромом ежедневно Сайлас Лэфем замечает, что он очень редко встречает знакомых ему людей (речь не идет о том, кого он знает лично, а о тех, кого он уже здесь встречал), поскольку люди находятся в постоянном движении, он использует метафору, уподобляя людей частичкам в калейдоскопе, которые постоянно находятся в движении и каждый раз выстраиваются в какой-то новый узор. Лэфем не перестает искренне удивляться тому, что люди все

каждый раз новые, а эффект от этого не меняется: каждый раз эта новая масса людей, тем не менее, напоминает старую, лица их меняются, но суть остается прежней. Лица соотечественников-американцев непроницаемы. Глядя на них, невозможно ничего сказать, т. е. лица его соотечественников никак не отражают их внутреннюю суть. Сайласа данное обстоятельство, как он сам признается, нисколько не раздражает, напротив, он воспринимает ситуацию как некую игру, задача которой и состоит в том, чтобы разгадать, что представляет собой тот или иной человек, какова его внутренняя жизнь. Более того, он и сам не желает «видеть людей насквозь».

Таким образом, изначальное и настойчивое нежелание собеседников «раскрыться» перед незнакомцем в разговоре, стать «прозрачными», «проницаемыми», «доступными» друг для друга Сайласом Лэфемом воспринимается как своего рода социальная аксиома, характерная для американского общества в целом. Человек волен быть тем, кто он есть и кем хочет быть. Узнать другого можно лишь через речь, т. е. речь рассматривается как средство моделирования своего внутреннего «Я». Речь, выступая в роли внутреннего «лица» человека, одновременно оказывается, призвана и скрыть, и выявить его внутреннее сокровенное «Я», поэтому в разговоре желательно проявлять максимально возможную бдительность (особенно с людьми незнакомыми и малознакомыми, как, впрочем, и с близкими): стать открытым для другого, значит, стать уязвимым, показать свои болевые точки, а в дальнейшем, может быть, потерпеть поражение (собственно свидетелями именно такого «поражения» Сайласа Лэфема в самом начале романа читатели и становятся, когда он стал погружаться в сентиментальные воспоминания о своем детстве, родителях и т. д. и был немедленно остановлен опытным собеседником – репортером, довольно бесцеремонно заметившим, что говорить надо по существу, не вдаваясь в никому не нужные детали). Оказывается, сохранять личную независимость – качество, может быть, даже достоинство, талант, которое высоко ценится в американском сообществе, и похвастаться им может далеко не каждый. Так, «слабость» красавицы Айрин, младшей сестры Пенелопы, и заключается в том, что она не умеет скрывать свои переживая за «непроницаемым» лицом, не может в разговоре, в частности, с Томом Кори держать дистанцию, не научена (не научилась?) общаться по-американски.

Заключение

Для У. Д. Хоуэллса-реалиста речь персонажей, воспроизведенная на страницах его романа «Возвышение Сайласа Лэфема», предстает как лакмусовая бумажка, свидетельствующая, с одной стороны, о принадлежности персонажа американскому обществу, а с другой – о его признании им. Общение по-американски воспроизводится и описывается в романе как своего рода увлекательное (для сильного соперника) состязание, требующее определенных знаний и умений, и направлено оно в первую очередь на то, чтобы заставить собеседника, т. е. соперника, раскрыть его внутреннее «Я», «раскусить» его, понять болевые точки и при необходимости добытым в честной борьбе «знанием» воспользоваться.

При этом в романе У. Д. Хоуэллса представлены всего три (по-своему привилегированных) персонажа, которые владеют мастерством общения по-американски в высшей степени: это, во-первых, Кори-старший (в силу своего аристократического происхождения), во-вторых, Бартли Хаббард (как профессиональный журналист) и, в-третьих, что удивительно, Пенелопа Лэфем, старшая дочь Лэфемов (в силу природной одаренности, как прирожденная рассказчица).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Николюкин А. Н.* Возникновение реалистической критики (У. Д. Хоуэллс) // Николюкин А. Н. Американские писатели как критики: Из истории литературоведения США XVIII–XX веков. М. : ИНИОН РАН, 2000. С. 85–122.
- Стеценко Е. А.* У. Д. Хоуэллс // История литературы США. Т. 4. М. : Наследие, 2003. С. 375–440.
- Howells W. D.* Selected Literary Criticism. 1898–1920. V. I. N.Y., 1993. 1024 p.
- Howells W. D.* The Rise of Silas Lapham. URL : www.gutenberg.org/files/154/154-h/154-h.htm.

REFERENCES

- Nikoljukin A. N.* Voznikovenie realisticheskoy kritiki (U. D. Houjells) // Nikoljukin A. N. Amerikanskie pisateli kak kritiki: Iz istorii literaturovedenija SShA XVIII–XX vekov. M. : INION RAN, 2000. S. 85–122.
- Stecenko E. A.* U. D. Houjells // Istorija literatury SShA. T. 4. M. : Nasledie, 2003. S. 375–440.
- Howells W. D.* Selected Literary Criticism. 1898–1920. V. I. N.Y., 1993. 1024 p.
- Howells W. D.* The Rise of Silas Lapham. URL : www.gutenberg.org/files/154/154-h/154-h.htm.

УДК 811.581

О. В. Дубкова

кандидат филологических наук, доцент,
профессор Сианьского университета иностранных языков,
Институт русского языка, иностранный специалист, Сианьский университет
и иностранных языков, Сиань, КНР; e-mail: linuan12@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КАРТИНЕ МИРА КИТАЙЦЕВ

В условиях интеграции Китая в современное мировое сообщество актуальным является определение базовых ценностей. В современном научном понимании слово «ценности» входит в китайский язык в конце 90-х гг. XX в. и получает широкое научное развитие в последнее десятилетие. На основе изучения фундаментальных исследований выделяется 12 базовых ценностей. Автор доказывает, что в настоящее время в картину мира китайцев целенаправленно внедряется совокупность ценностей социализма с китайской спецификой.

Ключевые слова: базовые ценности; картина мира; социализм с китайской спецификой; китайский язык.

O. V. Dubkova

PhD (Philology), Associate Professor,
Professor of the Xi'an International Studies University,
foreign specialist of the Russian Language Institute, Xi'an, PRC;
e-mail: linuan12@mail.ru

REVISITING THE PROBLEM OF DETERMINING BASIC VALUES IN THE WORLDVIEW OF THE CHINESE

In the context of China's integration into the world community, determination of basic values has grown especially relevant. The word "values" entered the Chinese language in the late 1990s and has since received a lot of scientific consideration. A review of theoretical works on this problem has revealed twelve associated basic values. The author argues that currently the Chinese worldview comprises a set of specific socialist values that reflect the structure of Chinese society and that are imposed on Chinese people.

Key words: basic values; worldview; socialism with Chinese characteristics; Chinese language.

Введение

Картина мира китайцев содержит в себе базовые ценности, связанные с политикой, экономикой, идеологией, философией, историей, военным делом, образованием, культурой, религией, народными традициями Древнего и современного Китая, и, с одной стороны, наследует многотысячелетние традиции и опыт страны, с другой – «приспосабливается» к глобализации и интегрируется в современное международное сообщество. В настоящее время в Китае формируется специфическая система анализа и интерпретации базовых ценностей, обусловленная идеологическими и политическими установками строительства социализма с китайской спецификой. В российской научной литературе эта проблема фактически не рассматривается, поэтому представляется целесообразным определить теоретическую и идеоло-политическую основу базовых ценностей китайцев. В ходе анализа современной литературы на китайском языке последовательно рассматриваются следующие вопросы: история формирования понятия 价值观 / ценности в китайском языке, этапы изучения традиционных ценностей китайцев и формирование идеи базовых ценностей социализма с китайской спецификой.

1. Лексикографическое содержание лексемы 价值观 / ценности в современном китайском языке

В китайском языке слово *ценности* (价值观 jiàzhíguān) является сложным, состоящим из трех иероглифов и образованным путем сложения двух существительных: 价值 jiàzhí / *стоимость* и 观 guān / *взгляд*. При этом во втором значении слово 价值 jiàzhí / *стоимость* имеет значение «ценность», обозначая в сочетании с другими словами различные *виды* ценностей: 全人类的价值 quán rénlei de jiàzhí / *общечеловеческие ценности*, 有形价值 yǒuxíng jiàzhí / *материальные ценности* и др. Иероглиф 觀 guān является фонограммой и имеет значение «внимательно смотреть»; изначально он изображал ‘аиста’ (鶻) и ‘открытый глаз’ (見); современный иероглиф содержит элементы, которые связаны с исходным значением.

Согласно нашим исследованиям, слово 价值观 jiàzhíguān / *ценности* в 1999 г. впервые зафиксировано в энциклопедическом словаре «Цдыхай»:

«价值观：关于价值的一定信念、倾向、主张和态度的系统观点...» – Ценности – системный взгляд на определенные убеждения, тенденции, мнения и отношения. Они играют роль поведенческой ориентации, критериев оценки, принципов оценки и измерений... (здесь и далее перевод наш. – О. Д.) [辞海 1999, 第993页].

В «Словаре современного китайского языка» 2005 г. представлено слово 价值观 jiàzhíguān / ценности, которое определяется следующим образом:

«价值观：关于价值的一定信念、倾向、主张和态度的观点，起着行为取向、评价标准、评价原则和尺度的作用。» – Ценности – оценочные взгляды на определенные убеждения, тенденции, мнения и отношения, которые играют роль поведенческой ориентации, критериев оценки, принципов оценки и являются мерилom оценки [现代汉语词典2005, 第625页].

Таким образом, слово 价值观 jiàzhíguān / ценности является новообразованием (букв. ‘стоимостная теория’), значение которого впервые представлено в словаре «Цыхай» и кодифицировано в 2005 г. в «Словаре современного китайского языка». Слово «ценности» в китайском языке образовано по традиционной модели, используемой для обозначения теорий, доктрин и идей, в основу наименования положен признак *стоимость*, связанный с материальными ценностями.

2. Этапы изучения ценностей в картине мира китайцев

2.1. Первый этап

Как показывает анализ научных работ, первые статьи по философскому, историческому и культурному анализу китайских ценностей относятся к середине 2000-х гг., при этом в научных исследованиях слова 价值 jiàzhí и 价值观 jiàzhíguān / ценности рассматриваются как синонимы. Например, Ли Синминь указывает, что *value* / 价值 – латинское слово, его этимология и значение неточны; в XIV в. слово проникает в английский язык... Постепенно возникает теория ценностей (价值论) или наука о ценностях (价值科学). Автор также отмечает: «Когда философы в Древнем Китае обсуждают идеал жизни и критерии оценки человеческого поведения, они спорят об отношениях между правами и обязанностями, разумом и желанием, стремлением и успехом, что тесно связано с ценностями» [李醒民 2006, 第14页].

Линь Ли и Ван Хайянь рассматривают понятие «ценности» с позиций межкультурной коммуникации, указывая, что из-за различий между китайскими и западными ценностями часто возникают коммуникативные ошибки. В исследование прагматики высказываний сознательно вводится понятие ценностей, указываются различия в ценностях общественной морали, общественной жизни, ценностях семейной этики и идеологических ценностях [林俐, 王海燕 2007].

Таким образом, на первом этапе изучения ценностей китайские авторы строго следуют классическим традициям лингвопрагматики и с этих позиций устанавливают содержание конкретных ценностей и сравнивают его с содержанием европейских ценностей. Это, с одной стороны, способ интеграции в мировую лингвистику, с другой – попытка осознать специфический контекст проблемы в китайской культуре.

2.2. Второй этап

В начале 2010-х гг. в научных исследованиях возникает интерес к выделению и интерпретации ценностей Древнего и современного Китая, изучению традиционных ценностей конфуцианства и даосизма. На наш взгляд, такая смена проблематики значительно определяется политическим курсом и социальными изменениями в современном китайском обществе. 4 марта 2006 года Председателем ЦК КПК Ху Цзиньтао впервые представлена концепция «социалистической чести и позора» (社会主义荣辱观) / 八荣八耻 *bā róng bā chǐ* (букв. ‘восемь почестей – восемь бесчестий’), основанная на древнекитайской культурной традиции и ориентированная на нравственное воспитание современной молодежи (人民日报. 21.03.2006).

В октябре 2006 года на 6-м Пленуме ЦК КПК 16-го созыва Председатель ЦК КПК Ху Цзиньтао впервые высказывает идею о *строительстве* базовых ценностей социализма (社会主义核心价值观) (新华网. 29.05.2014).

В октябре 2007 году на XVII Съезде Коммунистической партии Китая указано, что «社会主义核心价值观是社会主义意识形态的本质体现» – «...система базовых ценностей социализма является основным воплощением социалистической идеологии» (新华网. 29.05.2014).

В октябре 2011 года на 6-м Пленуме ЦК КПК 17-го созыва базовые ценности социализма определяются как «“*兴国之魂*”, *建设社会*

主义核心价值体系是推动文化大发展大繁荣的根本任务» – «сердце процветающего государства, поэтому построение системы базовых социалистических ценностей является основной задачей содействия великому развитию и процветанию культуры».

В ноябре 2012 года на XVIII Съезде Коммунистической партии Китая предложено активно воспитывать и реализовать на практике базовые ценности социализма (人民日报. 14.12.2012).

В начале 2010-х гг. в монографиях и статьях Лю Сяна, Юй Вэньли, Ян Гошу, Гун Фанбинь, Гао Лу и др. рассматриваются китайские ценности с философской, исторической и социологической точек зрения [刘翔 2010; 宇文利 2012; 杨国枢 2013; 公方彬 2013; 高路 2014]. Авторами отмечается, что современные китайские ценности не только наследуют традицию, но и включают новые ценности, сформированные после основания Нового Китая, особенно после периода реформы и открытости, что позволяет понять развитие и эволюцию системы ценностей китайцев.

Анализируя происхождение символов и их содержательную эволюцию, Лю Сян исходит из того, что звуковая оболочка и смысл иероглифов отражают возникновение, развитие и передачу из поколения в поколение традиционных ценностей, формируя модель неосознаваемого эталона поведения, который присваивается индивидами в обществе под давлением традиции. Особо подчеркивается, что изучение китайских ценностей обязательно должно опираться на тщательное изучение иероглифов. На наш взгляд, автор совершает прорыв в интерпретации традиционных китайских ценностей, благодаря использованию богатейшего материала древнекитайских текстов. Исходя из ценностей первобытных религий, основ конфуцианской этики и даосизма, а также универсалий человеческой жизни автор определяет три *типа отношений*:

- 人与神 – человек и Дух;
- 人与人 – человек и человек;
- 人与自然 – человек и природа.

Как специфические ценности автором рассматриваются иероглифы, представляющие определенные культурные коды [刘翔 2010]:

- 神 shén – Дух;
- 德 dé – добродетель, гуманность;

礼 lì – этикет, культурность;
义 yì – справедливость, долг;
心 xīn – разум, воля, душа;
有 yǒu – обладание, наличие;
气 qì – Ци;
则 zé – закон и др.

Например, иероглиф 孝 xiào / *почитание родителей* впервые встречается на бронзовых ритуальных сосудах. Его первоначальное значение – «сын должен брать на себя ответственность за содержание отца в преклонном возрасте»; в династии Чжоу значение иероглифа изменяется, возникают семантические связи с идеей ‘добродетельного поступка’, поэтому возникает понятие семейного благочестия – заботы детей о своих престарелых родителях [刘翔 2010, 第49页].

В начале 2010-х гг. выделяются базовые ценности традиционного китайского общества, устанавливаются их историко-культурные связи, создается основа для формирования базовых ценностей социализма с китайской спецификой. Особое внимание уделяется основам конфуцианской этики и даосизму, которые, по мнению авторов, составляют основу ценностной ориентации китайского общества.

2.3. Третий этап

В 2014 г. газетой «Жэньминь жибао» обнародовано 12 базовых ценностей современного Китая, которые известны как 二十四字 / двадцать четыре иероглифа (人民日报. 17.12.2014). Приведем данный список ценностей полностью с переводом на русский язык, поскольку эти данные важны для отбора базовых ценностей при сопоставительных исследованиях и стимульного списка лексем при проведении свободного ассоциативного эксперимента:

富强 – богатство и могущество;
民主 – демократия (букв. ‘народ – хозяин’);
文明 – культура (образование);
和谐 – гармония (согласие);
自由 – свобода;
平等 – равенство;
公正 – справедливость (беспристрастность);
法治 – верховенство права;
爱国 – патриотизм (любовь к стране);

敬业 – преданность работе;
 诚信 – честность (добропорядочность);
 友善 – дружелюбие.

Предполагается, что базовые ценности социализма необходимо разделить на три группы: государство – общество – личность. В газете «Жэньминь жибао» также указывается: «Товарищ Мао Цзэдун неоднократно подчеркивал важность правильного регулирования интересов государства, коллектива и личности, выражение базовых ценностей социализма на этих трех уровнях также воплощает данный идеологический подход. Исходя из этого, способствует активному культивированию основных ценностей социализма» (人民日报. 12.02.2014).

С 2015 г. научные исследования ценностей китайцев опираются на представленную выше концепцию базовых ценностей социализма с китайской спецификой. Ян Чжэньвэнь, Сунь Цинхуа, Чай Илун, Хань Чжэнь, Цзян Чан, Гао Дэбу, Дэн Гофэн, Чжан Вэйвэнь, Цзян Чан, Тао Тао и др. определяют ценности *современного* китайского общества, указывают на необходимость восстановления традиционных китайских ценностей и противостояния проникновению западных ценностей [杨振闻 2015; 孙清华 2016; 柴毅龙 2016; 韩震 2016; 江畅 2017; 高德步 2018; 邓国峰 2018; 章伟文 2018; 江畅, 陶涛 2019]. В соответствии с группировкой ценностей, предложенной Коммунистической партией Китая, предлагается выделить три аспекта их исследования ценностей: «цель национального развития», «идея социального прогресса» и «модель самосовершенствования гражданского общества».

Таким образом, на данном этапе формируется новая трехуровневая модель системы ценностей: государство – общество – человек, которая опирается на систему ценностей маоизма. На основе изучения философии, истории и литературы Древнего Китая определяется взаимосвязь ценностей традиционного китайского общества и базовых ценностей социализма с китайской спецификой.

Заключение

Слово 价值观 jiàzhíguān / *ценности*, впервые зафиксированное в словаре «Цыхай» в конце XX в., является калькой с английского языка, образовано по традиционной модели, используемой для обозначения зарубежных теорий, доктрин и идей, в основу наименования

положен признак *стоимость*, связанный с материальными ценностями. На первом этапе изучения ценностей происходит интеграция китайской теории в мировую лингвистику и предпринимается попытка осознать специфический контекст проблемы в китайской культуре путем анализа содержания конкретных ценностей и сравнения с содержанием европейских (японских) ценностей. На втором этапе объектом исследования становятся базовые ценности конфуцианской этики и даосизма, устанавливаются их историко-культурные связи, на основе идей конфуцианства выделяются три уровня отношений: человек – Дух, человек – человек и человек – природа, – что позволяет определить ценности как взаимосвязанную систему социальных норм и правил традиционного китайского общества, создается фундамент для формирования базовых ценностей социализма с китайской спецификой. На третьем этапе на основе установленных XVIII Съездом КПК 12 базовых ценностей социализма с китайской спецификой формируется новая трехуровневая модель системы ценностей: государство – общество – человек, которая опирается на систему ценностей социализма с китайской спецификой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 《辞海》1999年版彩图缩印本（第5册），上海辞书出版社2000 = Цыхай (1999). Шанхай : Шанхай цышу чубаньшэ, 2000. Цветное фототипическое издание. Т. 5. 2727 с.
- 《现代汉语词典》（第5版）商务印书馆，2005年6月 = Словарь современного китайского языка. Пекин : Шанъу иньшу гуань, 2005. 1866 с.
- 柴毅龙：《尊道与贵德——中国人的价值观》，收录于《云南文库·学术名家文丛》（张瑞才主编），云南人民出版社、云南大学出版社2016年版，160页。= *Чай Илун*. Почитание морали и ценность нравственности – ценности китайцев / под ред. Чжан Жуйцай. Куньмин : Юньнань жэньминь чубаньшэ ; Изд-во Юньнаньского ун-та, 2016. 160 с.
- 邓国峰：《当代中国的核心价值观》人民日报出版社 2018-01 = *Дэн Гофэн*. Базовые ценности современного Китая. Пекин : Жэньминь жибао чубаньшэ, 2018. 16 п. л.
- 高德步：《中国价值》，社会科学文献出版社2018年版，352页。= *Гао Дэбу*. Китайские ценности. Пекин : Социальные науки. Древние рукописи, 2018. 352 с.
- 高路：《中国价值观(青少年读本)》中国青年出版社2014-08 = *Гао Лу*. Китайские ценности (Книга для чтения молодежи и подростков). Пекин : Чжунго Циннянь чубаньшэ, 2014. 378 с.

- 公方彬：《价值中国》，中国工人出版社2013年版，215页。= Гун Фанбинь. Ценности и Китай. Пекин : Китайский рабочий, 2013. 215 с.
- 韩震 等 / 《中国的价值观》. 中国社会科学出版社 2016-06 = Хань Чжэнь и др. Китайские ценности. Пекин : Социальные науки, 2016. 356 с.
- 江畅，陶涛：《中国传统价值观现代转换面临的任务》，《湖北社会科学》，2019年 第3期，第74 - 82页。= Цзян Чан, Тао Тао. Задача современной трансформации традиционных китайских ценностей // Социальные науки пров. Хубэй. 2019. № 3. С. 74–82.
- 江畅：《论中国价值文化发展》，科学出版社，2017年版，376页。= Цзян Чан. К вопросу о развитии китайских ценностей и культуры. Пекин : Наука, 2017. 376 с.
- 李醒民：《价值的定义及特性》《哲学动态》2006年4月 第13 - 18页。= Ли Синминь. Определение понятия «ценности» и его особенности // Фило-софская динамика. 2006. Апрель. С. 13–18.
- 林俐，王海燕：《价值观与语言运用》中国地质大学出版社2007年10月。= Линь Ли, Ван Хайянь. Ценности и их языковое выражение. Пекин : Изд-во Китайского университета геологии, 2007. 170 с.
- 刘翔：《中国传统价值观诠释学》华东师范大学出版社 2010-1。= Лю Сян. Герменевтика традиционных китайских ценностей. Шанхай : Изд-во Восточно-Китайского педагогического университета, 2010. 295 с.
- 孙清华：《社会主义核心价值观: 引领当代中国人精神世界构《建的旗帜》，《社会主义核心价值观研究》2016年第4期，第72 - 79页。= Сунь Цинхуа. Базовые ценности социализма: Руководство «Знаменем строительства» структуры духовного мира современных китайцев // Исследование базовых ценностей социализма. 2016. № 4. С. 72–78.
- 杨国枢：《中国人的价值观——社会科学观点》，中国人民大学出版社 2013年版，369页。= Ян Гошю. Ценности китайцев – ценности социализма. Пекин : Изд-во Китайского Народного университета, 2013. 369 с.
- 杨振闻：《社会主义核心价值观与当代中国人精神世界重建》，《中国浦东干部学院学报》2015年5月 第9卷第3期，第26 - 34页。= Ян Чжэньвэнь. базовые ценности социализма и восстановление духовного мира современных китайцев // Вестник Китайской академии руководящих кадров (Пудун). 2015. Май. Т. 9. Ч. 3. С. 26–34.
- 宇文利：《中国人的价值观》中国人民大学出版社2012.11。= Юй Вэньли. Ценности китайцев. Пекин : Изд-во Китайского Народного университета, 2012. 121 с.
- 章伟文：《中国传统价值观及其当代转换》，四川人民出版社2018年版，229页。= Чжан Вэйвэнь. Традиционные китайские ценности и их современная трансформация. Чэнду : Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2018. 229 с.

REFERENCES

- 《辞海》1999年版彩图缩印本（第5册），上海辞书出版社2000。= Cyhaj (1999). *Shanhaj : Shanhaj cysyu chuban'shje*, 2000. Cvetnoe fototipicheskoe izdanie. T. 5. 2727 s.
- 《现代汉语词典》（第5版）商务印书馆，2005年6月。= *Slovar' sovremenno-go kitajskogo jazyka*. Pekin : Shan#u in'shu guan', 2005. 1866 s.
- 柴毅龙：《尊道与贵德——中国人的价值观》，收录于《云南文库·学术名家文丛》（张瑞才主编），云南人民出版社、云南大学出版社2016年版，160页。= *Chaj Ilun. Pochitanie morali i cennost' npravstvennosti – cennosti kitajcev / pod red. Chzhan Zhujcaj*. Kun'min : Jun'nan' zhjen'min' chuban'shje ; Izd-vo Jun'nan'skogo un-ta, 2016. 160 s.
- 邓国峰：《当代中国的核心价值观》 人民日报出版社 2018-01。= *Djen Goffen. Bazovye cennosti sovremenno-go Kitaja*. Pekin : Zhjen'min' zhibao chuban'shje, 2018. 16 p. 1.
- 高德步：《中国价值》，社会科学文献出版社2018年版，352页。= *Gao Dje-bu. Kitajskie cennosti*. Pekin : Social'nye nauki. Drevnie rukopisi, 2018. 352 s.
- 高路：《中国价值观(青少年读本)》中国青年出版社2014-08。= *Gao Lu. Kitajskie cennosti (Kniga dlja chtenija molodezhi i podrostkov)*. Pekin : Chzhungo Cinnjan' chuban'shje, 2014. 378 s.
- 公方彬：《价值中国》，中国工人出版社2013年版，215页。= *Gun Fanbin'. Cennosti i Kitaj*. Pekin : Kitajskij rabochij, 2013. 215 s.
- 韩震 等 / 《中国的价值观》. 中国社会科学出版社 2016-06。= *Han' Chzhjen' i dr. Kitajskie cennosti*. Pekin : Social'nye nauki, 2016. 356 s.
- 江畅，陶涛：《中国传统价值观现代转换面临的任务》，《湖北社会科学》，2019年 第3期，第74 - 82页。= *Czjan Chan, Tao Tao. Zadacha sovremennoj transformacii tradicionnyh kitajskih cennostej // Social'nye nauki prov. Hubjej*. 2019. № 3. S. 74–82.
- 江畅：《论中国价值文化发展》，科学出版社，2017年版，376页。= *Czjan Chan. K voprosu o razvittii kitajskih cennostej i kul'tury*. Pekin : Nauka, 2017. 376 s.
- 李醒民：《价值的定义及特性》《哲学动态》 2006年4月 第13 - 18页。= *Li Sinmin'. Opredelenie ponjatija «cennosti» i ego osobennosti // Filosofskaja dinamika*. 2006. Aprel'. S. 13–18.
- 林俐，王海燕《价值观与语言运用》中国地质大学出版社2007年10月。= *Lin' Li, Van Hajjan' . Cennosti i ih jazykovoe vyrazhenie*. Pekin : Izd-vo Kitajskogo universiteta geologii, 2007. 170 s.
- 刘翔：《中国传统价值观诠释学》华东师范大学出版社2010-1。= *Lju Sjan. Germenevtika tradicionnyh kitajskih cennostej*. Shanhaj : Izd-vo Vostochno-Kitajskogo pedagogicheskogo universiteta, 2010. 295 s.

- 孙清华：《社会主义核心价值观：引领当代中国人精神世界构建的旗帜》，《社会主义核心价值观研究》2016年第4期，第72 - 79页。= *Sun' Cinhua. Bazovye cennosti socializma: Rukovodstvo «Znamenem stroitel'stva» struktury duhovnogo mira sovremennyh kitajcev // Issledovanie bazovyh cennostej socializma. 2016. № 4. S. 72–78.*
- 杨国枢：《中国人的价值观——社会科学观点》，中国人民大学出版社2013年版，369页。= *Jan Goshu. Cennosti kitajcev – cennosti socializma. Pekin : Izd-vo Kitajskogo Narodnogo universiteta, 2013. 369 s.*
- 杨振闻：《社会主义核心价值观与当代中国人精神世界重建》，《中国浦东干部学院学报》2015年5月第9卷第3期，第26 - 34页。= *Jan Chzhjen'vjen'. bazovye cennosti socializma i vosstanovlenie duhovnogo mira sovremennyh kitajcev // Vestnik Kitajskoj akademii rukovodjashhikh kadrov (Pudun). 2015. Maj. T. 9. Ch. 3. S. 26–34.*
- 宇文利：《中国人的价值观》中国人民大学出版社2012.11。= *Juy Vjen'li. Cennosti kitajcev. Pekin : Izd-vo Kitajskogo Narodnogo universiteta, 2012. 121 s.*
- 章伟文：《中国传统价值观及其当代转换》，四川人民出版社2018年版，229页。= *Chzhan Vjevjen'. Tradicionnye kitajskie cennosti i ih sovremennaja transformacija. Chjendu : Sychuan' zhjen'min' chuban'shje, 2018. 229 s.*

УДК 17+316.7+94(47)

Е. Ю. Перова

кандидат культурологии, доцент,
доцент кафедры мировой культуры Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: eperova71@list.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНТЕКСТ ОБРАЗА ПУТИ В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА

В статье рассматривается образ пути в творчестве И. А. Бунина как движение к преобразению и изменению сознания, вхождению в религиозную традицию русского народа. Мировоззрение писателя, вобравшее противоречия русской истории и культуры XX в., отражается не только в художественных произведениях, но и в художественной критике, в его переписке, в том числе с представителями церковной иерархии. Приводятся новые ракурсы исследований жизни и творчества писателя, появившиеся в последнее время, в том числе впервые опубликованные архивные материалы, фрагменты черновиков и писем.

Ключевые слова: русская история и культура; религиозное мировоззрение; путь; XX век; творчество И. А. Бунина.

E. Yu. Perova

PhD (Cultural Studies), Associate Professor, Department of World Culture;
Moscow State Linguistic University; e-mail: eperova71@list.ru

THE RELIGIOUS CONTEXT OF THE LIFE PATH CONCEPT IN IVAN BUNIN'S WORK

The article analyzes the concept of life path in one of I. A. Bunin's works and describes it as the beginning of spiritual transformation and change of consciousness that gradually became an essential part of the Russian religious tradition. The writer's worldview that was grounded on quite controversial historical and religious ideas of 20th century Russia is reflected both in his literary works, his literary criticism and in his correspondence with different people, including the clergy. The article highlights the most recent views on the writer's life and heritage and relies on the early archive materials, fragments of drafts and letters.

Key words: Russian culture and history; religious worldview; way; the 20th century; Ivan Bunin's work.

Введение

По-разному оценивали творчество И. А. Бунина его современники и критики последующих десятилетий (например, проза и поэзия, а также взгляд на исторические события И. А. Бунина в оценке

столь разных людей, как В. Т. Шаламов, Ю. И. Айхенвальд и др.). До настоящего времени продолжают открываться и исследуются новые ракурсы и документы, связанные с этим выдающимся представителем отечественной культуры. Одно из последних фундаментальных изданий подготовлено в Институте мировой литературы имени А. М. Горького в рамках научного проекта «Академический Бунин» [Творчество И. А. Бунина ... 2019]. Составители сборника отмечают, что ряд архивных документов публикуется впервые, и подчеркивают необходимость издания полного научного собрания сочинений, которое служило бы «единым источником при обращении к текстам И. А. Бунина» [там же, с. 8]. Отдельные материалы сборника дают повод для изучения новых аспектов как в творчестве писателя, так и в историко-культурной ситуации и преемственности взгляда на мир в России XX в.

Мировоззрение И. А. Бунина в контексте его жизни и творчества

Большинство ранних бунинских произведений уже содержит основные категории его мировоззрения, ставят вопросы, ответы на которые, быть может, будут даны позднее. Поэтому принятое сначала разделение творчества писателя на два периода, российский и эмигрантский, впоследствии было пересмотрено [Балановский 2011]. В эмиграции художественная система И. А. Бунина развивалась, дополнялась, но принципиальных изменений не претерпела.

Одна из главных мировоззренческих антиномий автора связана с представлениями о катастрофичности истории и жизни человека. При этом критерием отношения писателя к жизни была подлинность человеческих переживаний. Возвращение к ним в пространстве памяти и способность выразить их в слове. С самого начала в произведениях автора представлена антитеза: подлинное – неподлинное существование. Часто вынесенное на первый план в произведении социальное начало не главное, задача автора – раскрыть логику неподлинного существования, которое греховно само по себе, независимо от мотивации и проявления в жизни героев. Как правило, память дает возможность отделить «совокупности мятежных мгновений» (И. А. Бунин) и подлинности событий и состояний. По мнению писателя, как предполагают современные исследователи, «работа мысли является плодотворной только в том случае, если она подчинена

стремлению проникнуть в глубину данных чувственной памяти художника. “Особенно живая и особенно образная (чувственная) Память” художника... отпечатывает впечатления бытия на “несметных, бесконечно малых сокровеннейших пластинках <своего> Я”...» [Лушанкова Фосколо 2019, с. 76].

Словесная фиксация переживаний является инструментом рефлексивным и дифференцирующим в данном отношении; также отражает архетипическое в культуре, связанное с религиозным миропониманием: многоаспектность смыслов «логосности» в русской культуре, идея преображения как изменение сознания (покаяние) и сам творческий акт, возводящий к Первообразу, Творцу.

Религиозный философ и художественный критик И. А. Ильин писал в работе «О тьме и просветлении», посвященной осмыслению творчества нескольких русских писателей начала XX в., о Бунине как о писателе самобытном и в то же время в традиции русской литературы предшествующего столетия обращающего взор в темные глубины человеческого сердца, в «мировой мрак, черное, провальное естество человеческой души», делающей «зло в меру своей похоти», и большой талант художника способен изобразить такие движения человеческой души и его поступки с притягательной силой (чем, следует отметить, в истории мировой культуры авторы нередко пользовались); но, вместе с тем, человеческой природе присуще и другое начало: «святейшее и властное, духовное и божественное», которого, однако, писатель, по мнению философа, касается лишь «краем своего зрения» и «не приемлет целиком – ни любовью, ни верою, ни художественным видением», а мрачные стороны человеческой природы, описанные автором, завораживают читателя, который оказывается не «в силах ни принять такое, ни отвести глаза, ни забыть эти “темные аллеи” греха» [Ильин 1991, с. 77–78]. Но и в одноименном цикле рассказов присутствует умиротворенность взгляда на русскую историю и состояние души человека (например, в рассказах «Холодная осень», «Чистый понедельник» и др.).

Образ пути отражен в творчестве И. А. Бунина в контексте различных религиозных традиций. Так, в статье Е. А. Осьмининной рассматривается разносторонность подходов писателя к пониманию буддийского пути, «Тао», воспринятого и осмысленного им и через изучение творчества Л. Н. Толстого («Оправдание Толстого»). Например, само

сравнение жизни со сном как отголоски буддизма и даосизма в рассказе «Сны Чанга», «в основе рассказа лежит мысль буддийская, нельзя сказать, что Китай, при всей эпизодичности его описания, играет роль "подчиненную". Бунин глубоко погружается в иную культуру и видит самую ее суть, в данном случае – ее религиозно-философскую основу» [Осьминина 2019, с. 177]. Однако однозначно положительная коннотация ценности «Тао» в восточной традиции И. Буниным не принята. Читатель это видит через монологи героев, фиксирующие их состояния и отношение к миру. В другом фрагменте исследователи замечают, что «слияние с "непрестанным течением" бытия не является достаточным условием, чтобы достигнуть полноты жизни» [Лушенкова Фосколо 2019, с. 76]. Несмотря на охранение индивидуального в собственной позиции, иногда идущей вразрез с соборным, писатель принадлежит к отеческой традиции мировосприятия, включающей в себя полярность проявлений, что не раз было отмечено исследователями русской культуры.

Вместе с тем нельзя сделать и однозначный вывод о безусловном принятии писателем христианского «пути». Хотя отталкивания и притяжения к этому религиозному вектору русской истории говорит о включенности автора в традицию (согласно теории «осевого времени» К. Ясперса). Кроме того, современные исследователи творчества И. Бунина обращают внимание на то, что, довольно часто используя евангельскую фразеологию, автор говорит о христианском начале «не в чисто религиозном понимании, а скорее, в понимании экзистенциальном...» [Деотто 2019, с. 505].

По словам Н. Струве к первой публикации переписки писателя с выдающимся церковным деятелем архимандритом Киприаном Керном, «в отличие от своей благочестивейшей жены, Бунин был далек от Церкви, пребывал в сомнениях чаще, чем в вере, был замучен страхом смерти как конечного уничтожения. Но из писем мы видим, что он тянулся к религиозным уверениям, молился, искал ответа на свои мучительные страхи» [Иван Бунин 1992, с. 159]. Переписка касалась и Л. Н. Толстого, автора, дорогого для обоих собеседников. Архимандрит Киприан видел религиозную трагедию Л. Толстого и отзывался на нее отеческой болью: «Загробная жизнь, смерть, тело... его тяжесть были по-видимому для Толстого особенно трудны. Не было у него того дара, который разлит во всем Православии, дара преображенного,

радостного космизма. Уж кто, как не он понимал этот космос, всю его красоту (понимаете мою игру слов: космос по-гречески ведь и мир, и красота?); кто как не он любил природу, зверей, цветы, человека, музыку, красоту <...>. И как-то у него все это непретворенно, все только земное, а вечной ценности плоти, вечного смысла мира, его идейной первоосновы... он так и не смог приять», для этого надо было иметь «церковный опыт, а его-то и не было» [там же, с. 177]. В жизни известного писателя был отражен тот духовный кризис общества, прежде всего интеллигенции в России, который был причиной революционных событий и последующего осмысления современниками произошедшего, особенно в среде эмиграции. Кризис был связан с отходом от живого опыта Церкви, таинств, соборности. Когда нарушилась целостность мировосприятия, и следование традиции часто сводилось в этой социальной среде к поверхностному знанию обрядовой внешней стороны церковной жизни.

Тонкое понимание человеческой природы и психологии и выделение архимандритом Киприаном нужного в письмах к И. А. Бунину, думается, помогало последнему найти примирение и опору. В одном из последних писем писатель присылал свой рассказ «Баллада», который заканчивается словами: «...его домой еще живого привезли, и он успел перед смертью покаяться и причастие принять... Да и церковь-то была его домашняя, им самим построенная» [там же, с. 177].

Образ пути России на материале новеллы «Чистый понедельник»

«Чистый понедельник» И. А. Бунин считал одним из лучших своих произведений. Такое отношение автора призывает к более внимательному прочтению текста. Читатель ощущает, что новелла выделяется на фоне других в цикле «Темные аллеи». За сюжетной линией и описанием героев произведения «мы безошибочно чувствуем присутствие чего-то более существенного, что тонко... но с удивительной же настойчивостью вплетается Буниным в обыкновенный для него любовный сюжет» [Долгополов 1977, с. 334].

«Чистый понедельник» – самая «московская» новелла цикла. Местом действия не случайно избирается «восточная» столица России. Азиатский колорит Москвы особенно подчеркивается автором (наряду с другими писателями Серебряного века, например Андреем

Белым); глядя на итальянские соборы Кремля, храм Василия Блаженного и в целом тональность городской повседневности (в отличие от сдержанной строгости северной столицы), герой видит восточную пестроту. Эта неожиданность и разбросанность в визуальных образах Москвы и стоящей за ней России выделяются почти в каждом пространстве: в квартире героини – турецкий диван и дорогое пианино; в трактире – дикие мужики и блины с шампанским; шелковый архалук и гранатовое бархатное платье героини и она сама, в которой восточная красота соединяется с европейскими вкусами, интерес к русской старине, старообрядчеству, житиям святых – с чтением Гофмансталя, Тетмайера. «Словно маятник, отклоняется повествование... то в сторону Европы, то в сторону Азии, то к Западу, то к Востоку, где-то в середине, в самом центре, обозначая трудноуловимую черту, линию, точку России» [там же, с. 339].

Поиск идеала, пути России, сопрягается с нравственными искажениями героини. В произведении, кроме безымянных главных героев, много исторических персонажей, невымышленных современников, русские писатели прошлого века, литературные персонажи. На фоне причудливого сочетания Востока и Запада в облике города и героини проступает еще один важный элемент их образа – древнерусский («Допетровская Русь! – восклицает героиня... чувство родины, ее старины»).

Россия, как и героиня, находится на перепутье: Восток – Запад, прошлое – настоящее, читатель следит за тем, как крепнет решение «шамаханской царицы», как автор подводит ее к необычному для «Темных аллей» символическому выбору. Будущее России связано с ее прошлым, объединившим стихийность Востока и рационализм Запада. «Не столько сама героиня интересует» автора, – отмечает Л. Долгополов, – «сколько то, что она носит в душе, мысль о монастыре... об отпаде от мирских благ и соблазнов, о “слиянии” с допетровской Русью» [там же, с. 348]. Спустя десятилетия, прожитые в эмиграции, писатель снова обращается к осмыслению причин крушения России и пытается ретроспективно найти для нее «возможный выход из предреволюционной сумятицы жизни – путь смирения, обуздания стихий, монастырского послушания и патриархальности, ибо только так... Россия могла выйти за пределы своей... обреченности» [там же, с. 357]. Эти рассуждения не теряют актуальности и в настоящий момент.

Само название новеллы «Чистый понедельник» связано в православной традиции с названием первого дня Великого поста, который в богословских текстах сам рассматривается как образ пути, связанный с покаянием, т. е. изменением сознания, преображением. Путь России может быть рассмотрен как путь отдельного человека, соборной совокупности народа.

Заключение

В жизни и творчестве И. А. Бунина отразилась переломная эпоха русской культуры конца XIX–XX вв., утрата целостности мировосприятия. Целостность традиции, ассоциируемая с прошлым, проявляется в художественном произведении через образы воспоминаний, снов. В данной исторической дискурсивности религиозное начало мировосприятия может быть обнаружено, кроме художественного творчества, и в мемуарной литературе, эпистолярном жанре, исследовательских работах самого автора.

Образ пути в творчестве И. Бунина может быть рассмотрен как векторное движение в контексте православного мировосприятия со всеми противоречиями русской истории и культуры XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балановский Р. М.* Проблема периодизации творчества И. А. Бунина в русской критике и литературоведении // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 1. С. 46–49.
- Деотто П.* Иван Бунин: три автобиографические заметки // Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. М. : Литфакт, 2019. С. 502–513.
- Долгополов Л. К.* На рубеже веков : о русской литературе конца XIX – начала XX веков. Л. : Советский писатель (ленинградское отделение), 1977. 368 с.
- Иван Бунин и архимандрит Киприан (Керн). Переписка. 1940–1948 г.* // Вестник русского христианского движения (Париж–Нью-Йорк–Москва). 1992. № 164. С. 159–187.
- Ильин И. А.* О тьме и просветлении. Бунин. Ремизов. Шмелев. М. : Скифы, 1991. 216 с.
- Лушанкова Фосколо А. В.* «Прустовские места» в произведениях И. А. Бунина // Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. М. : Литфакт, 2019. С. 66–85.

- Осьминина Е. А.* Китайские реалии в рассказе И. А. Бунина «Сны Чанга» // Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. М. : Литфакт, 2019. С. 172–179.
- Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. М. : Литфакт, 2019. 896 с.

REFERENCES

- Balanovskij R. M.* Problema periodizacii tvorčestva I. A. Bunina v rusškoj kritike i literaturovedenii // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 1. S. 46–49.
- Deotto P.* Ivan Bunin: tri avtobiografičeskie zametki // Tvorčestvo I. A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografija, istočnikovedenie, tekstologija / red.-sost. O. A. Korostelev, S. N. Morozov. M. : Litfakt, 2019. S. 502–513.
- Dolgopolov L. K.* Na rubezhe vekov : o rusškoj literature konca XIX – nachala XX vekov. L. : Sovetskij pisatel' (leningradskoe otdelenie), 1977. 368 s.
- Ivan Bunin i arhimandrit Kiprian (Kern). Perepiska. 1940–1948 g. // Vestnik ruskogo hristianskogo dvizhenija (Parizh–N'ju-Jork–Moskva). 1992. № 164. S. 159–187.
- Il'in I. A.* O t'me i prosvetlenii. Bunin. Remizov. Shmelev. M. : Skify, 1991. 216 s.
- Lushenkova Foskolo A. V.* «Prustovskie mesta» v proizvedenijah I. A. Bunina // Tvorčestvo I. A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografija, istočnikovedenie, tekstologija / red.-sost. O. A. Korostelev, S. N. Morozov. M. : Litfakt, 2019. S. 66–85.
- Os'minina E. A.* Kitajskie realii v rasskaze I. A. Bunina «Sny Changa» // Tvorčestvo I. A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografija, istočnikovedenie, tekstologija / red.-sost. O. A. Korostelev, S. N. Morozov. M. : Litfakt, 2019. S. 172–179.
- Tvorčestvo I. A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografija, istočnikovedenie, tekstologija / red.-sost. O. A. Korostelev, S. N. Morozov. M. : Litfakt, 2019. 896 s.*

УДК 81-115

О. А. Радченко

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Института иностранных языков им. М. Тореза, Московский государственный
лингвистический университет; e-mail: radoleg@gmail.com

АЛЕКСАНДР ФОН ГУМБОЛЬДТ: В ПОИСКАХ ИСТОКОВ «СРАВНИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ»

Проблема исследования: роль А. фон Гумбольдта (1769–1859) в становлении концепции сравнительного языкознания, созданной его братом В. фон Гумбольдтом. Материал исследования: переписка братьев фон Гумбольдт на немецком и французском языках в 1802–1835 гг. Метод исследования – нарративный, предусматривающий привлечение максимального количества источников, позволяющих осветить личностный, творческий и метакритический контексты деятельности выдающихся лингвистов прошлого. Особое внимание уделяется интересу А. фон Гумбольдта к америндским и тихоокеанским островным языкам, его идеям родства европейских языков и санскрита, а также его вкладу в пополнение эмпирической базы В. фон Гумбольдта в области исследования этих языков. *Вывод:* отмечается, что заслуги А. фон Гумбольдта в становлении сравнительного языковедения выходят за рамки издания лингвофилософского наследия его брата, снискавшего признательность мировой лингвистики, а теоретический вклад самого А. фон Гумбольдта в формирование первой парадигмы современного языкознания остается пока недооцененным.

Ключевые слова: нарративная лингвоисториография; Александр фон Гумбольдт; Вильгельм фон Гумбольдт; сравнительное языковедение; эпистолярное наследие.

O. A. Radchenko

Doctor of Philology (Dr. habil.), Full Professor,
Professor at the Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: radoleg@gmail.com

ALEXANDER VON HUMBOLDT: IN SEARCH OF THE ORIGINS OF «COMPARATIVE LINGUISTICS»

Research problem: A. von Humboldt's (1769–1859) role in the development of the concept of comparative linguistics, created by his brother W. von Humboldt. Research material: correspondence by von Humboldt brothers in German and French in 1802–1835. Research Method: a narrative method that involves the maximum number of sources that allow illuminating the personal, creative and metacritical contexts of the outstanding linguists' activities in the past. Special attention is devoted to A. von Humboldt's approach to the Amerindian and South Pacific island

languages, his ideas on the relationship between European languages and Sanskrit, and his contribution to W. von Humboldt's empirical base in the field of research on these languages. Conclusion: it is noted that A. von Humboldt's merits in the formation of comparative linguistics go beyond the publication of his brother's linguophilosophical heritage, which has won the appreciation of world linguistics, but the theoretical contribution by A. von Humboldt himself to the formation of the first paradigm of modern linguistics remains undervalued.

Key words: narrative linguo-historiography; Alexander von Humboldt; Wilhelm von Humboldt; comparative linguistics; epistolary heritage.

Введение

На античных монетах нередко изображалась Спезя (Spes) – воплощение надежды, нежная девушка в воздушных одеяниях, легко ступающая с цветком в руке в сопровождении вороны – символа длительности бытия. Эта фигура – творение Бертеля Торвальдсена (1770–1844) – венчает и надгробья семьи фон Гумбольдт в саду замка Тегель, находящегося ныне в сердце берлинского округа Райникендорф. Сначала эта статуя была данью памяти Каролины фон Гумбольдт (1766–1829), с которой великий Вильгельм фон Гумбольдт прожил почти 38 лет; этот образ она полюбила еще в римский период их совместных поездок. Теперь же он доминирует над саркофагами многих поколений этой семьи, а прямые потомки Вильгельма и Каролины фон Гумбольдт до сих пор живут в замке и сохраняют всё, что связано с жизнью и трудами не только этой знаменитой четы, но и других представителей семьи фон Гумбольдт – в том числе и Александра фон Гумбольдта (1769–1859), младшего гения, способности которого, правда, далеко не всегда получали достойное признание, а иногда и вовсе подвергались разрушительной критике, как это было в случае с Ф. фон Шиллером [Wuthenow 1996, с. 131].

В историю языкознания младший брат В. фон Гумбольдта, естествоиспытатель, знаменитый путешественник, натуралист, знаток минералогии, проехавший по России в 1829 г., биолог, химик, «универсальный гений» позапрошлого столетия, вошел как важнейший источник сведений о языках Америки и Океании, способствовавший написанию фундаментальных трудов В. фон Гумбольдта как основателя языковедения (см., например, [Амирова 2005, с. 297]). О. Любрих отмечает, что во время путешествий по испанским колониям

в Америке (1799–1804) внимание Гумбольдта привлекли различные этносы, культуры и социальные группы, обращенные в христианство индейцы венесуэльских джунглей, африканские рабы на сахарных плантациях Кубы, креольская знать в столице Мексики. Путешествуя по России до границ Китая (1829), он исследовал языки и обычаи татар, казаков, калмыков, киргизов, бухарских торговцев, монгольских и китайских воинов. Главной проблемой всегда оставалось для него единство рода человеческого в его многообразии [Lubrich 2009, с. 167], что не может не напоминать о взглядах и трудах В. фон Гумбольдта.

Насколько существенным было это влияние, возможно оценить по эпистолярному наследию В. фон Гумбольдта, для освещения которого создан и пополняется специальный сайт Берлинско-Бранденбургской Академии наук (wvh-briefe.bbaw.de/). Несмотря на то, что этот каталог пока составлен не полностью, он позволяет представить себе ту роль, которую сыграл А. фон Гумбольдт в становлении сравнительного языкознания и которая выходит далеко за рамки обмена экзотическим языковым материалом.

Следует отметить, что переписка А. фон Гумбольдта с немецкими и зарубежными учеными по самым разным вопросам (от исключительно научных до организационных) охватывает тысячи документов, в том числе нескольких, написанных рукой юного и неизвестного тогда никому Чарльза Дарвина, восхищавшегося его талантом и достижениями. Как известно, Александр фон Гумбольдт свободно владел французским, испанским, английским языками и латынью, но, судя по его письмам, его интересы не ограничивались языками корреспонденции и научным дискурсом, но всякий раз обращались к языкам народов, с которыми он общался во время путешествий и сведениями о которых так стремился поделиться со старшим братом. В его дневниках встречаются записи на португальском, итальянском, греческом, кечуа, персидском и китайском и др. (см. [Ette 2015]).

Вклад А. фон Гумбольдта в исследование америндских языков

Основной вклад А. фон Гумбольдта в становление концепции сравнительного языкознания связан с обсуждением особенностей языков и культур Америки, которое он постоянно вел со своим братом в переписке. Одно из таких важных писем Александра брату

датируется 25.11.1802 и написано им в Лиме во время второго американского путешествия. А. фон Гумбольдт уже немногим более месяца находится в Лиме и спешит поделиться своими впечатлениями от изучения местных языков, критикуя суждение французского астронома и путешественника Шарля Мари де ла Кондамина (1701–1774) об их бедности: «Карибский язык, к примеру соединяет в себе богатство, грациозность, силу и нежность. В нем нет недостатка выражений для абстрактных понятий; он может говорить о будущем, вечности, бытии и т. п.; и в нем достаточно числительных, чтобы приводить всевозможные комбинации наших числовых знаков. Особенно меня привлекает язык инков; он здесь (в Кито, Лиме и т. п.) – обычное дело в обществе и он столь богат изысканными и многообразными оборотами, что молодые господа, желающие высказать дамам нечто приятственное, имеют обыкновение прибегать к языку инков, исчерпав всё богатство кастильского» ([URL: wvh-briefe.bbaw.de/Brief?section=all&id=729](http://wvh-briefe.bbaw.de/Brief?section=all&id=729)).

Одних лишь этих языков, по мнению Гумбольдта, было бы вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что Америка некогда имела более высокую культуру, нежели та, что обнаружили испанцы в 1492 г. В качестве доказательства он приводит сведения об удивительных познаниях жителей Мексики и Перу в области астрономии и календаря и, тем самым, не ограничивается эстетическими восторгами, столь типичными для «чувственного века».

Работая над изданием своих американских дневников уже в статусе приближенного в свите прусского короля Фридриха Вильгельма III, Александр получает право бывать в Париже несколько месяцев каждый год [Päßler 2011]. С 1807 по 1827 гг. он проживает в Париже постоянно [Merisalo 2010, с. 193]. Оттуда он пишет брату 1 апреля 1820 г. по-французски о трудах Американского философского общества [American 1819]: «Со следующей почтой ты тоже получишь эту драгоценную книгу о языках Америки ... лучшее, что было сделано и с чем мне так тяжело расстаться. Сегодня я посылаю тебе очень любопытную книгу, которую я купил по твоим распоряжениям за 24 франка (ты написал мне купить все, что имеет отношение к языкам <...>. Я оставил тебе заметки, и хотя общие идеи мало философичны (много условностей), я думаю, что эта книга, которую ты перелистал, породит у тебя много идей» ([URL: wvh-briefe.bbaw.de/Brief?section=all&id=731](http://wvh-briefe.bbaw.de/Brief?section=all&id=731)).

Однако замечания о красоте и изяществе языков Америки – не единственная тема рассуждений А. фон Гумбольдта; его интересуют и конкретные примеры, и специфика графики америндских языков. Парижское письмо от 3 февраля 1827 г. включает такие строки: «Я также умоляю тебя дать ему для перевода твои заметки о языке чероки и его алфавите, изобретенном индейцем по имени Гесс, который, как уверяет меня месье Галлатон (sic!), не знает английского. Увидев печатные книги и зная, что белые могут почерком сообщать друг другу свои мысли, говорит господин Галлатон в письме, адресованном мне, он выяснил, как это делается. Либо он неправильно понял, либо обнаружил систему, отличную от нашей, лучше адаптирующуюся к языку чероки, вместо того, чтобы анализировать простые звуки и составлять алфавит по-нашему, он изобрел таковой из слогов, и если предположить, что по происхождению каждый из этих слогов имел особый смысл, то это напоминает нам об основных ключах китайцев» ([URL: www.briefe.bbaw.de/Brief?section=all&id=743](http://www.briefe.bbaw.de/Brief?section=all&id=743)). Этот подход по аналогии с китайским представляется Гумбольдту неправильным. Единственное, что он готов принять как факт, – это наличие в чероки всего 86 слогов, которые он считает максимально достаточными, но отмечает все же то, что они уступают по своим свойствам и комбинациям буквам. Слоговое письмо чероки, упоминаемое А. фон Гумбольдтом, исследовалось, как оказалось, американским политическим деятелем и этнографом Авраамом Альфонсом Альбертом Галлатином (1761–1849), который в 1826 г. опубликовал свой важный труд о языке чероки как результат работы с информантом-носителем этого языка [Gallatin 1826].

Философия языка в рассуждениях А. фон Гумбольдта

В этом и многих других эпизодах своей жизни А. фон Гумбольдт выступает не столько поставщиком научной литературы для старшего брата, сколько самостоятельным комментатором и связующим звеном между последним и научными кругами Америки (и не только), с которыми младший Гумбольдт был связан несравнимо теснее. Так, 8 марта 1823 г. Александр замечает в своем очередном письме из Парижа, что все его знакомые осведомляются регулярно о публикациях старшего брата, так что он восклицает: «Заклинаю тебя вести публикации и следить за своими американскими языками и баскской

грамматикой. Это сокровища для философского изучения языков вообще!» ([URL: wvh-briefe.bbaw.de/Brief?section=all&id=735](http://wvh-briefe.bbaw.de/Brief?section=all&id=735)).

Философская нота в этой переписке не случайна. Не вызывает сомнения тот факт, что А. фон Гумбольдта чрезвычайно интересовала не только собственно исследовательская, но и философская сторона работ В. фон Гумбольдта. Именно поэтому 6 мая 1820 г. он вновь из Парижа по-французски сообщает брату: «То, что вы говорите о регулярности языков как следствие движения человеческого разума, достойно восхищения. Я думаю, что существует два вида влияния иностранного языка на корни – не затрагивающее структуру или непосредственно влияющие на структуру, саму флексию. Персидский язык находится на границе санскритского и семитского языков, а, к примеру, английский – на границе германских языков и французского (романского). Поскольку санскрит и семитский языки более непохожи, чем вода и огонь, существует только инкорпорация, смесь корней. Флексия (по крайней мере, в очень редких случаях) не дается арабским корням <...>. В английском иностранные корни склоняются; и все те, которые не привязаны к материалу жизни, но к более утонченному состоянию цивилизации, происходят из Латинской Европы» ([URL: wvh-briefe.bbaw.de/Brief?section=all&id=732](http://wvh-briefe.bbaw.de/Brief?section=all&id=732)). Нюансы взаимосвязи культуры и языка и здесь прослеживаются достаточно четко, как, впрочем, и типологическая тематика. Удивительна, однако, научная интуиция, проявляемая А. фон Гумбольдтом в сфере, никак не связанной с его образованием и основными научными интересами, сфере, еще даже не получившей методологического фундамента и окончательного терминологического оформления, – языковедении. Лишь за четыре года до этого письма вышел в свет труд Ф. Боппа «О системе спряжения», а до основания кафедры санскрита и сравнительной грамматики в Берлинском университете еще оставалось около года, но в своей переписке А. фон Гумбольдт затрагивает принципиальные вопросы сравнительного языкознания, утверждая, что именно иностранное влияние в определенной степени повлияло на грамматические формы, но расстояние от готского до французского (норманнского) всё же кажется ему меньше, чем от санскрита до семитских языков. Было бы любопытно, с его точки зрения, проанализировать, что общего между германским и славянским языками, почему оба выглядят как санскрит ([URL: wvh-briefe.bbaw.de/Brief?section=all&id=732](http://wvh-briefe.bbaw.de/Brief?section=all&id=732)).

Александр фон Гумбольдт и исследование языков Океании

Весьма существенна и роль А. фон Гумбольдта в истории важнейшего сюжета в наследии В. фон Гумбольдта – знаменитого трехтомника о языке кави (*das Kawi-Werk*), несмотря на то, что не ему принадлежит заслуга знакомства В. фон Гумбольдта с этим языком. Как известно, старший Гумбольдт обратил внимание на этот язык в результате изучения санскритских эпосов, повлиявших и на эпосы и стилистику кави.

Находясь на дипломатической и придворной службе с 1830 по 1859 гг., Александр фон Гумбольдт заботится о своем овдовевшем брате и пишет ему в период с августа 1834 по март 1835 гг. о некоем миссионере из Антверпена Меренхоуте (нынче пребывающем в Вальпараисо), который объявил о выходе своего труда о происхождении всех жителей южных тихоокеанских островов. Гумбольдту представляется весьма любопытным рассуждение автора о древней национальной религии, догмы которой знали «гуляющие под луной» (*promeneurs de nuits*). Он описывает детали этих рассуждений: всё происходит из яйца: *Hoai nui raa ei paa na taaroa* («Великое и священное творение, которое есть только корка или оболочка»), т. е. из мирового яйца; далее: *lé dé Taaroa, Teori ori raa ferna* («именно он дает движение и приводит все части в гармонию»). Венера называется (Меренхоут не упоминает, правда, на каком именно языке южных островов) *Ori poi poi*, «утренний пес». Он утверждает, что раса, обитающая от Новой Зеландии до архипелага Сандвичевых островов, не имеет отношения к от малайцам, как предполагалось долгое время; но происходит от некой когда-то очень развитой великой нации, обитавшей в исчезнувшей части света. Эта гипотеза кажется Гумбольдту крайне странной. Далее он приводит обширный список выражений на малайском языке с переводом на французский, почерпнутый из книги франко-бельгийского исследователя, коммерсанта и этнографа Жака-Антуана Меренхоута (1796–1879) ([URL: wvh-briefe.bbaw.de/Brief?section=all&id=322](http://www.briefe.bbaw.de/Brief?section=all&id=322)), вновь демонстрируя любовь к языковым фактам и их взаимосвязи с культурными феноменами в жизни этноса и стремление поделиться этими сведениями с братом, состояние здоровья которого к тому моменту уже серьезно ухудшилось.

22 марта 1835 г., за 17 дней до кончины Вильгельма, Александр пишет немецкому дипломату и археологу Христиану Карлу Иосии фон Бунзену (1791–1860): «Состояние моего брата вот уже несколько

недель вновь весьма печалит меня. Слабость его мускулов и искривление спины постоянно увеличиваются и вызывают неприятное состояние беспомощности, производящее самое гнетущее впечатление. К тому же его секретарь заболел скарлатиной. Все дети Бюлова были вынуждены спешно уехать в Берлин, и мой брат уже, вероятно, шесть недель испытывает затруднения во всякой работе. Я говорю “работе”, ибо сила его духа так невероятна, что я ему прочел вслух свыше 600 страниц манускрипта общей философии языка (которая составит первую часть его труда о языке кави и связанных с санскритом языках). Это самое удачное, красноречивое из того, что он когда-либо написал» ([URL: www-briefe.bbaw.de/Brief?section=all&id=869](http://www-briefe.bbaw.de/Brief?section=all&id=869)). «Манускрипт общей философии языка» В. фон Гумбольдта – это знаменитое введение в трехтомник труда «О языке кави на острове Ява», изданное отдельно в память об авторе и ставшее классическим произведением немецкой идиоэтнической философии языка [Humboldt W. 1836]. Но А. фон Гумбольдт не только участвовал в редактировании этого текста еще при жизни Вильгельма и содействовал этому изданию после его смерти, но и написал предисловие ко всему фундаментальному трехтомнику [Humboldt A. 1836].

Вывод

Пережив своего брата на двадцать пять лет, Александр фон Гумбольдт издал, как известно, его лингвофилософские труды и уже этим одним заслужил признательность мировой лингвистики, считающей Вильгельма фон Гумбольдта своим основателем. Влияние младшего гения отмечается до сих пор в таких областях, как палеоамериканистика, анатомия, антропология, история, география, геоэкология, физика, философия, астрономия, культурология, география растений и зоология. Признаком того, что история языкознания постепенно обращает внимание на собственно лингвистические заслуги А. фон Гумбольдта можно считать недавний доклад известного исследователя жизни и творчества В. фон Гумбольдта Юргена Трабанта «Александр фон Гумбольдт и язык», прочитанный им в Университете имени Гумбольдта в Берлине 3 декабря 2019 г. Тем не менее теоретический вклад самого А. фон Гумбольдта в формирование первой парадигмы современного языкознания остается пока недооцененным, пребывая в тени мировой славы великого естествоиспытателя, дипломата, биолога, путешественника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В.* История языкознания. 2-е изд. М. : Academia, 2005. 671 с.
- American Philosophical Society (Hrsg.) Transactions of the Historical and Literary Committee of the American Philosophical Society held at Philadelphia, Vol. 1. Philadelphia : Abraham Small, 1819. P. 1–350.
- Ette Ottmar.* Der bewegte Alexander von Humboldt // Der Tagesspiegel. 25.09.2015. URL : www.tagesspiegel.de/wissen/das-universale-werk-des-grossen-forschers-der-bewegte-alexander-von-humboldt/12365024.html.
- Gallatin A. A. A.* A Table of Indian Languages of the United States, east of the Stony Mountains arranged according to languages and dialects. Washington : War Department, 1826.
- Humboldt A. von.* Vorwort // Humboldt, Wilhelm von. Über die Kawi-Sprache auf der Insel Java. Bd. 1. Berlin : Druckerei der Königlichen Akademie der Wissenschaften, 1836. S. [III]–X.
- Humboldt W. von.* Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin, Königliche Akademie der Wissenschaften, 1836. 438 S.
- Lubrich O.* Stufen, Keime, Licht. Alexander von Humboldt als Ethnograph und Anthropologe // Alexander von Humboldt, Ueber die Urvölker von Amerika und die Denkmähler welche von ihnen übrig geblieben sind, hrsg. von Oliver Lubrich, Hannover : Wehrhahn, 2009. S. 167–190.
- Merisalo Outi.* Alexander von Humboldt und Frankreich // Kolehmainen–H.E.H. Lenk – A. Liimatainen, hrsg. Infinite kontrastive Hypothesen. Beiträge des Festsymposiums zum 60. Geburtstag von Irma Hyvärinen. Frankfurt/Main, 2010. S. 185–196.
- Päßler U.* Alexander von Humboldt. Savant entre la France et la Prusse // Études Germaniques. Vol. 261. Issue 1. 2011. P. 45–58.
- Wilhelm von Humboldt: Sprachwissenschaftliche Korrespondenz. Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. URL : wvh-briefe.bbaw.de/.
- Wuthenow R. Rainer.* Wilhelm und Alexander von Humboldt // Deutsche Brüder. Zwölf Doppelporträts. Reinbeck bei Hamburg : Rowohlt, 1996. S. 129–163.

REFERENCES

- Amirova T. A., Ol'hovikov B. A., Rozhdestvenskij Ju. V.* Istorija jazykoznanija. 2-e izd. M. : Academia, 2005. 671 с.
- American Philosophical Society (Hrsg.) Transactions of the Historical and Literary Committee of the American Philosophical Society held at Philadelphia, Vol. 1. Philadelphia : Abraham Small, 1819. P. 1–350.

- Ette Ottmar*. Der bewegte Alexander von Humboldt // Der Tagesspiegel, 25.09.2015.
URL : www.tagesspiegel.de/wissen/das-universale-werk-des-grossen-forschers-der-bewegte-alexander-von-humboldt/12365024.html.
- Gallatin A. A. A.* A Table of Indian Languages of the United States, east of the Stony Mountains arranged according to languages and dialects. Washington : War Department, 1826.
- Humboldt A. von*. Vorwort // Humboldt, Wilhelm von. Über die Kawi-Sprache auf der Insel Java. Bd. 1. Berlin : Druckerei der Königlichen Akademie der Wissenschaften, 1836. S. [III]–X.
- Humboldt W. von*. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin, Königliche Akademie der Wissenschaften, 1836. 438 S.
- Lubrich O.* Stufen, Keime, Licht. Alexander von Humboldt als Ethnograph und Anthropologe // Alexander von Humboldt, Ueber die Urvölker von Amerika und die Denkmähler welche von ihnen übrig geblieben sind, hrsg. von Oliver Lubrich, Hannover : Wehrhahn, 2009. S. 167–190.
- Merisalo Outi*. Alexander von Humboldt und Frankreich // Kolehmainen–H.E.H. Lenk – A. Liimatainen, hrsg. Infinite kontrastive Hypothesen. Beiträge des Festsymposiums zum 60. Geburtstag von Irma Hyvärinen. Frankfurt/Main, 2010. S. 185–196.
- Päßler U.* Alexander von Humboldt. Savant entre la France et la Prusse // Études Germaniques. Vol. 261. Issue 1. 2011. P. 45–58.
- Wilhelm von Humboldt: Sprachwissenschaftliche Korrespondenz. Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. URL : wvh-briefe.bbaw.de/.
- Wuthenow R. Rainer*. Wilhelm und Alexander von Humboldt // Deutsche Brüder. Zwölf Doppelporträts. Reinbeck bei Hamburg : Rowohlt, 1996. S. 129–163.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanities
Выпуск 3 (832)	Issue 3 (832)

Ответственные за выпуск 3 (832):

доктор филологических наук, доцент Н. Н. Германова
(ответственный редактор);
кандидат филологических наук Н. С. Панарина
(заместитель ответственного редактора)

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 27.05.2020
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 13,9.
Заказ № 63/20

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.